

Ольга Павлова

Время огня
МОТЫЛЬКИ

Ольга Павлова

Время огня. Мотыльки

«Автор»

2026

Павлова О.

Время огня. Мотыльки / О. Павлова — «Автор», 2026

Еще не сгладились последствия недавней междоусобицы, и круги до сих пор разбегаются по мутной воде, отчетливо отдающей гнильем и металлическим привкусом крови. Здесь, в Новом Эверране, правда неотличима от лжи, предательство и верность срослись намертво, а выбор – роскошь, доступная не каждому. Вскипают восстания и заговоры, не утихает грызня у трона. И скоро сбудется неотвратимое пророчество Все кругом сгинет в огне, последний наследник низвергнутых королей идет к своей цели, ведомый жаждой мести. А где-то посреди чужой и враждебной земли встретятся у маленького родника принц Нового Эверрана Лиар и беглый каторжник Рик по прозвищу Жаворонок. Люди, оказавшиеся по разные стороны правды, но вынужденные объединить свои усилия для того, чтобы выжить. И одни боги знают, чем обернется эта встреча.

© Павлова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Эпиграф	6
Пролог	7
Глава 1	11
Рик Жаворонок. Эверран, Айхан	12
Эрид, командир шестого отряда столичной стражи. Эверран, столица	19
Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Эверран, Айхан	22
Арко Сигвальд (баронет Орвик Анней). Эверран, Анней	26
Арко Сигвальд (баронет Орвик Анней). Эверран, Анней	34
Герцог Сафир Гаро. Мятежные земли	37
Глава 2	39
Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Орбес	39
Рик Жаворонок. Орбес	41
Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Орбес	56
Реата Гарта, графиня Альен. Северо-восточная граница Эверрана	60
Глава 3	65
Арко Сигвальд (баронет Орвик Анней). Эверран, Анней	65
Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Орбес	73
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ольга Павлова

Время огня. Мотыльки

Предисловие

Автор благодарит людей, которые были рядом и оказывали помощь:

Софью Ляховецкую – за прекрасные иллюстрации и героев, каким-то образом срисованных из авторской головы.

Наталию Сафонову, Светлану Брыкову и Дмитрия Павлова – за советы и конструктивную критику.

Инну Павлову, Дмитрия Шадова и Наталью Ляшенко – за терпение и поддержку, без которой эта книга никогда не была бы издана.

Эпиграф

*Крик: «В атаку!» – охришим голосом,
И опять вокруг тишина...
И седеют до срока волосы
У таких во все времена.*

*А дорога петляет лентою,
И идти не хватает сил
Тем, кто вынужден стать легендою,
Их желаний мир не спросил.*

*Стерся лик за словами громкими.
Ты не первый и не второй,
Кто однажды будет потомками
Заклеймен навек как герой.*

*Ветер треплет страницы повести,
Пожелтели ее листы.
В ней всегда о лжи и о совести.
Выбирай, с кем в ней будешь ты.*

*Выбор прост, и нет места слабости.
Эшафот или пьедестал!
Жаль вот только, спокойной старости
Так никто и не предлагал...*

*Продолжают кипеть сражения.
Крик «В атаку!» обжег, как плеть...
Есть лишь миг, чтоб принять решение.
И вся жизнь, чтоб о нем жалеть...*

Пролог

Иногда я удивляюсь тому, как коротка человеческая память. Сейчас, когда прошло столько лет и на континент вернулись мир и процветание, мы почти уже не помним, насколько страшное время нам довелось пережить. Я и сам почти забыл, каково мне было стоять на залитой кровью улице родного города и знать, что я остался последним. Из памяти почти стерлись и война, и страшные ее последствия. Только один день я продолжаю видеть во сне так ярко, словно это произошло не тридцать лет назад, а вчера или позавчера. Последний день войны.

Над чернеющим оскалом крепостной стены занимался рассвет. Осада длилась вторые сутки, последняя цитадель Отступника еще держалась, но исход уже был ясен. Я смотрел, как первые лучи солнца высвечивают из темноты громаду донжона, и мне не верилось, не верилось...

А ведь не так давно эта тварь казалась неуязвимой! Великий провидец, сильнейший маг, названный за свои преступления Отступником... Кровью и пеплом был отмечен его путь, проделанный едва ли не через весь континент, и желанное господство уже почти принадлежало ему. Все поменялось каких-то полгода назад, когда порядком обескровленный Эверран – Империя Феникса – все же сумел собрать новую армию и дать отпор. Скольких же мы потеряли за эти месяцы! А сколько битв проиграл король Эверрана... Но войну он все-таки сумел выиграть. Вернее, почти уже сумел: последняя цитадель врага еще держалась, но часы ее были сочтены.

Его величество Эскиль Аритен не мог не знать, какой ценой достанется всем нам эта победа, от огромного войска не осталось и трети. Но никто не посмел бы упрекнуть моего короля и друга. Эскиль совершил невозможное, положив конец господству Отступника; он потерял тысячи человек, но спас миллионы. Он стал для нас солнцем, стал воздухом... Когда из-под ног выворачивалась земля, а внизу разверзался черный провал, только он удержал на своих плечах целый мир, не дав ему рухнуть и разлететься вдребезги. В наших глазах король Аритен был почти богом! Нет, никто не посмел бы сказать, что он повинен в гибели своих солдат, но с каждым днем, с каждым потерянным отрядом я видел, как на дне его глаз появляется все больше вины и горечи.

Ничего... Осталось совсем немного! Один короткий бой, и все будет кончено. Внешнее кольцо обороны уже пало, скоро падет и сама крепость. Пение труб возвестило о начале последнего этапа осады.

Жуткие, покрытые чешуей твари, которыми окружил себя Отступник, были гораздо выносливей и сильнее наших воинов, но мы продолжали теснить их. Словно небеса наконец вспомнили о нас... Я не знаю, откуда брались силы. Измотанные, потрепанные, мы двигались вперед, потому что не имели права остановиться. Потому что чудовище, подмявшее под себя континент, должно было подохнуть!.. За моих друзей, за мой город, за боль в глазах моего короля... Я шел вперед.

Не знаю, что сыграло решающую роль: воля богов или наша ярость. А может, дело в магии: кроме самого Эскиля, среди нас осталось одиннадцать одаренных, и каждый готов был отдать свою жизнь за эту победу. Войско в рыже-янтарных плащах с изображением золотой птицы редело с каждой секундой, но все больше приближалось к цели. Внутренний круг обороны продержался несколько часов, к полудню последние защитники крепости были перебиты. Вслед за своим королем я пересек порог тронного зала и замер, задохнувшись от невыносимой, удушающей ненависти.

Он стоял, небрежно облокотившись о спинку трона. Нефритовый венец украшал пепельно-русые волосы; холодные глаза смотрели насмешливо и прямо. У побежденных не может быть такого взгляда! На что же надеялся обезумевший маг?

– Ну, здравствуй, Феникс, – а голос спокойный, снисходительный даже.

Мне нестерпимо захотелось выхватить меч и рубить эту падаль, пока не перестанет шевелиться! Я готов поклясться, что остальные думали о том же. Только Эскиль предостерегающе вскинул ладонь, и мы не посмели двинуться с места.

– Здравствуй, Саймор, – тихо сказал он. – Вот все и кончилось.

В его голосе не было ни триумфа, ни злости – только усталость. Никогда я не слышал, чтобы он так говорил.

Смех Отступника был похож на перезвон кристалликов льда.

– Нет, Эскиль, не так быстро!

Что он несет? Может, с армией своих выроdkов Отступник и был опасен, но теперь у него и тени шанса нет! Саймор Вайдан – великий провидец и умело использует свой дар, превосходя врагов в стратегии, но в открытом бою против короля Феникса он обречен.

Эскиль никогда не любил пустых разговоров, его меч приглашающе блеснул в воздухе.

– Тебе не вывернуться. Раздери тебя демоны, Саймор, возьми оружие и защищайся!

– Оставь! – в голосе колдуна продолжала сквозить насмешка, от которой меня все больше разбирала ярость. Тянет время? Трус! – Я покойник, это понятно. Только знаешь, Эскиль?.. Мне ведь известно, с чем ты связался, чтобы победить. Если б не эта сила, твоя голова уже была бы приколочена к моим воротам, поверь мне!

Ублюдок! Как же он смеет?!

Я все-таки дернулся вперед, но ладонь Сигвальда – командира второго отряда – предостерегающе легла на плечо. Проклятье, да что имел в виду этот выродок?!

Слова Отступника показались мне бессмысленными, я тогда ничего не знал... Но взглянул на Эскиля и оцепенел, потому что в глазах друга увидел понимание и вызов.

– А ты меня не пугай, я знал, на что иду. Мне теперь одна дорога – в пекло, но жалеть не приходится! И стыдиться мне нечего. Так что заткнись и прими свое поражение!

В пекло?.. Да о чем он?! Если и есть на земле кто-то, кто достоин в посмертии вознестись к Небесным горам, то это Эскиль!

– Глупый мальчик! А ведь ты не понимаешь... – подобное обращение резало слух, но не удивляло. Хоть сам Отступник и казался моложе Аритена, никто уже не обманывался его внешностью. Все понимали, насколько древним является это страшное существо. И мнимая молодость, и невозможная, нечеловеческая красота Отступника давно уже не вызывали ничего, кроме отвращения и страха.

– Не понимаешь, – повторил провидец. – Ты же навлек на себя проклятие, в сравнении с которым мои преступления не так уж страшны.

И Феникс улыбнулся – спокойно и печально. Обреченно.

– Плевать. Если это избавит мою землю от такой чумы, как ты, я готов быть проклятым хоть до скончания времен. Потерплю!

– О нет! – вновь покачал головой Отступник. – Не так все просто... Я знаю, я видел будущее, – голос его изменился, стал громче и ниже, уподобился рокоту горной реки. Он подавлял, сминал какой-то непонятной мне мощью. Мы стояли, не в силах шелохнуться. – Ты по-прежнему чист, и ты отцарствуешь свое. Но когда-нибудь это проклятие ляжет на твоих потомков, твой род сгинет. И последний Феникс, одержимый мстью и властью, обратит меч против всего живого. Огненная комета отдаст ему свою силу. И тогда ничто уже не сможет изменить грядущее: он уничтожит Эверран, а за ним и весь континент!

– Ты лжешь! – впервые на моей памяти голос Эскиля сорвался на крик.

– Что ж... Смотри! – и ладони Отступника полыхнули бледно-голубым светом.

Король Эверрана замер, как вкопанный, бездумно выставив перед собой золоченый меч. Никто не знал, что видел Эскиль, но, когда его глаза снова стали осмысленными, в них стоял ужас.

Отступник улыбался.

– Живи с этим, *победитель!* – выплюнул он и сделал шаг вперед.

Я бросился наперерез, боясь, что загнанный в угол колдун попытается атаковать Феникса, и не успел. И другие не успели. Только боялись мы зря: Саймор не обнажил клинка, не прибегнул к страшному своему колдовству. Он просто шагнул вперед, прямо на позолоченный меч Аритена, который тот так и не опустил. Через несколько мгновений его мертвое тело сползло на плиты тронного зала...

Ублюдок!.. Оставил за собой последнее слово. Эскиль оцепенело смотрел на мертвого колдуна, потом опустил залитый кровью клинок. Пальцы его дрожали.

Хотя последнее пророчество Отступника слышали многие, радости от победы это никому не испортило. Мало ли, что сказал перед смертью спятивший маг? Континент вздохнул с облегчением, вновь закипела жизнь. Города возводились на руинах, из взглядов людей исчезали страх и отчаяние. Наконец-то впервые за десять лет у всех нас появилось будущее. А что оно принесет – не так уж важно.

И только один человек не был весел на пиру, устроенном в честь великой победы, – молодой мужчина с тусклыми глазами старика, Эскиль Аритен.

Я смотрел на него и не узнавал. Мне хотелось звать, срывая голос, до тех пор, пока мой король и друг не откликнется. Нет, Эскиль Феникс оставался великим правителем, благородным и мудрым, но я видел, как опустел его взгляд. Я смотрел на его бледную, выцветшую тень и готов был отдать и жизнь, и дарованный им графский титул за то, чтобы вернуться в тот проклятый день и не дать ему увидеть того, что поглотило его душу. Мне всегда было за что ненавидеть Отступника. С его легкой руки мой родной город оказался стерт с лица континента, все, что было мне дорого, уничтожили на моих глазах. Он отнял сотни тысяч жизней, неужели этого мало?! Но перед смертью Отступник забрал еще две – *его* и мою... Эскиль, которого я знал и любил, не вернется, не станет прежним. А значит, и мне не стать.

26 г. от падения Отступника. Граф Видар Альвир

Эпиграф 2

*– Да? Входи, дверь открыта. Впредь
Ты мой гость здесь по всем законам.
Как зовут-то? Что, прости? Моя смерть?
Ну, неважно, будем знакомы.*

*Проходи, садись у огня –
Здесь под вечер прохладно стало.
Ты совсем не стеснишь меня,
Да и вид у тебя усталый...*

*Не согрелся? Бери камзол –
Вон висит. Да не там, правее!
Этот вечер – почти что сон...
Но восход его не развеет.*

*Угощайся, вот хлеб. Вина?
Или ты предпочел бы пиво?*

*Понимаю, идет война,
Вот и вышло все как-то криво...*

*Так что плюнь и не прячь глаза.
Глянь, закат истекает кровью.
Раз пришел убивать – дерзай.
А я выпью. Твое здоровье!*

*Смерть не в радость мне ни рожна,
Я не жаждал встречаться с нею.
Мне ведь жизнь самому нужна!
Но уж если тебе нужнее...*

*Что же, в пальцах стилет зажав,
Ты застрял, как корабль на мели?
Вот и вечер закончен – жаль...
Ты ударишь? Ну что ж... Не медли.*

Глава 1

415 г. от падения Отступника

Рик Жаворонок. Эверран, Айхан

Закатные облака отливали бронзой и вздымались над горизонтом, как пена на хорошем пиве - густом, горьком. Давно Рик такого не пил. Да и пьянил скромный пейзажик немногим хуже. Жаворонок чувствовал себя изрядно захмелевшим вот уже третью неделю кряду. Или сколько он там в пути?.. После тюремной сырости и темноты он все никак не мог надышаться прозрачным воздухом эверранских предгорий. Зима в этом году выдалась паскудная, не такая страшная, как шесть лет назад, но изнурительно долгая. Холода в айханском герцогстве стояли, как армия под стенами осажденного города: брали измором. Зато теперь весна в одночасье наверстывала упущенное. Еще пару недель назад кое-где лежал снег, а сейчас в это попросту не верилось. Весна насмешливо бросала в лицо запах молодой травы, слепила глаза игрой солнечных бликов. Жаворонок вертел головой, моргал, стараясь разогнать зыбкую муть перед глазами. Хотелось лучше рассмотреть знакомые места, унести их в памяти целиком, без изъятия. И то дерево, и овраг, и проклюнувшийся между камнями одуванчик.

Дорога подсунула очередную выбоину, и Рик, споткнувшись, едва не грянулся в пыль, поймал равновесие в последний момент. Ойкнул, когда веревка натянулась, сильнее врезавшись в стертые запястья. Сзади послышались сдавленные проклятия. Жаворонок обернулся.

– Ну, извини, приятель, я не специально! – виновато развел руками, насколько это позволяла веревка. Хмурый, заросший по самые глаза тип, шедший следом, прожег его ненавидящим взглядом.

– Под ноги смотри! – прошипел он и добавил что-то совсем уж нелицеприятное в адрес Рика.

Ага, под ноги... Чтоб последним, что он увидит перед каменоломнями, стала разбитая, пыльная дорога? Вот уж спасибо. Да и не стоило принимать крепкие выражения на свой счет: товарищи по несчастью вообще выглядели недружелюбно и рады были хоть на ком-то сорвать досаду и злость. Напрасно они... Можно подумать, это он виноват в том, что у кого-то жизнь не задалась! У него, у Жаворонка, тоже вот не задалась, что ж теперь? Бывает.

Рик и сам порядком вымотался: сегодня шли почти без остановок, злыми и уставшими выглядели и приговоренные, и конвой. Мучительно хотелось есть, веревки на ногах натерли внушительные мозоли, но преступник все равно не ждал наступления темноты и команды остановиться. Ночь будет означать, что прошел еще один день дороги, а их и так уже немного осталось. Пограничные горы совсем рядом, их пологие вершины маячат все ближе, неотвратимо, как петля виселицы. А дальше ничего хорошего не ждет. Несколько месяцев на добыче белого камня – едва ли он протянет дольше. Нерадостная перспектива...

До чего ж бестолково все вышло! Нет, то, что закончит Рик Жаворонок паршиво, секретом для него не было, не ждал только, что случится это так скоро и так глупо. Да чего уж теперь?..

Хоть был он вором и жуликом, а меру все-таки знал. Нельзя забирать последнее: боги такому беспределу потворствовать не станут, удачи не будет, проще говоря. А без нее в подобном деле не обойтись, не помогут ни ловкость, ни опыт. Хотя рыжая Тиол¹ и так в последнее время от Жаворонка отвернулась, то ли гневается за что-то, то ли надоел он ей в край... Женщина она, хоть и богиня, а женщин поди пойми!.. Люди в том городишке, куда занесло Рика, были до костей обглоданы нынешним упадком и долгой зимой, красть у них толком было нечего. Впрочем, как и везде с некоторых пор. Те же, у кого было чем поживиться, без уси-

¹ Тиол – чтимая на континенте богиня удачи. Изображается в образе рыжеволосой девушки; атрибутом ее принято считать колесо прялки, вращая которое, Тиол сплетает в единую нить события, дороги и судьбы.

ленной охраны давно не ходят. С голодухи уже мутилось в голове. Вытащить кошель у местного чиновника Рик решил скорее от отчаяния, и все-таки почти преуспел. Почти. В памяти остались приятная тяжесть кожаного мешочка с деньгами, крепкие пальцы, сомкнувшиеся на запястье, удар... А потом был месяц, проведенный в городской тюрьме, и дорога в каменоломни. До чего обидно! Столько всего ему в жизни удавалось провернуть под самым носом у стражи, а попался на такой ерунде... Глупо до смешного! Рик бы и посмеялся, наверное, если бы мог, но после месяца в промозглой камере смех у него быстро переходил в надсадный кашель.

Впереди произошло какое-то шевеление, конвойные засуетились, отгоняя неповоротливую цепь каторжан с дороги. Засвистела плеть. Очередной торговый караван, наверное, пропускают... Замешкавшись, Рик обзавелся еще одной прорехой на линялой куртке и саднящей полосой на плече. Ох, демон, как же надоело-то...

Когда получилось рассмотреть силуэты всадников, стало ясно, что это не торговцы: форменные плащи определенно принадлежали гвардии. Человек, возглавлявший процессию, и вовсе носил на груди королевскую эмблему Нового Эверрана. При виде волчьей головы, вышитой серебром по черному сукну, Рика передернуло. Надо же, из самой столицы, наверное... Высшая знать, приближенный регента, чтоб его демоны загрызли. Граф какой-нибудь, а то и герцог. И как его в эту дыру занесло?

Породистые кони прошли в каком-нибудь десятке шагов. Надсмотрщики и каторжане склонили головы, уперлись взглядом в дорожную пыль. От дворцового этикета и те, и другие были в равной степени далеки, но привычка молчать и кланяться при виде представителей дворянского сословия намертво въелась горожанам в мозги за последние двенадцать лет. У Рика, выросшего в такой глуши, что туда и королевские сборщики налогов не заглядывали, этой привычки не было. Он внимательно рассматривал столичного вельможу и никак не мог избавиться от непонятного чувства, будто с тем что-то не так. Чего-то не хватало. Или, напротив, было в нем нечто лишнее, что никак не увязывалось в общую картину и торчало, как шляпка халтурно забитого гвоздя. Цепляло глаз. Может, дело в совершенно недворянской физиономии эверранца, широкой, открытой? Или в прямом, как полено, взгляде? Что-то не то...

А потом их взгляды на мгновение встретились, и стало Жаворонку окончательно паскудно. В серых глазах дворянина он уловил тщательно скрываемую жалость.

А вот этого не надо, это лишнее! И гордость тут ни при чем. Какая, к бесам, гордость, если всю жизнь то в кости жулишь, то мелочь по кошелькам таскаешь?.. Просто Рик самому было до оскомины жаль молодого эверранского вельможу! Как бы он ни пытался скроить надменную мину, а опытного жулика не проведешь. Жаворонок вообще неплохо читал человеческие лица, что нередко спасало ему жизнь. Хотя в сочетании с довольно-таки длинным языком это умение приносило порой и неприятности, да... И сейчас он отчетливо видел, что этот человек еще не зачерствел, не свыкся со всем ужасом и безысходностью, наводнившими континент. Еще не стал таким, как те аристократы, которых прежде доводилось встречать Рик Жаворонку. Глядя на цепь ободранных каторжан, молодой широкоплечий всадник все еще видел людей. Не преступников, не ресурс, нужный лишь для разработки белого камня, – людей! Небо, как же он с этим?..

Таскать на себе каторжное клеймо – сомнительная радость, но и это лучше, чем носить напротив сердца эмблему с волчьей головой. Может, его, Рика, жизнь и не напоминает медовый пряник, да и осталось той жизни всего ничего, а умирать до дрожи, до одури не хочется, но ни за что он не поменялся бы местами с этим всадником. У Жаворонка хоть капелька свободы осталась – свободы не опускать глаза. Не так это и мало, если вдуматься! А у светловолосого вельможи такой роскоши нет: отвел взгляд, уставившись на дорогу. Потому что совесть, отяжелевшая от чужой крови, как мокрый войлок, весит куда больше любых кандалов.

По законам Нового Эверрана за воровство полагается смерть, которую иногда заменяют каторгой, это Рик хорошо знал. На собственном опыте, будь он неладен... Только это смотря

что украдешь. Двенадцать лет назад человек, носивший герб с серебряным волком на черном поле, украл куда больше. И разом у всех. Затрещала по швам империя, полетели в пекло многовековые устои. Все, на чем держалась на континенте нормальная жизнь. Война Огня, как назвали ту жуткую междоусобицу, опустошила Эверран, выжала досуха. Рик ее не помнил: маленький он тогда был. Но вот последствия... Последствий ему, как и всем остальным, хватало по сей день. Круги все еще разбегались по мутной воде, отчетливо отдающей гнильем и металлическим привкусом крови.

Видения надвинулись на каторжанина глухой стеной, толкнули в грудь. Они вставали перед глазами, сменяя друг друга с пугающей скоростью, будто карты в ловких руках фокусника. И охваченные огнем страницы старых книг, и тучи стервятников над коридором виселиц, и озверевшая толпа, растерявшая человеческий облик...

Сколько украл Ирган Альвир, Эверранский Волк, у целого континента! И ничего ему за это не было, короновали даже. Правда, тогда он уже был смертельно ранен и прожил после этого меньше часа, но какое это имеет значение?.. Разве своей смертью он хоть что-то исправил? Империи больше нет, династия Аритенов пала... А над эверранской столицей по-прежнему реет знамя с волчьей головой. И носить у себя на груди эту дрянь... Небо, да что вообще может быть страшнее?! Этот парень на статном соловом жеребце вряд ли мог иметь отношение к кошмару двенадцатилетней давности: он же от силы лет на пять старше Рика. Но навесил на себя черно-серебряный символ предателя и узурпатора. Присягнул Альвирам. Да лучше уж верховному демону поклясться в вечной верности! И, если в нем пока есть что-то человеческое... А оно есть, это же видно, если уметь смотреть! По сжатым зубам, по отведенному взгляду, по закаменевшей линии плеч видно. Как же ему, должно быть, тошно в волчьем лагере!

И этот человек считает, что может кого-то жалеть?!

Когда преступник вынырнул из невеселых своих раздумий, черно-серебряные плащи уже скрылись за поворотом, оставив по себе только горьковатый осадок в душе да тучу пыли над дорогой.

– Шевелитесь, бесово отродье! Чего встали?!.. – снова свист рассекаемого воздуха над ухом. Боли Жаворонок почти не почувствовал. Вдохнул и, повинувшись натяжению веревки, ускорил шаг.

А ночью нахлынуло... Лежал, стараясь не вертеться, чтобы не мешать остальным, хрен же их кто развязывал, а веревка общая. Было неудобно и холодно. Рик думал, что усталость возьмет свое, как только он закроет глаза, но сон не шел. Паскудная горечь в душе никуда не делась, зудела и билась в сознании, как запертая в комнате муха. Перед глазами настойчиво маячила фигура в черной куртке с серебряным шитьем. И что же Рика это все так зацепило?.. Неужели дело только в жалости?

На самом деле было еще кое-что. Сколько бы Жаворонок ни гнал от себя бестолковую мысль, а никуда та мысль не девалась: казалось, было в лице эверранца что-то знакомое. Словно виделись уже. Глупость, конечно, наваждение... Никогда в жизни провинциальный воришка Рик Жаворонок не видел этого человека и вряд ли еще увидит, но измотанное сознание упорно цеплялось за черты широкоплечего дворянина и плыло куда-то совсем уж не в ту сторону. Пробуждало память о том, чего не стоило вспоминать.

Рик давно считал себя циником и материалистом, и все ненужные размышления нещадно гнал от себя к бесовой матери. Довольно, кстати, успешно: даже в отупляющей темноте тюремного подземелья ему удавалось не скатываться в воспоминания. Предаваться старым кошмарам – занятие совершенно бестолковое, какая с него польза? А раз никакой, то и нечего. Но теперь мысли каким-то непостижимым образом переметнулись от ненавистной морды серебряного волка к тому не менее ненавистному дню.

Он не помнил, что было до. Просто осознал себя стоящим где-то посреди выжженного города и долго шел, не выбирая направлений. Гладь первого подвернувшегося озера отразила мальчишку лет пяти-шести, вряд ли ему было больше. Кажется, его звали Риком... Собственно, это все, что он о себе знал. Тогда он, конечно, ни пса не соображал, но запомнил накрепко. Это потом, став старше, многократно вертел в уме тот день, анализировал... А тогда было просто тоскливо и холодно. Очень холодно, даже в ту самую страшную его зиму несколькими годами спустя так холодно не было. И вряд ли еще когда-нибудь будет. Разве можно во второй раз столько потерять? Семью, дом, себя самого... Ни демона же не осталось!..

Просто ребенок в заскорузлой от крови одежде, бурых потеков столько, что не разобрать цвета ткани... Кровь не его – чужая, ран на теле нет. То есть мелких царапин и ушибов хоть отбавляй, но не более... Вот, собственно, и все. Как Рик узнал позднее, примерно в это время кончилась Война Огня, эверрская крепость была взята штурмом, а на престол взошла династия Альвиров.

Пользы в этих воспоминаниях не нашлось, и потому они были заброшены в самый дальний угол, где благополучно покрылись толстым слоем пыли и паутины. Вряд ли его дурацкая история многим отличается от сотен других. Сколько ж их было тогда – мальчишек и девчонок, потерявших разом все, что только можно, треклятая междоусобица мало кого обошла стороной. Жаворонку так даже повезло, что вместе со всем остальным он лишился и памяти. Если не знаешь, что потерял, то и болит меньше. Разве что кошмары долго снились – тяжелые, болезненные видения, наполненные огнем, предсмертными криками и звоном стали. Но потом и это прошло.

И почему физиономия мельком увиденного сегодня человека вызвала такой поток идиотской меланхолии, вообще не ясно. Да в пекло! К демонам!

Рик сердито уставился ввысь. Звезды расплывались перед глазами, переговаривались неподалеку охранники, потрескивали костры. Через некоторое время он все-таки провалился в короткий, мутный, как болотная жижа, сон. Отчего проснулся, сам не понял, но пробуждение оказалось резким, словно холодной водой облили. Распахнул глаза, осмотрелся: ничего не изменилось. Бледный диск луны, надкусанный с одного края, спящие в неудобных позах каторжане. У давно потухшего костра к стволу старого клена привалился один из надсмотрщиков. Видимо, сейчас его дежурство, но конвойный, не стесняясь, дремал. В общем, правильно делал: преступникам, один пес, не сбежать. Связанные между собой, они кого угодно перебудят, если попробуют подняться. Да и не договориться им друг с другом... А жаль.

Жаворонку изрядно околел и попробовал хоть как-то сменить позу, но тело почти не слушалось. Было даже не больно. То есть больно, конечно, тоже: ушибов и ссадин он успел поработать порядком, чего уж говорить про свежее клеймо... Но дело не в этом. Так бывает, когда вывихнешь что-нибудь: вертишь поврежденной конечностью, и мучительно хочется, чтобы сустав хрустнул и встал на положенное ему место. Вот и сейчас Рик отчего-то испытывал подобное, только на сей раз он весь был таким вывихнутым суставом, и встать на место никак не получалось. А в груди ворочался незнакомый, непонятный жар, так странно сочетавшийся с ночной прохладой. Растекался по жилам, бился в кончиках пальцев.

Ощущения усиливались, становились четче и ярче, накатывали, как приближающийся вой охотничьего рога. Небесные горы, да что с ним такое?.. Мышцы свело протяжной, болезненной судорогой, и Рик едва не закричал, хорошо, что голос напрочь сел, а то перебудил бы весь лагерь... А потом все это разом схлынуло.

Он лежал на промерзшей земле и тяжело, прерывисто дышал. Ныли запястья и лодыжки, жгло спину в тех местах, где ее касалась плеть, пульсировал ожог на предплечье, но ничего странного и непривычного преступник больше не ощущал. Разве что ночной холод показался совсем уж нестерпимым. С трудом удалось сдержать приступ опостылевшего кашля. Эх, сей-

час бы погреться... Он представил, как где-нибудь рядом разгорается небольшой костерок, и желанное тепло касается заледеневших пальцев. Хорошо бы, а?..

Золотистый отблеск в траве совсем рядом...

Рик удивленно скосил глаза и подавился настолько грязной руганью, что она была бы неуместна не только в приличном обществе, но и на той помойке, где он вырос. Осторожно, словно пробуя на вкус, язычок пламени лизнул раскисший прошлогодний листок. Тот, очевидно, был признан вполне съедобным, потому что огонь разгорелся веселее. Начала скукоживаться нежная молодая трава. Несколько мгновений Рик заворожено смотрел на это, потом кое-как дотянулся связанными руками и, стиснув зубы, прижал разгорающуюся траву. Плевать на ожоги, это нужно было срочно, немедленно потушить, пока, не приведи небо, никто не увидел!

В панике оглядел спящий лагерь. Нет, не видели... Ни один из измотанных людей не проснулся. Великие боги, спасибо!.. Жаворонок прижал обожженные руки к пылающему лицу и долго лежал, пытаясь осознать произошедшее. Он сталкивался с подобными фокусами несколько раз, достаточно, чтобы не ошибиться. Знал, что видит перед собой, только поверить никак не мог. Еще пару месяцев назад каторжанин предпочел бы, проснувшись с утра, обнаружить у себя признаки чумы или гнойной гангрены, а то и не проснуться вовсе, лишь бы не это... Не то, что раньше называлось даром богов, а теперь стало смертным приговором.

Давно, демон его знает, сколько столетий назад, всеми государствами на континенте правили династии магов. Шло все неплохо, если верить летописям, но со временем прежних монархов начали свергать: то ли второго Отступника получить боялись, то ли просто из банальной зависти... Родной Эверран продержался дольше всех. Аритены – величайшие маги, которым покровительствовало пламя, долгое время поражений не знали. Однако пресловутая Война Огня решила и их исход: граф Ирган Альвир захватил трон, а королевская семья была перебита за одну ночь. Собственно, с тех пор одаренных не уставали преследовать на всем континенте – опасались мести. Особенно в Эверране. Ходили слухи, что последний из Аритенов еще жив и, объявись он, все, кто обладает даром, окажутся на его стороне. А уж после восстановления магов, устроенного графом Сигвальдом, новая власть окончательно слетела с катушек.

Жестокости на континенте хватало, но никого не преследовали столь фанатично, как одаренных. Как бы ни прятались, как бы ни скрывали они свою силу, их выявляли и вешали одного за другим. Рик доводилось видеть живых волшебников, особенно раньше, пока еще не до всех успели добраться черно-серебряные. Люди как люди, половина из них ни о каких восстаниях даже не помышляла. Но кто стал разбираться?.. В последние же годы встречать одаренных доводилось только во время их казней. Жаворонок не слишком любил подобные зрелища, но в толпе возле эшафота демонски удобно резать кошельки, так что посещал он их нередко. И теперь с невероятной отчетливостью Рик видел, как уже не он, а кто-нибудь другой будет воровать в толпе, а сам Жаворонок окажется для этого слишком занят: он будет болтаться в петле как колдун и преступник.

От этих мыслей стало жутковато, однако, положила руку на сердце, сейчас-то ему что терять? В его распоряжении несколько месяцев в каменоломне, не больше. В конце концов, полугодом иногда хватает здоровым и сильным мужчинам, чего уж говорить о Жаворонке с его скромной комплекцией! Так многим ли он рискнет?..

Проклятие! А умирать-то не хочется. Ни сейчас, будучи уличенным в магии, ни в Пограничных горах, спустя полгода. Вообще никак не хочется! Категорически.

Каторжанин еще раз затравленно огляделся по сторонам: вроде все спят, да и луна куда-то спряталась, темнотица кругом, не увидят... Он был совсем не уверен в успехе, но не попробовать нельзя. Бежать теперь надо, хоть тресни: на каторге он точно не сможет долго скрывать свой внезапный дар.

Сосредоточился, вспомнил, как подобные вещи проделывал Гайд – отличный парень и средней руки волшебник. Жаворонок видел, как его уводила стража... Пристально взгляделся в ненавистную веревку на запястьях, представил, как она соскальзывает. Осторожно, чтобы никто не проснулся. Ну давай же... Ну!..

Какое-то время ничего не происходило, а потом пеньковые петли упали ему на грудь – руки были свободны. Демонову мать... Как легко и естественно! Словно всю жизнь так умел. А между тем всего этого не могло быть: ему же лет семнадцать, Рiku, и никогда прежде никаких проявлений магии не было! А ведь не сказать, что он их у себя не искал... Но их не было, совершенно точно не было! А магия – это врожденный дар, она не может вот так, вдруг, появиться в семнадцать или сколько ему там! Это, демон возьми, невозможно!

А что, если?.. Ну там, с голодухи мерещится?.. Или он просто свихнулся? Впрочем, какая, в пекло, разница, свихнулся или нет? Его руки теперь свободны, и не воспользоваться этим было бы глупо!

С веревкой на лодыжках получилось сразу. Рик осторожно поднялся, переждал приступ головокружения и бесшумно пошел прочь. По-хорошему надо было добраться до телеги с провизией и хоть что-то прихватить, но рисковать не было сил. Бежать куда-то без еды, какого-никакого ножа, без кресала – идея в высшей мере бестолковая, но все лучше, чем еще раз попасться, так что убираться надо было скорее. Главное, получить преимущество в пару минут, чтобы из арбалетов не подстрелили. А там пусть побегают! В конце концов, кому он нужен? То, что Рик оказался колдуном, никто не знает, он этого и сам не знал. А просто беглый воришка... кому до него есть дело? Погоню, конечно, пустят ради приличия, но и только! Если сейчас продержаться и не щелкать клювом, то он сможет уйти.

В предрассветной темени было ни пса не разглядеть, через колючие заросли продираться приходилось ощупью. Он сам еще не решил, куда стоит бежать, но это сейчас не главное, важнее всего убраться подальше от предгорий, а там видно будет! Сигнал тревожного рога донесся до Жаворонка, когда он уже успел отойти на добрые пару аттов². Спокойно, спокойно... Главное не останавливаться! Впрочем, это как раз начинало становиться проблемой: переставлять одеревеневшие ноги было все сложнее, в висках истерично бился пульс.

Он уже всерьез подумывал остановиться и передохнуть, все-таки не так велика вероятность, что эти ублюдки верно взяли его след, но спустя некоторое время в отдалении прозвучали собачий лай и конское ржание. Ах ты ж демон! Видимо, к его поискам присоединился отряд патруля. Еще и собак где-то взяли, уроды! Небесные горы, вот за что такая немилость?.. Если всадники, да с толковыми псами, то все – крышка.

Взял себя в руки, сориентировался, и паника схлынула. Верное он выбрал направление, несмотря на темень и усталость, не иначе Тиол вывела! И как сразу не сообразил? Совсем он отупел, видать, с такими-то новостями. Отсюда же до Орбеса рукой подать! И проход как раз неподалеку. Надсмотрщики, патруль... Да хоть личная гвардия ненавистного регента! Если успеть добраться до границы, то никто из них за беглецом не сунется. Это здесь они – закон, а в орбесской степи местные лучники перещелкают их на раз. Рика они, правда, тоже непременно прикончат, если он им попадется, в Орбесе чужаков с некоторых пор не любят, но он-то уж как-нибудь сможет проскочить незамеченным. Сколько раз он это проделывал – и ничего!

Понимая, что до заветного спасения еще нужно добраться, преступник ускорил шаг, потом и вовсе перешел на бег. Приближающийся собачий вой способствовал. Бритвенно острое чувство опасности, полоснув по нервам, заставило боль и слабость отступить, некоторое время он протянет, главное, чтобы его хватило. Тоненькая полоска восхода высветила гряды поросших терновником холмов, на первый взгляд, совершенно сплошную, через такую перебираться долго, и шуму наделаешь... Но Рика-то этим не провести, он знал, где можно просо-

² Атт – мера длины, приблизительно равная 600 метрам.

читься! Местные авантюристы звали узенький проход между холмами «мышинной калиткой» и нередко ею пользовались. Не для всех, правда, это хорошо заканчивалось, но сейчас выбирать не приходится. Ну что ж... Не оставьте, небесные владыки!

Эрид, командир шестого отряда столичной стражи. Эверран, столица

Эрид вздрогнул, случайно потревожив болтавшуюся на перевязи руку, но вторую ладонь так и не разжал. Не смог. Смотрел на собственные одеревеневшие пальцы, стиснутые на плоской золотой пластине, и ни беса не мог с собой поделаться: второй раз в жизни ему было по-настоящему страшно.

Вот ведь как... Человек, о чьей смелости, граничащей с откровенным безрассудством, в отряде ходят легенды, стоял как дурак и вздохнуть не мог от сковавшего тело ужаса. Эрида упрекали в разном и, как правило, вполне заслуженно – в сквернословии, тяге к женщинам, выпивке, риску... Но никто и никогда не обвинял командира шестого отряда столичной стражи в трусости. Может, зря?..

Страшно. Совсем, как в тот день, когда двенадцать лет назад солдат гвардии Феникса под командованием госпожи Ри`Эльверго отстаивал проход к эверранской столице. Легендарное сражение в Тавском ущелье, которое невозможно было выиграть и нельзя – никак нельзя, демон побери! – было проигрывать. Нет, пока звенела сталь, пока летели на землю мертвые горцы, которых оказалось раза в три больше, чем эверранских солдат, страха не было и в помине. Он пришел после, когда атака захлебнулась... Эверран взял свою победу – невероятную и безумную, но вестник в разодранной котте³ прискакавший на взмыленном коне, замер у входа в шатер. Стоял и молчал, не смея заговорить, и тогда Эриду впервые стало по-настоящему страшно. Хотелось, чтобы гонец никогда не решился открыть рот, чтобы можно было продолжать верить. Но тяжелые, как свинец, слова прозвучали, безвозвратно расколов жизнь на две такие неравные части.

До этой черты у них было все. Рядом – друзья, за спиной – страна, за которую не жалко отдать жизнь, а впереди – король, за которым можно было идти хоть в пекло. Сколько всего было! С ними, не с кем-нибудь. Теперь и не верится. Тогда, в Тавском ущелье, Эрид узнал, что столица взята, убит Сивер Аритен, а война проиграна. Это как стоять часовым, дожидаясь рассвета, и вдруг узнать, что его не будет. И ты бессилен, проклятье, насколько же ты оказываешься бессилен! Ты не мертв, не связан, даже меч при тебе... Но что толку?! Как ни бейся, ничего уже не вернуть, ничего не исправить. Эрид непременно рехнулся бы от этого всепоглощающего чувства...

А потом пошли слухи, будто кто-то из сыновей Сивера остался жив, и Эрид этим слухам поверил. Не потому, что доказательства были хоть сколь-нибудь убедительными, какие, ко всем бесам, доказательства?! Тела не нашли? А что, что, раздери их демоны, там вообще можно было найти?! Горящие печати, знаменья... а кто их видел? Нет, байка о выжившем принце возникла бы в любом случае: людям нужно было во что-то верить, вот и все. Бывший гвардеец исключением не стал, он тоже верил. А потом на развалинах империи возник Орден.

Пластина продолжала нагреваться, вот-вот обожжет кожу. Нужно разжать пальцы, нужно прочесть слова, выведенные красивым, летящим почерком, навсегда врезавшимся в память. Но все боги Небесных гор... Как легко сказать и как невыразимо трудно осуществить сказанное!

Эта демонова побрякушка молчала последние несколько лет! То, что спустя такой срок Орден все-таки счел нужным выйти на связь, могло говорить только о двух вещах. Скорее всего, надежды больше нет, хранитель Ордена признал это, и его, Эрида, наконец отпускают. Если так, стражник уже не обязан будет смотреть в ненавистные рожи и замирать навтыяжку при виде подонков. Можно прийти в королевский замок, швырнуть на знакомые до одури

³ Котта - одежда, которая могла надеваться поверх доспехов. Часто на нее нашивался герб.

плиты медный командирский значок и перерезать к демонам всех тех ублюдков, что последние двенадцать лет платили ему жалование. Всех, кого успеет. И, если позволят боги, добраться до глотки проклятого упыря, занявшего престол. Пользы в подобной попытке едва ли окажется многим больше, чем ценности в фальшивой монете, но стражник не станет об этом думать – он станет рубить. Потому что терять ему будет нечего.

Вторая возможная причина, по которой колдун соизволил вспомнить об Эриде, была полностью противоположна первой и невероятна, как сошествие богов. Но что, если все-таки?.. Вдруг хранитель наконец-то нашел принца из рода Фениксов? Тогда смутная надежда, которой они жили двенадцать лет, наконец, обретет плоть, превратившись из зыбкого призрака в реальный шанс. И тогда... Боги... Сколько бы отдал бывший гвардеец за то, чтобы так все и случилось!..

Артефакт уже казался раскаленным, еще чуть-чуть и драгоценный металл начнет плавиться, а этого нельзя допустить... Невероятным усилием Эрид заставил себя разжать пальцы и пробежал глазами ровные строки. Судорожно выдохнул, схватился здоровой рукой за край стола, едва не выронив при этом послание. Вот, значит, как... Столько лет верил, ждал... Не зря, выходит?!

Схватился за деревянный талисман, висевший на шее, словно тонущий за брошенную ему веревку.

Я был прав. Слышишь, Орим, я с самого начала был прав, а ты ошибался! Не слышишь... А и не нужно.

Стражник вытащил из-под стола початую бутылку, разлил по двум давно не мытым кружкам – он всегда наливал две: Орим свою уже не выпьет, но это не повод не налить.

– За твою ошибку, брат, – беззвучно, одними губами. Крепкий напиток обжег гортань, заставил расслабиться сведенные напряжением мускулы.

Бывший гвардеец снова взял в руки золотой артефакт, перечитал письмо. Все верно, хранитель действительно писал, что нашел след Эйверика Аритена, одного из сыновей короля Сивера, официально признанного покойным. Эрид провел ладонью по поверхности пластины, давая понять, что прочел послание. Какое-то время золото оставалось гладким, а потом по нему вновь побежали аккуратные строки.

Мгновение стражник колебался, осмысляя полученный приказ, потом нацарапал короткий ответ. Подождал пару секунд, пока текст растает, вернул артефакт на место и, кое-как нацепив плащ и перевязь, шагнул в прохладную весеннюю ночь.

Госпожа Анатэ, осматривавшая Эрида после недавней стычки с разбойниками, запретила любые нагрузки почти на месяц. Вообще-то, ее мнение стражника мало заботило, но теперь оно было как нельзя кстати: еще две недели на службе Эрид появляться не обязан. Времени хватит с лихвой.

Можно было дожидаться утра, но он не станет. Во-первых, чем меньше людей увидят, как стражник покидает город, тем меньше подозрений в случае чего возникнет. А во-вторых, не любил он ждать, и все тут. Двенадцать демоновых лет!.. Нет уж, хватит ему ожидания на всю жизнь вперед, сколько б ее ни отмерили боги. Ворота на ночь закрывались, да и коня Эрид оставил около казарм, но вряд ли кто-то удивится, если он за ним явится. Как бы ни претила бывшему гвардейцу мысль, что уже двенадцать лет он служит Альвирам, сейчас его звание было на руку. А репутация и вовсе позволяла Эриду делать все, что потребует, не вызывая особых подозрений: от сумасшедшего можно ждать чего угодно, а связываться с ним не хочется никому.

Действительно, в конюшне проблем не возникло. Даже седлать самому не пришлось, да он бы и не смог, пожалуй, так что у ворот стражник оказался уже через каких-нибудь полчаса. Эрид выехал без форменной накидки, но парнишка, дежуривший у ворот, его узнал и вскинул меч в воинском приветствии.

Эрид кивнул на узкую калитку, темневшую правее главных ворот:

– Откроешь?

– Конечно. Только могу я взглянуть на документ? – нерешительно начал часовой. Ах ты ж демон! Молодой совсем, а потому старательный. Шляться через стену после закрытия ворот без подорожной грамоты не полагалось.

– Мог бы, если б он у меня был, – отмахнулся Эрид, сохраняя невозмутимый вид. – Только я не по службе.

– Он не по службе, он по бабам! – вмешался вышедший из караулки мужчина постарше; на груди тот же медный значок, что обычно носил сам Эрид. Этого бывший гвардеец хорошо знал: служили в одном отряде лет пять назад, когда нагрянули степняки.

– Как грубо, Тавен, – фыркнул он. – Но суть ты уловил правильно.

Тот рассеянно махнул рукой и принялся возиться с затворами.

– Двужильный же ты, зараза! – он беззлобно ухмыльнулся через плечо. – Когда в меня пару лет назад стрела угодила, мне не до того было.

Эрид, ничуть не покривив душой, заверил, что на красивых женщин его хватит всегда, и шагом двинулся в сторону ближайшей деревни. Свернуть можно и потом, а сейчас пусть цель его поездки не вызывает сомнений.

Солнечный диск только-только начал выкарабкиваться из-за горизонта, а всадник уже подъехал к развалинам сторожевой башни. Строение это разнесли вражеские маги еще при короле Эскиле; простоявшие много столетий камни давно поросли травой и мелким кустарником, если не знать о них, едва ли вообще заметишь. Отодвинуть нужную плиту одной рукой оказалось несложно: кто-то явно уже проделывал это. Из открывшегося тайника Эрид вытащил книгу, оплетенную в потертую свиную кожу, и тяжелый медальон, на котором огненная птица раскинула крылья.

Золото и янтарь... Стражник невольно залюбовался реликвией. Когда-то такой символ украшал эверранские ворота, теперь за него можно было угодить к королевским дознавателям. Интересно, как волшебник смог хранить печать все эти годы? Обыски-то были – не приведи небо! Сколько народу полегло просто за то, что хранили у себя что-то из запрещенного! У кого не поднялась рука на книги или старые медали, кто держал в доме портрет Сивера... Все они поплатились за это своей шкурой, идиоты.

Впрочем, Эрид мог их понять: мучительно хотелось сохранить хоть тень того прошлого, которое у них было. Чтобы можно было на мгновение представить, что *Он* еще есть. Люди ведь так привыкли, что Сивер был с ними, с каждым из них, а без него им в мире стало пусто и холодно, вот и пытались хвататься за память. Проклятье, да Эрид сам бы увешался старыми побрякушками, все вокруг уклеил бы гербами и янтарно-рыжими флагами – плевать, что это кратчайший путь на тот свет! – если бы это хоть как-то помогло ощутить Его присутствие. Только оно не помогало. Вот стражник и не хранил у себя запрещенных предметов, только это и спасло его при той жуткой чистке, устроенной лет восемь назад ненавистным регентом.

А хранитель Ордена каким-то демонским чудом сумел сбересть печать! Да, может, колдун и безумен, но он умен и осторожен. Это обнадеживало.

Эрид сунул книгу и медальон под плащ и, вернувшись в седло, двинулся в сторону границы.

Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Эверран, Айхан

Хозяин обшарпанного придорожного трактира явно постарался придать комнатам хоть сколь-нибудь пристойный вид, но вино здесь все равно подавали паршивое: кислое и мутное, оно явно делалось из местного винограда, который вечно не успевает толком вызреть. Впрочем, сейчас Лиар вкуса, один бес, не чувствовал, до того на душе было скверно. Эта поездка не нравилась принцу с самого начала, официальных визитов он на дух не выносил, но куда было деваться? Послать кого-то другого не получалось: Айханское герцогство – разговор особый. После раскола старой империи оно оказалось почти отрезанным от остальной территории; хоть герцог Илиан и считался вассалом эверранского регента, реальной пользы это пока не приносило ни ему, ни Эверрану. Война Огня превратила Айхан из лакомого куска в обузу: ни демона там толком нет, кроме рудников... А кто их теперь будет разрабатывать? Да все население в шахты согнать – и то не хватит людей! Раньше народ со всей империи на приработки съезжался, а теперь где их брать? Половина шахт стоит без дела, мхом обрастает... Да и торговать добываемыми ресурсами Илиану особо не с кем, разве что Адель за Пограничными горами, но там сейчас тоже сплошная нищета, и через горы долго перебираться, тем более, если с грузом. Есть еще соседний Дион, но у этих свое серебро имеется. А с юга айханскую землю плотно поджимает узкая полоска степи, отрезая ее от Эверрана.

Степной Орбес тоже прежде был частью Эверранской империи, только после переворота верховный фиор разорвал с ней всякие отношения. Ему предлагали любые условия: и выгодные, и очень выгодные... Может, даже лучшие, чем те, что дали степи Аритены! Но позиция владыки была удивительно принципиальной: «Я присягал Фениксам и говорить буду только с Фениксом», – сказал тогда фиор Авилим и покинул Совет континента. С Фениксом... Нет их больше, мертвы они!.. Но господства новой династии степь так и не признала. А ведь Орбесу эта клятая раздробленность тоже невыгодна.

В итоге Айхан за двенадцать лет превратился в еще большую помойку, чем все остальное, заодно оставив Эверран без одной из статей дохода, причем довольно внушительной: айханское серебро раньше знали на всем континенте, а добываемый в Пограничных горах белый камень считался одним из лучших материалов для строительства стен и крепостей. Если так пойдет и дальше, герцогство, чего доброго, отвалится окончательно и войдет в состав Адели, а иметь под самым носом подобный союз сейчас непозволительная роскошь. Да и терять выход к Пограничным горам нельзя ни в коем случае! Вот дядя и вцепился мертвой хваткой в бесполезное пока герцогство, которое, если разрешить орбесский вопрос, вновь начнет приносить немалую прибыль. Однако как его решать, Лиар Альвир понятия не имел, не силой оружия ведь! Захватить степь можно, но удержать... Нет, воевать с кочевниками хотелось меньше всего, так что принц был рад уже тому, что Авилим прекратил свои набеги. А как по-другому, если в переговорах он отказывается?

Видел ли выход ныне регентствующий граф Ивьен, сказать сложно, но время он тянул. Недавно издал указ, разрешающий Илиану использовать в шахтах каторжный труд, теперь вот на несколько лет освобождал его от налогов. А для большей весомости отправил с этими бумагами не кого-нибудь, а его, принца Лиара Нейда.

Дядя, вероятно, нанес бы личный визит: важные дела, а это дело он считал важным, регент предпочитал делать самостоятельно. Да вот загвоздка, добраться до Айхана теперь можно было двумя путями. В обход степи, теряя по дороге добрых пару месяцев и прыгая по отрогам гор, как их винторогие обитатели, было неприемлемо: оставить престол почти на полгода нельзя даже ради Пограничных гор и всех их рудников, взятых вместе. Еще можно

было воспользоваться узеньким участком Диона, имеющим общую границу с Орбесом и Айханом, получалось не так быстро, как через степь, но и это было куда предпочтительней первого варианта. Король Диона не запрещал перемещаться по своей территории, но вот притащиться туда с целым отрядом эверранских гвардейцев граф Ивьен возможности не имел, это запросто могло быть истолковано как вооруженное вторжение. А без такового графу лучше не выходить даже во внутренний двор собственного замка: прикончат. Эверранского регента ненавидели настолько сильно и настолько дружно, что впору было умилиться такому единодушию. Дворяне, крестьяне, свои, чужие... Потрясающая солидарность! Нет, стоит дяде покинуть столицу без должной охраны, и между острых его лопаток обязательно окажется что-нибудь железное. Сложно сказать, будет ли это дворянский кинжал с помпезной гравировкой или что-нибудь из крестьянской садовой утвари: Сэйгрانا Ивьена мечтает прикончить каждый второй. Да что там, Лиара и самого нередко посещало такое желание.

В общем, тащиться в айханскую глушь пришлось принцу. Ненавидели его не столь сильно, а проще говоря, откровенно не воспринимали всерьез. Впрочем, ничего удивительного: как еще относиться к двадцатилетнему принцу, при котором до сих пор состоит регент? Спасибо отцу, убитому в битве за столицу, который перед смертью повелел, чтобы его сын принял трон только в день полного совершеннолетия. Ну что ж, ему вообще много за что спасибо...

Всю дорогу до герцогского замка Альвир чувствовал себя натянутой арбалетной тетивой: не приведи небо ляпнуть что-то не то, посмотреть не так... Одни и те же разговоры и доводы, старательно переливаемые из пустого в порожнее и обратно, вежливые поклоны, тошнотворно фальшивые улыбки... Прямолинейной натуре эверранского принца все это претило до одури, но куда денешься?... К счастью, долго здесь торчать не требовалось, и он, подписав некоторые бумаги, сослался на неотложные дела в столице.

Стоило покинуть замок, как снова потянулись цепи обшарпанных, умирающих деревень вдоль старого тракта. Смотреть на это было невыносимо, а стоило вспомнить, кому некогда великая держава обязана таким упадком, как хотелось и вовсе провалиться в пекло, а то и глубже. В довершение, когда почти уже достигли дионской границы, наткнулись на цепочку каторжников, конвоируемых к Пограничным горам, и на душе стало еще отвратней. Взгляд скользил по измотанным, озлобленным лицам преступников, а в голове дребезжала мысль, что не от хорошей жизни эти люди пошли на разбой и убийства. Нет, их это ни в коей мере не оправдывало: они совершили преступления и должны быть наказаны, иначе никак... Но фениксовы перья, это не только их вина, но и его, Лиара Нейда. И как исправить все это, принц не знал.

А потом взгляд наткнулся на человека, разительно отличавшегося от прочих осужденных. Тощий мальчишка, шедший ближе к концу цепи, вообще ни на кого не был похож, а уж на преступника, приговоренного к каторге, тем более. Веселые, слегка прищуренные глаза не выражали ни ненависти, ни страха, ни обреченности. Живые и яркие, они смотрелись на изможденной физиономии дико и неуместно. Парень с нескрываемым любопытством рассматривал Лиара и его людей, а поймав взгляд принца, ухмыльнулся уголком растресканных губ не то насмешливо, не то понимающе...

И будущий король Эверрана, не выдержав, отвел глаза, за что возненавидел себя окончательно. Какой бы сволочью ни был дядя, его хотя бы хватает на то, чтобы смотреть в лицо своей вине. Альвир и того не смог.

Из общего зала донесся дружный хохот – гвардейцы, сопровождавшие принца, что-то оживленно обсуждали. Честно говоря, он с радостью спустился бы вниз и присоединился к общей беседе, но это было бы нечестно: Лиар не сомневался, что стоит ему появиться, как парни разом притихнут, спрячутся за вежливо-почтительными масками. Так бывало везде, где появлялся эверранский принц. Нет, портить ребятам пьянку не хотелось, да и самому смотреть

на постные, учтивые лица – какое удовольствие?.. Он долил себе скверного вина и залпом выпил, надеясь смыть с души неприятный осадок, оставленный этой поездкой. Ладно, в конце концов, скоро он будет дома, можно на денек плюнуть на все и свалить куда-нибудь. Вытащить Вальда на охоту, провести большую тренировку, утянуться хоть в патруль, хоть в бордель – без разницы! Лишь бы ненадолго забыть про всю эту грязь...

Стук копыт вытащил принца из раздумий, он поставил кубок и приник к мутному слюдяному окну.

– Фениксовы перья!.. – пробормотал он, разглядев одежду человека, который буквально вывалился из седла. На белой накидке было изображено нечто чудовищное, если бы принц не знал значения символики, то в жизни бы не догадался, что это крылатый конь. Такие накидки носили гонцы, а судя по скорости, с которой всадник подлетел к воротам постоянного двора, послание было срочным. Скверно: Альвир не смог бы припомнить ни одного случая за двенадцать лет, чтобы чрезвычайные гонцы приносили хорошие вести. Он натянул сапоги и бегом спустился вниз, где о прибытии вестника никто не догадывался. Здесь умопомрачительно пахло мясом, чесноком и пивом, а шум стоял такой, что едва ли кто-то мог расслышать приближающийся цокот копыт. Впрочем, стоило принцу оказаться в обеденном зале, как стало тихо. Гвардейцы, как он и ожидал, повскакивали со скамей, улыбки на раскрасневшихся лицах увяли, сменившись казенной вежливостью. Альвир махнул рукой, показывая, что можно продолжать. Кажется, у него неплохо получилось скрыть досаду.

До человека в белой накидке он добрался быстрее трактирщика, посмотрел с сочувствием на взмыленную караковую лошадь: наверное, не выживет – жаль. Лошадей Альвир любил. Не глядя, сунул конюху серебряную монету, кивнул на загнанное животное.

– Позаботься, пожалуйста!

Потом повернулся к гонцу: мужчина выглядел немногим лучше своего коня.

– Мне нужно видеть его высочество принца Лиара, – отчеканил он, безуспешно пытаясь выровнять дыхание.

Ну, ясно, без гербовых шмоток его не узнают. Вот дядю, того каждый крестьянин в лицо знает: примелькался на казнях и в карательных рейдах... Принц продемонстрировал перстень и с нехорошим предчувствием замер, ожидая паршивых новостей, а те, как водится, не стали медлить с появлением. Мужчина, торопливо поклонившись, протянул Альвиру опечатанный футляр. Не узнать печать Гербара, крепости, что стоит на дионской границе, Лиар бы не смог. Кивнул, отпуская гонца, и двинулся к ближайшему фонарю, на ходу ломая сургучную кляксу.

Пробежав глазами текст, не без труда подавил самую грязную ругань, готовую сорваться с языка. Демоны бы любили эту политику!.. Не поймешь кто, с кем и за каким бесом... Честное слово, когда возглавлял оборону Тифры, и то легче было! Может, там ступить было некуда от обилия трупов, и вражеское войско невесть во сколько раз превосходило их числом, но зато все было ясно! А тут... Не знаешь, кто предаст, кого и когда. Кто мог подумать, что его величество Севель, король Диона, внезапно разорвет союз с Эверраном?! Проклятие! Лиар видел его на осенних празднествах полгода назад, и тот аж медом истекал, так старался выразить свое расположение эверранскому принцу! Торговали друг с другом, вместе отразили несколько орбесских набегов – и вдруг закрытая граница!

Хотя... Дядя все-таки предвидел. По крайней мере, допускал такую возможность, потому и торопил отъезд в Айхан: понимал, что потом это будет куда сложнее осуществить. Но даже он не знал, что все случится так быстро, и Лиар не успеет вернуться в столицу.

Если Дион объявит войну, последствия для Эверрана будут не радужными, но об этом принц сможет подумать позднее, когда у него появится больше информации. Сейчас стоило решить другой вопрос: как, феникс раздери, он вернется домой? Если возвращаться через Дион нельзя, остается идти в обход, по своим землям, теряя бесову тучу времени. А ведь сейчас нельзя надолго пропадать из столицы! Дион, скорее всего, только начало. Ох, не дайте боги,

чтобы повторилась история! Сначала мелкие конфликты с соседями, не опасные, но изматывающие, а потом страшная, всепоглощающая междоусобица. Так сгинули Фениксы, какие же будут шансы у Альвиров?

Ладно, он, может, не Сивер Аритен и даже не Сэйгран Ивьен, но кое-какие мозги и опыт найдутся и у Лиара, так что плясать под дудку тех, кто купил расположение дионского монарха, принц не будет. А раз так, надо действовать немедленно, пока никто ни в чем не разобрался.

Лиар взлетел на крыльцо, не заботясь о том, что наследному принцу пристало вести себя степенно и сдержанно. Сэйгран бы не одобрил, но его тут нет, и слава богам, потому что не одобрил бы он и замысел племянника. В обход Альвир не пойдет, в Айхане тоже не останется ни за какие пряники. Остается степь! Через Орбес не пройти с апломбом, фанфарами и почетным эскортом, но один человек может остаться незамеченным местными разъездами. Сменить броские геральдические тряпки на что-нибудь попроще, оставить коня и попытаться проскочить.

– Господин Ивер! – принц окликнул командира эскорта. – Поднимитесь ко мне, я должен кое о чем вас предупредить.

Арко Сигвальд (баронет Орвик Анней). Эверран, Анней

Меч опустился на плечо, сминая новенький наплечник. Стеганая куртка смягчила удар, иначе ходить бы Арко с переломанной ключицей. Он ушел от следующей атаки и выбросил вперед щит, но Аамат едва уловимо отклонился назад, и удар провалился. Похоже, ни сегодняшняя жара, ни первые одиннадцать поединков на скорости брата никак не сказались. Твою ж светлость, он все-таки железный!.. Природа оказалась удивительно справедливой в отношении Аамата: обделив в одном, она щедрой рукой одарила его всем остальным. Во всяком случае, владение оружием – хоть клинковым, хоть стрелковым, хоть еще каким – давалось Аамату с пугающей легкостью. Кроме того, он был непревзойденным наездником, охотником, да и в науках немало преуспел. Арко, в общем-то, давно уже перестал лезть вон из кожи в попытках сравняться с братом, в конце концов, владеть мечом немного хуже Аамата значит быть на голову выше остальных! – но в такие моменты собственная неполноценность ощущалась особенно остро.

Удар ранта, короткий и умопомрачительно точный, пришелся под дых, и Арко был вынужден уйти в глухую оборону до тех пор, пока не выровняется дыхание. Твою светлость, будь оружие настоящим, сколько бы он продержался? Впрочем, им по разные стороны не воевать...

А вообще, брату тоже, наверное, обидно: из-за каких-то тринадцати минут лишиться магического дара! Так уж сложилось, что в династиях магов первый ребенок всегда рождается одаренным, остальные – как повезет. Вот Аамату не повезло: хоть и были они близнецами, Арко все же немного старше, так что ему достались и титул, и магия. Хотя что толку сейчас? Свой дар приходится скрывать, титул тем более: после восстания магов, устроенного отцом, Сигвальдов разыскивали как никого другого. То, что Сольгре сумел обеспечить их новую жизнь в одной из восточных провинций Эверрана, – это еще большое везение. Отец недоволен, говорит, что владеть жалким клочком земли оскорбительно для графа, но это он зря! Лучше быть бароном, чем трупом...

Впрочем, Арко тоже не был в восторге от того, что приходилось жить под чужим именем и чужим знаменем. Жаль было старый замок в Сигвальде, увитые виноградом стены и ажурную решетку ворот. Новое имя не липло к Арко, хоть тресни, сколько уже лет прошло, а он так и не начал думать о себе как о баронете Орвике Аннее. Хотя, может, оно и к лучшему: вот отыщется законный наследник Аритенов, тогда все вернется на свои места!

Аамат делает изящный мулинет, и очередной удар Арко оборачивается неудачей, жалобно звенит кольчуга, а ребра начинают ныть.

– Третье попадание, братишка, ты снова убит! – он опустил меч и принялся расстегивать шлем. – Закончим на сегодня?

Проклятие... Вот смотришь на него: зеркало зеркалом! И лицо то же, и повадки, и голос... Только лучше, умней, сильнее. Как напоминание о том, каким ты должен был стать, но не стал, потому что... бес его знает, почему! Не стал, и все. И ладно бы только для Арко это было напоминанием, но отец тоже сравнивает и не может скрыть разочарования старшим сыном.

Сольгре смотрит не то с сочувствием, не то с досадой и неизменно твердит о том, что дорога у каждого своя, и нельзя повторить чужую. А сам Аамат своего вопиющего совершенства, кажется, не замечает. Хорошо хоть поддаваться не пытается, а то бы совсем унижительно вышло.

– Давай еще один, – не удержался юноша. Выходя против брата в тренировочный поединок, он уже давно не клялся себе победить, но все-таки хотелось попытаться еще раз. – Отдохнем пару минут и продолжим.

– Давай! – пожал плечами Амаг. Кажется, он почти не запыхался.

Арко освободился от шлема и отошел к краю ристалища, жадно заглатывая воздух. Он бы предпочел опуститься прямо на каменную кладку двора, но за тренировкой наверняка наблюдают, и показывать, как сильно она его вымотала, не хотелось. Арко оглядел внутренний двор, боясь, что отец видел его поражения, но графа тут не было. Площадка оказалась почти пустой, только на скамье у фонтана обосновался Сольгре. Пожилой маг рассеянно изучал струйки воды, выплевываемые каменной рыбиной, и пыхтел костяной трубкой, насколько Арко знал, родственник приобрел эту привычку где-то на юге во время своих странствий. Ладно, при нем проигрывать не так стыдно, главное, чтобы отец не видел.

Отдышался, как мог, поправил съехавший подшлемник и махнул рукой брату. Если честно, он уже жалел, что настоял на продолжении тренировки, но отказываться было поздно. Мечи звякнули, в тринадцатый раз сегодня приветствуя друг друга, и завертелось...

Уйти в сторону, стремясь избежать обитого кожей ранта, не подставиться при этом под меч, атаковать самому... Принять на клинок, закрыться щитом, ответить, уйти из-под удара, сделать ложный выпад... Когда его меч с силой угодил в шлем Амата, волшебник сам удивился: ему и в голову не могло прийти, что нехитрая атака приведет к успеху! Однако это придало уверенности. Будущий граф, не дожидаясь ответного удара, сместился в сторону и сосредоточился на обороне. А вот бы, правда, получилось победить! Сто лет уже не получалось. И, удивительное дело, дождавшись, когда Амаг выставит верхнюю защиту, Арко ударил в челюсть наверху рукояти и снова преуспел! Очков в поединке это не приносило, но определенно выбивало противника из колеи, понижая его шансы на победу. Каким чудом у волшебника получилось уйти от ответного выпада, не понял и он сам, но ведь получилось! На отходе выбросил вперед меч почти наугад и неожиданно для самого себя не встретил защиты. Два попадания! Твою светлость, два! Осталось всего одно, и он победит!

Не удержавшись, бросил быстрый взгляд на Сольгре – видел ли наставник его успех? – и тут же пропустил мощный рубящий удар. Меч горизонтально врезался в шлем, голова отпнулась в сторону и отозвалась набатным звоном.

Оставшихся двух ударов Арко почти не почувствовал, только бессмысленно смотрел, как меч касается сначала набедренного, затем предплечья. Последнее было совсем уж глупой ошибкой, но в голове у мага шумело так, что он напрочь перестал соображать.

Амаг замер, вопросительно глядя на брата, как бы уточняя, хочет ли тот закончить. Арко хотел. И закончить, и провалиться под землю. Обидно, демон возьми: так глупо упустить победу... Ладно, в пекло! Сейчас бы собраться с силами, снять снаряжение, а потом добраться сначала до оружейной, а затем и до кровати...

Со снаряжением Арко Сигвальд с грехом пополам справился, а вот вторая задача оказалась невыполнимой. Стоило умыться и сменить одежду, как в дверь постучали. С трудом отказавшись от соблазна послать всех к демонам, Арко распахнул дверь, и в проеме обнаружилась немолодая опрятная служанка.

– Вас хочет видеть господин барон, – с достоинством объявила она, присев в дежурном поклоне.

Если отец хочет, значит, деваться некуда.

Амаг тоже был здесь, занял кресло в дальнем углу кабинета. Твою светлость! Тренировку они закончили одновременно, но брат уже успел полностью привести себя в порядок. Рене Сигвальд дождался, пока за его старшим сыном закроется дверь, и поднялся. Вскинул ладони – между пальцев полыхнуло золотом и синевою, колючая искорка пробежала по стенам и скрылась из виду. Вот даже как: заклятие тишины?.. Если отец опасается, что их разговор может

быть подслушан, значит, речь пойдет о чем-то важном. Неожиданно! Он давно не посвящал Арко в свои планы.

– Здравствуйте, отец, – юноша поклонился и замер в ожидании.

Быстрый изучающий взгляд и вместо приветствия – вопрос.

– Ты можешь обратиться? Сейчас?

Сложно сказать, сумел ли Арко скрыть удивление, старался, во всяком случае. Обратиться он мог когда и где угодно. Вообще-то, такое может каждый хоть сколь-нибудь стоящий маг, но сделать это легко и красиво, без видимых усилий, без подготовки... Для этого нужно немало тренироваться. Арко и тренировался, когда был уверен, что никто не увидит, несмотря на все запреты и предупреждения. Так чего же сейчас добивается отец? Проверяет? Желает убедиться, что сын не нарушал его приказов, не рисковал семейной тайной, практикуясь в запретном искусстве? Может, и так, но врать графу Сигвальду Арко все равно не умел.

– Да, я могу.

Вопреки его опасениям, господин граф не выглядел рассерженным. Напротив, в уголках голубовато-зеленых глаз возникло что-то демонски похожее на улыбку. Он прошелся по комнате и сделал приглашающий жест.

– Я хочу увидеть.

Арко на секунду затаил дыхание, позволил магии выплеснуться наружу, позволил охватить тело. Мир перед глазами вздрогнул и померк, чтобы через мгновение вспыхнуть вновь, став умопомрачительно ярким и четким. Цвета, звуки, запахи – все это нахлынуло разом. Едва уловимый аромат хвои и крепкого твеля⁴, почти не ощутимый прежде, теперь казался плотным и отчетливым. Таким же отчетливым, как осознание собственной силы, пьянящее и волнующее. Сила струилась по телу, заменяя кровь, билась в кончиках пальцев, готовая в любой момент сорваться с них потоком света – огненно-рыжего и льдисто-голубого.

Арко не нужно было зеркала, чтобы знать, что отец и брат видят перед собой. Человеческий силуэт – размытый, нечеткий, почти неузнаваемый, охваченный золотым вихрем. Сильное обличье: чем заметнее меняется тело, тем меньше оно уязвимо и тем более мощные потоки магии способно выдержать. Не приняв обличья, к серьезным заклятиям прибегать нельзя: человеческая плоть попросту не выдержит струящихся сквозь нее потоков силы.

Рене Сигвальд смерил его оценивающим взглядом, провел ладонью по лицу – усталый, совсем не свойственный железному графу жест – и вдруг улыбнулся, на этот раз тепло и открыто. Гордость, благодарность... Так многое проступило на короткий миг на обычно суровом лице. Небесные горы!.. Подобного взгляда нечасто удостаивался и Алат, а уж ходячее семейное разочарование, Арко, вообще забыл, каково это! Раздери демоны, на что он только не был готов ради такой вот одобрительной улыбки на лице самого дорогого ему человека. Когда ж это было в последний раз?.. Наверно, в Виаре во время восстания. И ничего тогда было не страшно, ничего не жалко, лишь бы не разочаровать. Но тогда Арко сумел добраться до командира черно-серебряной конницы, а что такого сделал он сейчас? Раз за разом подвергал семейную тайну опасности, практикуясь в магии?..

– Видишь, я говорил тебе! – отец обернулся к молчавшему до сих пор Алату. – У нас есть кем заменить Эйверика Аритена.

Воздух вышибло из легких, и наследник рода Сигвальдов едва сумел подавить изумленный возглас. Он переводил вопросительный взгляд с отца на брата, ища хоть какого-то объяснения. Похоже, здесь все были в курсе дела, и только он ни беса не понимал. Заменить последнего Феникса? Что за демон?! Как и в чем его вообще можно заменить?..

– Вы... готовите еще одно восстание, отец? – тихо спросил он. Этого юноша ожидал давно, последние месяцы все средства баронства уходили на гарнизон. Отец с Алатом что-то

⁴ Твель – напиток из жареных корней кустарника, растущего на южном побережье континента.

готовили, только не посвящали родственников в свои тайны. Восстание против регентствующего ныне выродка – это Арко очень хорошо понимал и счастлив был бы присоединиться, но причем здесь сын Великого Феникса и, тем более, его замена?!

Рене Сигвальд не терпел лишних вопросов, но сейчас его взгляд остался почти благоклонным.

– Ты прав, готовим. Только на этот раз все сложится иначе, потому что у нас будет законный наследник трона. Им станешь ты.

Арко уже успел вернуть себе прежний облик, и это было хорошо, иначе магия, наверное, вырвалась бы из-под контроля. От изумления и... разочарования. До смерти захотелось ошибиться в своих выводах. Но, твою светлость, а как еще можно истолковать слова отца?!

С тех пор, как пали Аритены, сколько ж их было – тех, кто пытался выдать себя за последнего Феникса! И магов средней руки, и обычных людей. Каждый ублюдок, стремящийся под шумок урвать себе хоть кусочек истекающей кровью страны, так и норовил заявить, что будет биться с узурпаторами во имя благого дела – вернуть трон законному наследнику. Врал, что нашел принца Эйверика, предъявлял толпе ребенка, клялся, что это и есть сын великого короля. Ни один из таких подменшей не был настоящим принцем. Подобные восстания захлебывались одно за другим, только утаскивали с собой жизни тех, кто поверил...

Как же Арко ненавидел подобную гниль! Как можно прикрываться самым святым, самым заветным, отнимая последние искры надежды на чудо?.. И если отец собирается... Небо! Пожалуйста, только не это, только не так!

– Вы... хотите сделать из меня Эйверика? – прошептал он.

– Именно. У нас есть союзники, скоро будет и войско. Но для того, чтобы одержать победу, нам нужно знамя. Цель, которая всех нас объединит, ты должен это понимать, – голос отца стал резче. Едва ли ему самому все это нравится, просто другого выхода он не видит. А безучастно смотреть на то, что творит Сэйгран Иввен, у него больше нет сил. У Арко тоже их не было, но ведь нельзя же...

– Но подобных попыток было достаточно. Рано или поздно правда раскрывалась. Люди перестают верить.

Как же трудно не сорваться на крик, сохранить хоть какие-то остатки спокойствия. А ведь с отцом вообще нельзя спорить, не то что отказать ему! Демон, вот сейчас улыбка уйдет из зелено-голубых глаз, привычно закаменеют скулы. Из-за него... Как же это мерзко! Но разве можно позволить, чтобы вот так?..

Проклятие, почему Аамат молчит? Если кто и мог бы объяснить, так только он.

– Не сравнивай! – отрезал граф. – Толпе совали третьесортных магов, которые ни к огню, ни к Фениксам никакого отношения не имели! А в нас течет их кровь, пусть прямыми наследниками мы и не являемся. Ты один из сильнейших, кто остался после этих треклятых зачисток! Ты тоже отмечен пламенем. Так что не смей сравнивать!

– Не сметь? – голос все-таки предает, проступает в нем тень вызова. Боги, зачем?! Он же не хочет ссоры, он просто должен объяснить! Только и замолчать уже не получается. – А чем мы будем отличаться? Тем, что у нас подделки лучше?.. Отец, ложь правдой не станет, даже если все вокруг примут меня за Аритена! Хотя и это не слишком вероятно: мне скоро исполнится двадцать три, Эйверику – должно быть шестнадцать! Я не обращусь огненной птицей, меня не признают печати... А хоть бы и не было печатей, так нельзя! Заставлять людей подниматься на битву, в которой не сказано, кто выживет, и врать им!

Выдохся, замолчал. Бросил осторожный взгляд на замерших родственников. Аамат, отвернувшись, сверлил взглядом кладку стены, кажется, брат больше всего жалел, что не может оказаться где-нибудь в другом месте и не видеть. На красивом лице Рене Сигвальда отвращение мешалось с изумлением, и так от этого было больно!.. Но не мог Арко согласиться на подобное! Хотя его и не спрашивали – лишь ставили перед фактом.

– Отец, я...

– Замолчи. Достаточно. Я слышал твои слова. Если ты отказываешься выйти против тех, кто превратил Эверран в кровавый фарш, я сделаю это без твоей помощи. Надеюсь, тебе хотя бы хватит чести сохранить в тайне мои слова.

Арко задохнулся, словно опять рантом щита схлопотал под дых. Неужели отец считает, что он способен на донос?!

– Я не отказываюсь! – хрипло выкрикнул он. – Я пойду за вами куда угодно! И воевать с черно-серебряными я готов до последнего своего вдоха, клянусь! Только я выйду против них Арко Сигвальдом, а не принцем Аритеном!

– Нет, Орвик. От тебя больше ничего не требуется, иди. Ты свободен.

Орвик... Перейдя на имя, под которым Арко жил последние годы, граф ясно давал понять, что разговор окончен. А после его «свободен» кто же осмелится задержаться? Только уйти вот так Арко не смог.

– Пойдите, позвольте мне...

– Я сказал, довольно! – отец поднялся, подошел к столу и принялся перебирать какие-то бумаги. Старшего сына он больше не замечал.

*Лиар Нейд Альвир,
наследный принц Эверрана. Орбес*

Пожалуй, впервые в жизни Лиар был рад, что пошел на поводу у набившего оскомину этикета и, покидая столицу, взял коня попредставительнее. Шторм – отличный скакун, спору нет, но не его это конь, не Лиара. Его было почти не жаль оставить своим гвардейцам и пешком пересечь границу Орбеса. Заявись принц в Айхан на любимом Нетопыре – невнятно-сером и практически беспородном, но, по мнению Альвира, самом лучшем, вот сейчас бы действительно стало тоскливо.

Впрочем, и так было невесело. Лиар, не удержавшись, обернулся: конечно, Ивер вместе со Штормом давно уже не были видны за холмами. Споткнулся, угодив в очередную яму, в сотый раз проклял голодную спросонок мошкарку и ускорил шаг, стараясь не сожалеть о своем внезапном решении. Не так-то это было просто!

Все-таки если что и прикончит Лиара Нейда раньше срока, то будет это отнюдь не чудом выживший потомок Фениксов, а самая обычная самонадеянность. Нет, действительно, надо же было... Одному в незнакомой местности, в придачу имея отличные шансы нарваться на стрелы «лошадников». Прекрасно, ваше высочество! Как уверенно и спокойно, сорвавшись ночью с постоялого двора, он изложил свое решение Иверу, как легко отдал приказы и отверг опасения гвардейца. А, между тем, никакой уверенности в успехе своей авантюры у принца не было.

Впрочем, не было и особых альтернатив. А что прикажете?.. Взять с собой кого-нибудь из гвардейцев, оставшихся в Айхане? Да толку тут с них! Парни – отличные бойцы, им только в атаку или на парад какой-нибудь – вымуштрованы на совесть. Они привыкли ходить, не таясь, гремя доспехами и лучше всего под барабаны. Едва ли им приходилось лазить где попало. Людей для этой поездки выбирали, как и коня, – самых представительных. Чтобы рост, фигура, манеры... Короче говоря, все то, что здесь будет только мешать.

Нет, тащить кого-то из эскорта в Орбес смысла не имело. Вот если бы охотника какого-нибудь или лесничего... Хотя, лесничий в степи – это как-то противоестественно. Ну, тогда просто кого из деревенских, кто здесь уже бывал – вот это было бы бесовски кстати! Но Лиар уезжал в спешке. «Лошадники» не глупее прочих, вряд ли у них в Айхане нет шпионов, так что убираться степью нужно было сразу или вообще в нее не лезть.

Ладно, демон с ним, разберемся как-нибудь! Под Тифрой в разведку ходил, и ничего.

Скинул плащ, убрал в заплечную сумку. Не из-за жары – солнце не так давно поднялось и во вкус войти еще не успело, – просто прошлогодний сухостой упорно вцеплялся в полу. Идти

вообще было тяжело, тропой, даже самой заваливающей, и не пахло. Хорошо хоть гряда за спиной долго будет видна: по ней, по крайней мере, можно ориентироваться. А во все остальные стороны, сколько ни гляди, ни беса, кроме зеленого ковра, местами уже присыпанного желтыми искрами тюльпанов, не разглядишь. Степь только начинала цвести, пряно и горько пахло тимьяном. Красиво, ничего не скажешь, хотя и тревожно! Среди бескрайней травянистой равнины Лиар чувствовал себя совершенно голым, подобраться к нему можно с любой стороны, а бьют степняки без промаха. Успокаивало лишь то, что всадников он должен заметить раньше, чем они его. Вот и вглядывался эверранский принц в зелено-голубой горизонт так, что начинали болеть глаза, напрягал слух, боясь среди стрекотания цикад различить поступь лошадей и резкие, гортанные выкрики. Однако степь оставалась спокойной.

Справа обозначилось облачко степной березы, Лиар различил шелест воды. Речка? Тогда, выходит, он окончательно сбился с нужного направления, потому что на карте ближайшая река была обозначена куда западнее. Да нет, глупости, так сильно отклониться принц не мог, попросту не успел бы: до нее пути дня два.

Первым порывом было ускорить шаг и обогнуть опасный участок по широкой дуге – местный разъезд принц бы разглядел даже сквозь ветки кустарника, но мало ли? Однако если у воды действительно кто-то есть, оставлять его за спиной не стоило. Осторожно приблизился к зарослям: действительно, никакой реки здесь не было. В траве обнаружился родник, вокруг которого по весне обозначилась приличных размеров лужа. А вот человек рядом с ним был...

Они заметили друг друга одновременно. Лиар схватился за рукоять кинжала, «лошадник» только вскинул голову, заставив самые грубые эпитеты рыбьей костью застряты у Альвира в горле. У родника сидел на корточках худой нескладный мальчишка, на его линялой куртке выразительно темнели оставленные плетью прорехи; коротковатые рукава не скрывали следов веревки на тощих запястьях. Топорщились во все стороны мокрые русые пряди, а над вздернутым носом, контрастируя с общей бледностью, выступала россыпь веснушек. Ничего примечательного, таких лиц в Эверране, наверное, тысячи, но отчего-то, увидев его один раз, Альвир уже не смог бы обознаться.

Фениксовы перья! Не степняк. Парень из цепочки каторжников, идущей к айханским рудникам. По-хорошему, это должно было радовать, потому что, нарвись Альвир на местных, ничем хорошим бы такая встреча не закончилась... Но вместо этого на душе стало тоскливо и муторно. Принц тупо разглядывал жиденький кустарник поверх угловатого плеча, а где-то под ребрами все сильнее ныло от непонятной досады. Небо, до чего же бестолковая вышла случайность! За побег полагается виселица, по-хорошему парня нужно доставить в ближайший город и передать страже. Если же такой возможности нет, преступника полагается казнить на месте, что и должен сейчас сделать Лиар Альвир как представитель власти. Это правильно, из беглых всегда собираются самые жестокие разбойничьи шайки: им нечего терять и не на что надеяться, а загнанные в угол люди всегда опасны.

Мучительно ясно представилось, как прекрасно отточенный кинжал эльвергской ковки прочерчивает алую полосу на тощей шее беглеца, бессильно откидывается лохматая голова. Альвира передернуло, показалось, что на ладони действительно хлестнула горячая темная кровь. С еще более паскудной четкостью принц понял, что он этого не сделает, но лучше ему не стало, скорей наоборот. Потому что, если миловать и казнить, когда заблагорассудится, то какое ж это, к бесам, правосудие?.. Закон есть, и он один для всех, а принц – последний, кто имеет право через него переступить! Если отпустить одного, то, что ж теперь, миловать всех разбойников, насильников, убийц?.. А чем этот лучше прочих? Не просто же так парень загремел на каторгу, он преступник!

Преступник сидел, глядя на Альвира снизу вверх большими медово-кариными глазами, и ничего не предпринимал. То ли сам растерялся от подобной встречи, то ли просто не понимал угрозы. Может, не узнал?.. Ведь Лиар сменил броские геральдические тряпки на обык-

новенную куртку, чтобы, если уж попадет к «лошадникам», не быть узанным. Убить все равно убьют, но хоть Сэйгрانا принц не подставит, не даст приплести к этой истории Эверран. Меньше всего сейчас нужно обострять и без того поганые отношения с Орбесом.

– Я знаю, кто ты, – ровным голосом констатировал принц, кинжала, впрочем, так и не обнаживший.

– Ну и кто? – рассеяно уточнил мальчишка, приглаживая растопыренной пятерней непослушную шевелюру.

– Преступник, приговоренный к айханским рудникам. Судя по тому, что ты здесь, – беглый преступник.

Ни страха, ни удивления на лице собеседника не отразилось.

– Ага, – охотно кивнул он. – А ты – важная столичная птица. Вот и познакомились! Но, если ты не возражаешь, я б отсюда убрался, потому что этот участок пути довольно опасный, разьезды иногда встречаются. Так что задерживаться здесь – не лучшая мысль.

И в самом деле, не лучшая. Зато возникла другая, от которой с души как будто бы свалилась тяжеленная каменная глыба. Отменить чью-то казнь из личных мотивов, неизвестно, кстати, откуда взявшихся и самому Альвиру непонятных, права у него нет. Но вот за услугу, оказанную эверранской короне, можно простить человеку многое! А Лиару же демонски нужен проводник... Да, нужен! И дело именно в этом. А если и не только в этом, то... Так, хватит.

– Ты здесь бывал? – резко спросил Альвир.

– Доводилось, – юный нарушитель законов пожал плечами. – А что?

– Если выведешь меня к границе, я буду просить о помиловании для тебя. Я не могу отвечать за решение регента Эверрана, но, думаю, мне он не откажет.

И, правда, как он сразу не подумал? Такие вещи решает дядя, но ведь основание будет достаточным, а значит, он не станет возражать. Такое решение приемлемо, с какой стороны ни посмотри! И убивать никого не нужно, и нарушать ничего не придется. И проводник, опять же, будет. Идеальное решение!

Вот только у мальчишки на этот счет, как выяснилось, было свое мнение. Он, наконец, поднялся с земли, смерил Альвира изучающим взглядом и вдруг расхохотался, тут же подавившись приступом сухого кашля.

– А на кой оно мне пень? – беззлобно ухмыльнулся он, когда снова смог говорить. – Здесь мне помилование эверранского регента, сам понимаешь, без надобности! А там... – парень махнул рукой на горизонт в направлении, где предположительно должна была лежать граница. – Там ты меня сначала поймай.

Решил бы, что ослышался, но насмешка, нахально обосновавшаяся в уголках глаз беглеца, такую возможность исключала. Раздери его демоны, да за такие слова... Даже просто за подобный тон... Вот же демон! Альвир откровенно растерялся, он за двадцать лет много с чем сталкивался, но с таким – впервые. Что делать, когда тебя пытаются оскорбить, он знал. Если бы какой-нибудь дворянин, пряча язвительность и презрение за придворными манерами, пытался выставить его идиотом, Лиар, возможно, швырнул бы ему в лицо перчатку – доводилось уже. Только юный преступник, во-первых, дворянином не был, он вряд ли вообще представлял, как обращаться с мечом. А во-вторых... Во-вторых, у принца упорно не получалось почувствовать себя оскорбленным. Хоть тресни!

– То есть ты отказываешься меня сопроводить? – как всегда в моменты растерянности собственный голос стал отвратительно надменным, засквозила в нем проклятая угроза, которую сам владелец туда вкладывать не собирался. Впрочем, на собеседника это впечатления не произвело.

– Боги, слово-то какое! Сопроводить... Ты сейчас не у себя в столице, приятель! Я иду к границе, ты тоже, так какого демона? Хочешь идти со мной, кто тебе не дает? Дорога, знаешь ли, общая... – мальчишка обогнул принца и выбрался из зарослей.

Лиар хотел было рассердиться и почему-то не смог. То есть брови он свел к переносице сурово и вполне убедительно, но вот искренности в этом движении было не больше, чем мяса в постной похлебке.

– Хорошо, – неожиданно для себя кивнул он. – Допустим, хочу. Так что, если у тебя не найдется возражений, я так и сделаю.

Возражений у этого невозможного человека не нашлось, он только предупредил уже без нахальной своей ухмылочки:

– Но спутник из меня сейчас не самый лучший. Я это... не в форме, вот!

– Учту, – серьезно кивнул Альвир.

– Ну и чего тогда стоим? Пошли уже! Да, кстати, зовут-то тебя как?

Парень явно не понимал, что перед ним будущий монарх. Тем лучше: в Орбесе регалиями светить не стоит... Но и врать не хотелось.

– Нейд, – отделался вторым именем принц.

– Рик, – отрекомендовался мальчишка, протягивая руку.

Альвир оторопело уставился на открытую ладонь. Надо же... Впервые с ним вот так. Запросто, по-человечески, что ли...

Хотел осторожно сжать в ответ расцарапанные пальцы, но Рик уже убрал руку, очевидно истолковав короткое замешательство принца по-своему. Он кивнул, показывая направление, и двинулся вперед, забирая несколько в сторону от намеченного Лиаром маршрута. Оставалось только пожать плечами и следовать за своим не самым лучшим спутником.

Арко Сигвальд (баронет Орвик Анней). Эверран, Анней

То ли напиться в хлам, чтоб совсем до беспамьятства, то ли закрыться где-нибудь, где не найдут, и упражняться в магии. Долго-долго, пока сознание не оставит. Но и для того, и для другого нужно сначала подняться, а так не хочется... Надо же, уже часы в зале пробили полдень, сколько же он вот так сидит? Хорошие часы, надежные... Монументальные и вечные, как Небесные горы: Сольгре когда-то из Эльверго привез, там в хитрых механизмах толк знают. Скрипят только сильно. Или это в висках стучит после неудачной утренней тренировки?.. Глупо он тот удар пропустил. Надо же, это ведь сегодня утром было, а кажется, что минуло много лет.

Арко с удивлением понял, что сжимает край столешницы, обдирая ногтями воск, на гладко оструганных досках остались характерные следы.

Отец не простит. Беспощадное это понимание грызло душу с остервенением рассерженного хорька. Наверное, еще не поздно было вернуться, преклонить колени и признать свою ошибку. Поклясться, что выполнит любую волю отца. Предать все, во что верил столько лет, оскорбить память великого Сивера, обмануть всех, кто пойдет следом, и назваться Эйвериком Аритеном. Только никогда Арко этого не сделает. Он не сделает, а отец не простит. И ничего тут не изменишь.

Поговорить бы с наставником, спросить совета... Да нельзя: если отец держит свои планы в секрете от Сольгре, то не Арко оспаривать это решение.

Грохнули кулаком в запертую дверь, Сигвальд вздрогнул, обернулся на звук.

Надо бы встать и открыть, потому что иначе Амаг – а то, что за дверью именно он, можно было не сомневаться – ее попросту высадит к бесам. Только не хотелось ни видеть брата, ни подниматься. Вообще ничего не хотелось. Со второго, на редкость точного пинка хлипкий затвор звякнул об пол. Давно нужно было послать за плотником и поставить новый... Амаг влетел в комнату, как сорвавшаяся с тетивы стрела, замер возле стола. Хлестнули по плечам пепельно-белые волосы.

– Какого ж ты демона творишь?! – голос звенел такой яростью, что становилось не по себе. На побелевшем лице брата явственно горел оставленный пощечиной след. Заступался, что ли?.. Ну и дурень, какой теперь смысл?

Арко поморщился и предостерегающе вскинул руки, поднимаясь навстречу. Последнее, что всем им нужно, так это позволить прислуге узнать о них правду. У Ивьена уши по всему Эверрану, и не стоит полагать, что раз этого упыря все так ненавидят, то станут укрывать магов. Мигом доложат из одного только страха. Арко дошел до распахнутой двери, подпер ее табуретом, потом прикрыл глаза, заставляя себя сосредоточиться. Представил, как воздух вокруг них становится плотным, создавая подобие огромного мыльного пузыря. Позволил магии высвободиться. До отца ему, конечно, далеко, но должно сработать... Амаг нетерпеливо наблюдал за его движениями.

– Так, может, теперь соизволишь объяснить?! – уже тише начал он.

– А что объяснять? – угрюмо отозвался маг.

Лицо брата исказила почти болезненная гримаса.

– Издеваешься, да? – прошипел он. – Что на тебя нашло?! Какого беса ты отказался?! Ты же не меньше меня хочешь вернуть то, что у нас отняли! И ублюдкам этим отомстить! И...

– И самому такой тварью, как они, не стать я тоже хочу! – перебил Арко. – Хочешь сказать, ты бы на моем месте согласился выдать себя за Аритена?!

– Я? – Амаг вдруг успокоился, опустился на табурет и поднял на собеседника неожиданно усталые глаза. – Не сомневайся, я бы многое отдал, чтобы поменяться с тобой местами и взять на себя эту честь.

Наследник графа Рене не поверил услышанному. Что он несет, неужели не понимает?..

– Честь?! Но это бесчестно!

– Да ну? – зло прищурился брат. – А по мне бесчестно забиться в нору и молча смотреть, как черно-серебряная падаля дожирает твою страну! В прошлый раз отец действовал по законам чести и проиграл. С Фениксом у нас был бы шанс победить! Даже если Феникс не настоящий. Ты же не знаешь, у нас такие союзники теперь будут...

– Еще бы, откуда мне знать, если вы меня в свои планы не посвящаете! – горько бросил Арко. Амаг, кажется, вовсе его не услышал и продолжал.

– Лучше солгать ради победы, чем сидеть и ждать того, кто на самом деле никогда не вернется!

Арко снова вскочил, гулко ударился о пол массивный дубовый табурет.

– Замолчи, слышишь?! Эйверик Аритен вернется! Тогда все изменится!

Собеседник рассмеялся, только было ему явно невесело.

– Брось, брат! Он давно мертв, иначе уже сотню раз объявился бы. Двенадцать лет прошло! Он мертв, или ему просто плевать на Эверран, а это еще хуже.

Да как он может, раздери его демоны?!

– Значит, у него есть причины ждать! Но он вернется, слышишь?!

– Небо, Арко, ты сам-то в это веришь?

Юноша стиснул зубы, вздохнул, успокаиваясь.

– Да. Потому что, если не в это, тогда во что?.. – тихо спросил он, глядя на брата с неожиданной для самого себя надеждой.

– В себя! В себя верить! Друг в друга! В ребят из гарнизона, в конце концов.

– Да? Мне, значит, в них верить, а самому им врать? Фениксом прикидываться?!

– Да пусть так, лишь бы толк был!

– А он будет, ты в этом уверен? Твою светлость!.. В прошлый раз вышло только хуже! Но тогда мы хотя бы не лгали, люди знали, за что они сражаются.

– Послушай... – Амаг взъерошил волосы, неловко повертел в руках латунный хвостовик пояса. – Я понимаю, ты после Асавеля стал... осторожен. Восстание магов тебе дорого обошлось. Но нельзя же теперь всю жизнь бояться!

Асавель. Ну, вот опять. Ведь отболело уже, прошло, сниться давно перестало! А все одно, каждый раз, как об этом заходит речь, накачивает...

Вновь окружили Арко вековые сосны, обрамлявшие с трех сторон асавельскую долину, замелькали лица. Отец в золоченом нагруднике с фамильным гербом – распластавшимся в броске ирбисом, полощется на ветру бледно-голубой плащ; граф окидывает долгим взглядом своих людей, на мгновение задержавшись на сыне, и Арко знает, точно знает, что они победят. Если этот человек так смотрит, то не может быть иначе! А потом из-за рожи одна за другой появляются шеренги солдат в черном, щерится со штандартов серебряный волк, зло и отчаянно поет труба... Барабанной дробью в виски ударяет пульс, замирает время. Вот сейчас... прямо сейчас все произойдет. Два строя разобьются друг о друга: ровные шеренги солдат и их – редкий, разношерстный, но не менее смертоносный. Не все они маги, но таковых в строю много, очень много, они на ходу принимают обличья, наполняя утренний Асавель сполохами древней силы.

– Эверран! Аритен! Сигвальд!

Невероятное, немислимое чувство, такое большое, что в груди ему никак не уместиться... Счастье воевать за то, во что веришь, за свою страну, за правое дело. Счастье стоять

рядом с этими отчаянными людьми. И собственные губы помимо воли повторяют взвившийся над строем призыв. Правлению предателей пришел конец, все случится сейчас.

Не случилось...

Видение меркнет, перед Арко снова стены чужого замка, за восемь лет так и не ставшего домом, и лицо близнеца.

– Мне дорого обошлось? – перехваченным горлом прошептал юноша. – Нет... Не мне. Таяле, Атору, братьям Виар... И еще несколькими сотням магов! Вот им – дорого! Их тела потом свалили в овраг за рощей и подожгли солдаты Сэйграна! А мне оно вышло почти бесплатно... – Арко невольно коснулся левой ключицы, пальцы привычно легли на широкий, рубленый шрам, кажущийся глубоким даже сквозь рубашку и камизу⁵. Должно было убить, но теперь почти не беспокоит, разве что ноет на смену погоды. Если лекарь – сильный маг, то многое становится реальным. Небо, каких же возможностей лишили людей Альвиры, запретив магию!

– Они умерли достойно, – отрезал Аамат. – А ты жив и должен сделать то, чего мы не сумели в прошлый раз. Проклятье, Арко, ты нам нужен, понимаешь?!

Такие простые слова, но они впиваются в душу как хорошо отточенный клинок. Ты нужен... Нужен! Так как ты можешь остаться в стороне?! Еще одно искусство, в котором Аамат всегда был лучшим. Он умел швырять слова так же метко, как ножи или дротики – всегда в цель. Захотелось плюнуть на все и верить, верить...

– Это отец тебя прислал?! – сквозь зубы выпалил Арко.

Собеседник задохнулся от возмущения, показалось, что он сейчас ударит. Нет, сдержался, успокоился.

– Пошел ты... Отец о тебе слышать не хочет.

– Ладно, извини, я понимаю, – действительно, Аамат как лучше хочет, глупо на него набрасываться. – Только я все равно так не могу. Солгать людям, втравить их в новое восстание... И непонятно ради чего: законного наследника престола у нас пока нет. А ведь прежде, чем повторять попытку, мы, по крайней мере, должны убедиться, что не сделаем хуже!

– Знаешь, рот открываешь ты, но я слышу не тебя, а Сольгре! – неприязненно поморщился брат. – Я знаю, он спас тебе жизнь, но это не значит, что ты должен думать, как он!

– Жизнь он не только мне спас, но и тебе, и отцу. И я не повторяю за ним, просто я с ним согласен.

Собеседник устало провел ладонями по лицу, помолчал с минуту. Потом с горечью бросил:

– Тогда и говорить не о чем, – вновь поднялся на ноги, теперь спокойно, без прежней горячности, и пошел к двери. Обернулся уже на пороге и тихо добавил: – У Сольгре Сигвальда есть чему поучиться, но ты из всего предпочел перенять у него страх. Не смотри так, я знаю, что он не боится смерти, я тоже видел его в бою. Он власти боится, ответственности... И ты такой же! Тебе проще сидеть и ждать, надеясь на давно убитого принца, чем взять ситуацию в свои руки.

Ответить Арко не успел, брат вышел, а тяжелая, как свинец, тоска осталась. Она теперь вообще никуда не денется, она пришла насовсем, она в своем праве. Потому что в чем-то Аамат не ошибся. Про Сольгре он зря, их родственник – великий человек! А вот сам Арко... Он никогда бы в этом не признался не то что Аамату, самому себе, но принять решение за весь Эверран боялся до судорог.

⁵ Камиза – средневековая нательная рубашка, аналог нижнего белья. Изготавливалась из льна или шелка, чаще всего некрашенного или белого. В некоторых случаях ворот и рукава камизы могли выглядывать из-под верхней одежды.

Герцог Сафир Гаро. Мятежные земли

Ему хватило одного взгляда на жену, чтобы понять, – новости его не порадуют. Анирада откинулась в кресле, двумя руками обхватив высокий кубок так, словно пыталась согреться. Отблески свечей дробились в хрустальных гранях, придавая белому вину все оттенки золота и янтаря. В изящных ладонях этой женщины даже иррейский хрусталь казался массивным и вычурным.

– Со мной говорил Рене, – негромко произнесла она, не дожидаясь вопроса. – Он не сможет дать нам того, о чем мы просили.

Спокойным голосом Сафир не обманывался, он знал, как много Рада ждала от Сигвальдов. Он и сам рассчитывал разыграть этот козырь. Беспроигрышная выходила комбинация: помочь мятежникам собрать силы, сравнить их с Сэйграном и его шайкой, дожидаться, когда обе стороны будут истощены... Трон, взятый силой, ненадежен и шаток, нынешнее положение дел – прекрасное тому доказательство.

Нет, не станут они с Анирадой повторять ошибок Эверранского Волка. Они дождутся дня, когда вся страна в едином порыве сама попросит их принять корону. А она попросит, надо только уметь к этому подвести. И маневр с воскрешением Феникса мог стать хорошим началом. Как все-таки жаль... Отчего же твердолобый безумец Рене вдруг стал осторожен?

– Проклятие! – пробормотал герцог, опускаясь в кресло напротив жены. – Если он разгадал наши планы, это может стать проблемой.

– Что? – женщина нервно рассмеялась, откинула со лба прядь волос. – Рене? О чем ты?.. Он же за собственными амбициями неба не видит! Рене по-прежнему остается нашим союзником. Проблема в его сыне: Арко отказался.

– Хочешь сказать, мальчишка умней, чем кажется?

– Возможно и так, – Анирада поднесла вино к губам, но пить не стала, зло отставила кубок. – А если вмешался старый лис?! Рене сказал, тот ни о чем не догадывается, но я не верю, что Сольгре Сигвальд мог проглядеть заговор у себя под носом!

– Перестань, ты его переоцениваешь. Не знаю, что двигало Арко, но мальчик вряд ли понимал, что своим отказом спасает жизнь и себе, и отцу. Однако не стоит ссориться с графом, он будет полезен и при других раскладах.

– Знаю, – собеседница провела ладонью по распущенным волосам. Она редко собирала их в прихотливые прически и никогда не украшала камнями и жемчугом. Сафиру это нравилось: ей не нужны были драгоценные цацки, рядом с совершенной красотой Анирады любые украшения смотрелись жалко и ненужно. Впрочем, было одно-единственное, достойное ее – крылатый венец, хранившийся вместе с другими артефактами в подвалах эверрского замка. Однажды Сафир сам возложит его на голову этой женщины.

– Мы просто будем действовать так, как собирались, хорошо? – Я веду переписку с Дионом, Иреем, Аделью. Возможно, получится договориться с горцами или степью... Корона будет нашей, осталось не так уж долго ждать.

– Она должна была стать нашей двенадцать лет назад! – вскинулась Анирада, и в золотистых глазах зажглись нехорошие искры. – И, раздери демоны, она бы стала нашей, если бы ты убил мальчишку!

– Я? Рада, оставь! Ты сама знаешь, что прикончить Лиара должен был не я, а Феникс. Меня там и близко не должно было быть. Я сделал все, как мы собирались, не моя вина, что Эйверик нарушил наши планы. Я до сих пор не понимаю, что тогда произошло... Но это уже неважно, главное, не ошибиться теперь.

Она вновь вцепилась в кубок, залпом осушила половину и прикрыла глаза.

– Ты прав! Небо, Сафир, я знаю, что ты прав! Но это клятое ожидание, оно... Я схожу с ума! – Женщина судорожно вздохнула, словно ей не хватало воздуха. Подняла взгляд и продолжила с лихорадочной решимостью. – Я видела его сегодня ночью... Эйверика! Знаешь, он никогда раньше мне не снился, а теперь я видела его, и мне казалось, что я чувствую его силу... Сон прошел, но мне до сих пор так кажется, Сафир! Слово он действительно жив, понимаешь?! Это так страшно!..

Герцог поднялся на ноги, обошел стол и опустился рядом с ней на колени. Вот ведь как... Такая сильная, такая целеустремленная, она тоже может бояться теней. Эйверик Аритен давно мертв, они оба знают это лучше, чем кто-либо, но старые кошмары преследуют Анираду. Она пришла не для того, чтобы обсудить с ним планы, не корректировать детали замысла и уж точно не обвинять его в провале двенадцатилетней давности. Они еще обсудят все не раз и не два, но это будет потом, а сейчас ей просто нужны ладони на плечах и тихие уверенные слова.

– Мы справимся. Слышишь, мы с тобой справимся, – шепнул Сафир, обнимая жену. И она поверила, уткнулась лицом в его плечо, позволяя гладить русые пряди, которые в пламени свечей казались золотыми и медными. Да, ей определенно пойдет Венец Фениксов, очень пойдет.

В отличие от Анирады герцог не был одаренным, да и в сказки о выжившем Фениксе не верил. Но он тоже кое-что чувствовал. Сафир не смог бы объяснить, откуда взялась эта уверенность, но он точно знал: все то, что двенадцать лет зрело в самых разных концах континента, проросло. Этого еще не видно, но что-то струнуло с места лавину. Вскоре континент вскипит новой войной, той самой, которую они с Анирадой ждали двенадцать лет.

Глава 2

Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Орбес

Держаться позади Рика становилось непросто: мальчишка начинал сбавлять темп и все чаще спотыкался, но ускорить шаг, пустив его себе за спину, Лиар не мог. Рассудив здраво, он вообще начинал сомневаться, что набиться в компанию к беглому каторжнику было хорошей идеей. Демон же знает, за что его вообще осудили! Может, он неосторожным принцам во сне глотки резал? Да, опасным беглец не выглядит, но внешность – штука порой невероятно обманчивая. С другой стороны, они с этим парнем сейчас в одинаковом положении: попадись они «лошадникам», те не станут разбираться в тонкостях их происхождения. Пристрелят обоих, и дело с концом! Так чего ради Рiku причинять ему вред?

Да и, положа руку на сердце, Нейд все-таки сильно погорячился, когда влез на территорию Орбеса. Карты он знал хорошо, но этого недостаточно. На карте все казалось демонски простым, принц и сейчас мог закрыть глаза и во всех подробностях воссоздать в памяти лист плотной дорогой бумаги, слегка обтрепанный с краев. Гладкая зеленая лента, расчерченная редкими узорами водоемов, тянется до самой Рионы – реки, за которой начинаются эверранские земли. Темнеют вверх очертания Агаре и Фиор-Тиммина – единственных в Орбесе укрепленных городов; отмечен красным пунктиром старый тракт, который теперь зарастает травой за ненадобностью. В том месте, где собирался пройти Альвир, степь сильно сужалась, казалось бы, преодолеть столь небольшой участок нетрудно! Но фениксовы перья, на старой карте не отмечены ни стоянки, от которых им стоит держаться как можно дальше, ни пастбища, ни маршруты фиорских разездов. А Рик, кажется, знает об этой местности немало.

И, если так, то Лиар все же был прав, предпочтя общество преступника: это, по крайней мере, безопасней, чем подставляться под орбесские стрелы. Хотя неплохо бы хоть что-то узнать о человеке, рядом с которым предстоит провести не один день. Только разговаривать с чьей-то спиной было неловко, а потому завести светскую беседу не получалось. Наверное, Нейд все же задал бы интересовавшие его вопросы относительно сомнительной биографии беглеца, но стало не до этого.

Хлестнувший по глазам порыв ветра донес голоса. Звук был совсем тихим, на грани слышимости, но ударил по ушам не хуже пожарного колокола. Рик, шагавший впереди, на секунду замер, прислушиваясь, потом ускорил шаг.

– Подожди, ветер оттуда! Мы им навстречу идем, – не выдержал Лиар, догоняя мальчишку.

– Ну, спасибо, я-то и не заметил! – через плечо бросил тот, слегка задыхаясь. – Расслабься, если успеем добраться до Разлома раньше, чем нас увидят, то проблем с местными у нас не будет. Туда они не пойдут.

Если успеем... Бесовски обнадеживает! Не будет ли лучше сместиться в сторону и переждать, пока всадники пройдут мимо? Да, здесь хорошая видимость, так что их запросто могут заметить... Но хоть какой-то шанс будет!

Рик остановился так резко, что Альвир едва не налетел на него, и обернулся к принцу.

– Эй, что-то не нравится? – поинтересовался беглец, вскидывая брови.

– Мне все не нравится, – честно признался тот. – И вообще, ты уверен, что нам действительно стоит бежать к этому твоему Разлому, а не уйти с дороги фиорских всадников?

Мальчишка смерил Лиара снисходительным взглядом. По правде говоря, это начинало задевать.

– Слушай, если впереди разъезд, то в нем не меньше двух дюжин человек, идут они растянутой цепью... И зоркие, не хуже соколов со своего герба, поверь на слово! Уйти так далеко, чтоб они нас не заметили, мы не успеем. Значит, надо дойти до Разлома, а дальше уже будем думать... – преступник недовольно поморщился, очевидно прочтя сомнение на лице собеседника. – Знаешь, у тебя сейчас негусто с вариантами, так что придется довериться мне. Или иди, куда хочешь, и крутись сам!

Рик сказал это совершенно равнодушно, но на дне медово-карих глаз мелькнул запоздалый страх. Словно их обладатель вдруг испугался, что Альвир действительно развернется и уйдет. Впрочем, это принцу, скорее всего, почудилось. А каторжанин немного отдышался и снова зашагал вперед, все больше ускоряясь.

Довериться?.. Незнакомому парню с каторжным клеймом?.. Фениксовы перья, отличная идея! Сэйгран и то не нашел бы слов, способных охарактеризовать подобное сумасшествие. Ну да что ж теперь?.. Махнул рукой на собственные мысли и бросился догонять мальчишку.

Горизонт оставался чист, во всяком случае, Альвир пока не мог разглядеть очертаний всадников, но вряд ли ждать придется долго. Ветер утих, и Лиар слышал только загнанное дыхание своего спутника да стрекотание вездесущих кузнечиков. Они прошли не больше атта, когда Рик вдруг споткнулся в очередной раз, неловко завалился на спину и больше не поднимался. Отставший на несколько шагов Альвир бросился на землю, высматривая среди бесконечной зелени затаившегося лучника, перекатился, оказавшись рядом с неподвижным Риком. Глаза беглеца были закрыты, на лбу выступили крупные капли пота.

– Эй, ты что? Слышишь меня? Рик! – вполголоса позвал он.

Зашарил взглядом по одежде каторжника, боясь увидеть кровь и торчащее из тела древко – длинное, оперенное соколиным пером, Нейд вдоволь на такие насмотрелся под стенами Тифры. Однако стрелы не было, похоже, парень просто потерял сознание, давно уже к этому шло... Демон, до чего не вовремя! И что с ним теперь делать? Тащить на себе? Вообще-то, дело несложное: мальчишка едва ли весил многим больше турнирного снаряжения. Только Лиар не имел представления о том, куда идти, Рик выбирал направление по одному ему понятным ориентирам. Словно в насмешку ветер вновь донес обрывки голосов.

Потряс парня за плечи, растер ладони, пытаясь привести в чувство. В ответ невнятный стон и больше ничего. Бесы, ему б поест, отоспаться по-человечески... А лучше вообще лекарю показаться – паршиво он выглядит. Только сейчас их возможности весьма ограничены, а умирать здесь у Лиара Альвира просто нет права.

Принц поднялся и быстро зашагал в прежнем направлении, стараясь не оглядываться.

Рик Жаворонок. Орбес

Жаворонок не сразу понял, отчего прозрачно-голубое весеннее небо вдруг оказалось прямо перед глазами, а потом и вовсе стало темно. Удара о землю он толком не почувствовал. Еще цеплялся за ускользящее сознание, но получалось из рук вон плохо. Сквозь болезненные удары в висках беглец кое-как разбирал голос Нейда, понимал, что его трясут, стремясь привести в чувство. Рик честно пытался ответить, объяснить, что он вообще-то в порядке и сейчас встанет, но губы не слушались, а перед глазами по-прежнему стояла непроглядная темень. Наконец, кое-как удалось разлепить предательски тяжелые веки, только Нейда рядом уже не было. Жаворонок с трудом сумел различить его удаляющийся силуэт.

Отчего-то накатила обида. Надо же!.. С чего бы? Можно подумать, Рик ждал от вельможи чего-то другого. И вообще, какое это имеет значение? Сейчас самое главное отлипнуть от земли и добраться до Разлома Проклятых, потому что иначе ему не выжить. Так, вот сейчас он встанет и...

Не встал. Темнота вновь сомкнулась над головой, придавила свинцовой своей тяжестью. Из нее проступили огненные сполохи и смутные очертания человеческих силуэтов. Лиц не рассмотреть, но черные куртки с тонкой серебряной строчкой на высоких воротниках говорят достаточно. Назойливым комарьем звенят арбалетные струны, но плотный, слаженный дождь из дерева и стали вдруг охватывается пламенем. Стрелы сгорают на лету, стальные наконечники плавятся, стекают на каменные плиты. Только черный строй не останавливается, делает шаг вперед. Они приближаются медленно и неотвратимо, одни падают, но на их место встают другие. Женский крик совсем рядом, лязг железа...

– Стойте! Остановитесь, хватит! Так нельзя! – испуганный мальчишеский голос. Чей? Его собственный? Возможно. Ничего не понять.

– Нет! – отчаянный, полный ужаса вопль женщины прерывается хрипом. Небо, отчего же все так размыто, почему не видно лиц, почему даже пошевелиться не выходит?! Он же должен что-то сделать, он...

Тихий шелест ветра, словно огромная птица расправляет крылья. Полумрак вскипает огнем, как же его много! Неужели во всем мире вообще может быть столько огня?.. Рик видит, как рыжие языки охватывают все вокруг, только ему не жарко и не больно, пламя не причиняет вреда... Оно – часть его. Или это он сам – часть пламени?.. И все на свете тонет в рыжебагровой вспышке.

Жаворонок рванулся, сбрасывая сонную одурь, широкая ладонь с силой впечатала его в землю, зажала рот, не давая толком вздохнуть. Рик забился под этой тяжестью, отчаянно пытаясь высвободиться из железной хватки, да где там!..

Нет, так не получится. Значит, нужно успокоиться, сориентироваться... Усилием воли преступник взял себя в руки, прислушался к собственным ощущениям. Он лежал на чем-то относительно мягком: не трава, скорее, ткань, которая больно врезалась в располованную спину. Чужие руки продолжали давить, но хватка слегка ослабла. Бесы, что произошло? Степняки? Нашли его без сознания и вместо того, чтобы сразу прикончить, решили вначале допросить? Возможно. Если так, то паршивое дело.

Рик чуть приоткрыл глаза, осторожно, чтобы не видно было со стороны. В окоме ресниц обозначились тонкие ветви, усыпанные нежно-салатовой, недавно распутившейся листвой. Откуда бы?.. Он все-таки не выдержал и перестал притворяться, с удивлением уставился на знакомую местность: густой кустарник и проступающую сквозь него неровную стену Разлома Проклятых – высокую, не в один человеческий рост.

Его, наконец, перестали вдавливать в землю, а в поле зрения возникло напряженное лицо Нейда. Черно-серебряный проигнорировал удивленный взгляд и быстро приложил палец к губам. Ткнул куда-то вверх широким подбородком.

Действительно... Рик и сам уже различал лошадиную поступь. Всадники шли самой кромкой Разлома, если б не ветви, он легко смог бы их разглядеть. Замер, боясь хоть чем-то привлечь внимание «лошадников», даже дыхание затаил. Небо, только б они не услышали, не обернулись, не всмотрелись вглубь широкой трещины, пробежавшей по степи подобно рваному шраму. Пустой страх – Жаворонок сам проверял: ни демона оттуда не видно. Но все равно, когда совсем рядом осыпались комья земли, поднятые конскими копытами, внутри все сжималось. Все-таки здесь, в самой северной части Разлома, они еще могут быть замеченными. Дальше, там, где Разлом углубляется, а вокруг начинается подобие леса, с этим станет куда проще. Сложней, правда, будет со всем остальным.

Некстати напомнил о себе опостылевший кашель, боясь быть услышанным, Жаворонок беззвучно перевернулся, пряча лицо в бледно-красной подкладке плаща. Хорошо хоть тот оказался не геральдическим с волчьей мордой, а самым обычным. Впрочем, сильно легче преступнику от этого не стало, он все равно чувствовал себя до крайности паршиво, беззвучно давясь ненавистным приступом. А еще было отчего-то зверски неловко. На замершего рядом Нейда Жаворонок старался не смотреть.

Наконец, тот поднялся на ноги и уточнил:

– Как думаешь, они достаточно далеко?

Достаточно. Рик приподнялся на локтях и наконец-то позволил себе откашляться, горло нещадно царапало, руки подрагивали. Отдышался и севшим голосом спросил:

– А какого я здесь?.. Мне казалось, ты ушел.

Тот лишь пожал плечами.

– Ушел, конечно, должен же я был разведать окрестности. Потом нашел это твое безопасное место и вернулся за тобой. Впритык, но успели... – он пристально всмотрелся в лицо собеседника и, отстегнув от пояса полупустую флягу, протянул ему.

– Ага, – зачем-то кивнул Жаворонок, неловко усаживаясь на плаще. Отпил кисловатой смеси воды с вином и добавил: – Только кто ж тебе сказал, что Разлом Проклятых – безопасное место?

– Вообще-то, ты.

– Я?! – возмутился каторжанин. – Эй, не передергивай! Я сказал, что здесь не будет «лошадников», и, кстати, не соврал, местные сюда соваться не рискуют. Но о безопасности это, согласишься, не свидетельствует.

Вельможа перестал рыться в сумке и вновь уставился на Рика возмущенными серыми глазами.

– Хочешь сказать, ты притащил нас в дыру, куда даже от замороженные степняки боятся лезть?! Фениксовы перья, отлично!

Жаворонок потер гудящие виски – голова все еще болела.

– Ну, кто кого притащил – это, кстати, спорный вопрос... – рассеянно пробормотал он. Зацепился взглядом за почти отвесную, рваную стену Разлома, местами поросшую травой и жиденьким кустарником, и невольно заужавал физические возможности Нейда. Все-таки спускаться сюда, когда на тебе висит чье-то бессознательное тело, наверное, нелегко... – Другие варианты, знаешь ли, были еще паршивей. Да ладно, выжить тут можно, я проверял. Только особо не расслабляйся. Здесь змей до демона, многие из них ядовитые. Хотя они и наверху есть, просто меньше.

– Прекрасно, – вздохнул собеседник, взъерошив и без того растрепавшиеся соломенные волосы. – Ладно, змей я переживу.

– Кстати, ядовитые тут не только змеи. Так что я б на твоём месте ничего без нужды не трогал, незнакомых растений не рвал, и с водой осторожно...

– Н-да, об этом карта тоже умолчала... Ладно, разберемся. Давай, что ли, лагерь хоть какой-то обустроим, сегодня вряд ли получится продолжить путь.

Вообще-то до темноты оставался не один час, а терять время не стоило. Однако вельможа был прав: далеко Жаворонок сейчас не уйдет, измотанное за последние месяцы тело начинало подводить. Только это его, Рика, трудности, и последним, кому он собирался их продемонстрировать, был его черно-серебряный спутник. И так уже одолжить успел, дальше некуда...

– Здесь не стоит, – беглец решительно помотал головой, о чем тут же пожалел, когда та отозвалась набатным звоном. – Если пройдем немного по дну Разлома, то будет еще один спуск. Там дальше грунтовые воды ближе к поверхности подступают, и растительность куда гуще. Деревья почти до самого края достают, хоть костер жги, сверху никто не увидит. Дойдем туда и будем обустраиваться.

– Ладно, – легко согласился Нейд, видимо, он и сам не хотел задерживаться. – Только вид у тебя такой, как будто ты сейчас опять свалишься. Держи! Не боги весть что, но на какое-то время должно помочь.

Он протянул Жаворонку раскрытый холщовый мешочек, от которого одуряюще пахло чем-то сладким. Притупившийся было голод мгновенно напомнил о своем существовании. Жаворонок на секунду замешкался: все-таки брать что-то у черно-серебряных не хотелось. То есть по-тихому вытащить и слинять – это сколько угодно, святое дело. А вот так... Непривычно как-то! Впрочем, еще раз хлопнуться в обморок как ирейская придворная дама хотелось и того меньше.

– Я тоже сладкое не люблю, но в походы брать удобно: весит мало, насыщает быстро... – зачем-то пояснил вельможа.

Вообще-то Жаворонок сладости любил, только в руки к нему они нечасто попадали. Ладно, все на хрен, расплатиться он еще успеет. Рик, не глядя, закинул в рот полную горсть ароматного темного изюма. Бесы, как же это вкусно! Он и забыл уже... Посидел еще пару минут, потом поднялся и начал складывать нейдовский плащ. Хватит расслаживаться.

Отросшие за время его заключения волосы щекотали обветренную физиономию и временами цеплялись за вездесущие ветки, продираясь сквозь которые становилось все сложнее: подлесок густел. Давненько он тут не бывал, даже подзабыл уже...

Это место Рик Жаворонок нашел несколько лет назад, кажется, дело было в середине лета – месяц луговых ягод или около того. Совершенно случайно наткнулся: сверзился сюда в потемках, продираясь сквозь вездесущие ковыльные заросли. Когда рассвело, разглядел и не поверил вначале, думал, головой хорошо приложился при падении. Очень уж смотрелось удивительно – посреди иссушенной до хруста степи земля словно расступилась, образовав неровное подобие коридора, внутри которого вместо опостылевшей ржавчины сухого ковыля зеленеют крапива и сныть, соблазнительно лоснится костяника. Вздываются ввысь древесные стволы, заслоняя от озверевшего солнца. И вода – сколько хочешь, хоть залейся! Тут тебе и ручьи, и мелкие, цветущие рогозом прудики, образованные подземными ключами... Сказка! В Небесных горах такому изобилию место.

Только местечко-то на самом деле коварное, с подвохом. Почему именно здесь в таком количестве прижилась хольта – редкое, почти нигде не встречающееся растение, – знают только боги. Может, и правда не врет орбесская легенда, и место это проклято?.. Крошечные кустики, которые так сложно разглядеть в здешних зарослях, торчали на дне Разлома в любых количествах. Рик с ними вживую прежде не сталкивался, только читал о чем-то подобном, в той книжке еще рисунок был. Это Жаворонка тогда и спасло. Одной капельки белесого сока этой дряни вполне хватает, чтобы отравить несколько ведер воды.

А потом вспомнилась толстенная книга в тисненном золотом переплете, прочитанная Жаворонком среди многих других. Точное расположение там отмечено не было, но, кажется, речь в одной из глав шла именно про это место. Разлом Проклятых, также названный Коридором смерти. Для людей Орбеса он является запретным и священным. Тогда все окончательно встало на свои места, и, проплутав здесь с неделю, Жаворонок выбрался наверх в какой-нибудь сотне аттов от Рионы.

А спустя год пробирался этим путем вместе с одной шайкой. Они общими усилиями неплохо поживились в замке какого-то дионского барона, и убираться им пришлось быстро. Порядочные были мерзавцы, надо сказать, самая подходящая Рику компания. Зря они не поверили, что воду в том пруду брать нельзя. Двоим тогда повезло, а от остальных местное зверье уже, наверное, и костей не оставило. Ну, бес с ними, сами виноваты.

Короче, местечко отличное, но только в том случае, если у тебя есть мозги.

Сейчас Жаворонок, пошатываясь, тащился по смутно знакомым местам, на ходу растирая все еще саднящие запястья, и старательно пялился под ноги: во-первых, ходить по Разлому действительно стоило осторожно, а во-вторых, смотреть в широкую спину Нейда, который на сей раз шел первым, было отчего-то демонски неуютно. Удивительно, какое ему, Рику, вообще до него дело? Тот сам с ним увязался, вот и пусть себе идет, пока не мешают. А начнет мешать, так всегда можно слинять: несмотря на паршивое свое состояние, уж от одного надутого черно-серебряного индюка Рик как-нибудь смоеется.

Но молчание отчего-то начинало Жаворонка тяготить, и, пожалуй, не только оно. Демон, да он сегодня грохнулся в обморок, а потом очухался, давясь собственным криком. И его спутник это видел... Отвратительно. На то, что о нем подумает столичный вельможа, должно быть глубоко плевать, но почему-то идиотское чувство неловкости не оставляло.

Хотя волновать Рика сейчас должно совсем другое! Учитывая, каким образом ему удалось сбежать из-под конвоя, дела его плохи в любом случае. И столь внезапно проснувшаяся в нем сила никуда не делась, Рик все время ее чувствовал, и это пугало. Она засела где-то под ребрами и ощущалась так же реально, как запах молодой сныти, а сбежать от нее было решительно некуда. И каким бы полезным такой талант сейчас ни казался, использовать его преступник не собирался, даже если от этого будет зависеть его жизнь. Даже мысли такой нельзя допускать: нельзя, чтобы это вошло в привычку. Ни при каких обстоятельствах. Вот Гайд не боялся колдовать при своих, и чем это для него кончилось?.. Свои, как выяснилось, тоже разными бывают. Рик так и не узнал, кто сдал неосторожного волшебника...

И хотя беглый каторжанин все это прекрасно понимал, он решил тащиться куда-то в обществе черно-серебряного! Вот дурень-то!.. Если Нейд заподозрит в нем колдуна, если Жаворонок хоть чем-то себя выдаст, тогда все, конец. И почему он согласился взять Нейда с собой? Вообще-то приходилось признать, что без него Рик уже мог быть трупом... Но там, у маленького родника, он об этом не знал. Так какого беса сразу не сбежал?

Жаворонок вспомнил, как пальцы дворянина потянулись к кинжалу, когда они узнали друг друга. Каторжанин тогда дергаться не стал, только приметил в траве увесистый кусок песчаника, прикидывая, куда в случае чего надо бить. Он прежде не убивал, но если бы Нейд тогда вытащил из ножен клинок, то обязательно попытался бы... А потом, когда делать этого не понадобилось, пришло чувство облегчения. И не только от того, что его, Жаворонка, жизни ничто не угрожает.

Это было глупо, странно и совершенно необъяснимо, но уже тогда беглый каторжанин не желал Нейду зла. Странное дело! Ведь чем меньше в мире альвировских прихвостней, тем лучше для всех! Но Рик отчаянно не хотел смерти этого человека. Глупо... Наверное, потому он и не стал мешать вельможе идти вместе с ним – один в степи тот очень быстро схватил бы между глаз орбесскую стрелу.

А ведь сам Нейд тоже, наверное, не обольщается относительно своих шансов дойти до границы в одиночку. Видать потому и возился с бессознательным каторжанином. Действительно, его помощь всяко не безвозмездна, Рик просто нужен ему, чтобы выжить. Вполне естественное желание. Так что ничего он, Жаворонок, волчьему прислужнику не должен, все честно!

От этого простого понимания задышалось куда свободней. Даже смотреть на своего спутника стало проще.

Частокол древесных стволов впереди становился плотнее, вот, наконец, и тот склон. Вовремя, а то еще чуть-чуть, и он уже шагу сделать не сможет. Спустились кое-как, Нейд все время опасливо оглядывался на Жаворонка, даже попытался придержать на особо крутом участке, но Рик только отмахнулся.

– Под ноги смотри, ты чуть на змею не наступил, – устало буркнул он, цепляясь за какой-то стебель.

– Да и пес с ней, думаешь, прокусит? – вельможа скосил глаза на плотную ткань штанины, некогда серую, а теперь до колена зазелененную травой.

– Ну, проверь, если хочется! – Пожал плечами и прыгнул на относительно ровную поверхность. Кое-как отдышался. Глазам открылся вид на узкий, извилистый ручеек, чуть дальше за деревьями угадывалась водная гладь знакомого пруда.

Эверранский дворянин первым остановился и скинул с плеч мешок, утомленно опустился на траву, привалившись спиной к сосновому стволу. Рик не мог себе такого позволить: понимал: если сейчас усядется, то уже не заставит себя встать, а надо сначала разобраться с делами. Дошел до ручья, вытекающего откуда-то из-под земли, и немного прошел вдоль него, внимательно глядя в листья встречаемых растений. Ага, вот!.. Прошелся еще несколько раз, проверяя, не проглядел ли.

– Нейд, – окликнул он и провел носком затертого башмака невидимую черту. – Вот до этой линии воду в ручье можно брать, дальше – нет. Ни пить, ни умываться, ни трогать – вообще ничего нельзя.

Черно-серебряный мгновенно оказался рядом.

– А если выпью? – с любопытством уточнил он, вздернув широкие пшеничного цвета брови.

– Тогда лучше повесься или жилы своей зубочисткой расковыряй, быстрее будет, – посоветовал Жаворонок. Потом все-таки пояснил, ткнув пальцем в тонкий стебелек с резными перистыми листьями: – Хольта, чтоб ее. Слышал про такую?

Нейд задумался, припоминая.

– Вроде, так звали красавицу в одной сказке. Она еще убивала всех, кто ее... э-э... вкусил.

– Вот-вот, в честь нее и назвали! Так что, если сок попадает в воду, то пить уже нельзя. Даже кипятить бесполезно.

Собеседник совсем не по-дворянски присвистнул.

– Паршиво.

– Да не говори! В общем, осторожно с этой дрянью, следи, чтоб на одежду не попала. Она в основном у самой воды растет, да и не сезон для нее пока, но мало ли...

Нейд присел на корточки возле растеньица, внимательно разглядывая стебель, местами сочащийся белесым соком.

– А ты куда? – опомнился он, когда Жаворонок уже успел отойти.

– Мыться. Если мне повезет найти какую-нибудь лужу, не отравленную этим веником.

Вельможа скептически скривился.

– А стоит? Водичка-то здесь не теплая, а ты и так...

Вот спасибо, можно подумать, Рик сам не знает, что простужен! Но, когда все тело уже чешется от грязи, удовольствие тоже небольшое, а уж про запах и говорить нечего. Да и царапины, того и гляди, гноиться начнут.

– Ну, знаешь! Я вообще не помню, когда мне это в прошлый раз удавалось! А если тебе заняться нечем, костер разведи. Ничего со мной не делается.

Тот привычно уже пожал плечами и возражать не стал. Только догнал, когда Рик исследовал один из небольших прудиков, и, окликнув, бросил ему какой-то сверток. Жаворонок инстинктивно поймал, а потом возвращать уже было глупо. Ну что ж, новая одежда ему действительно нужна. В обмен на его, Рика, знание степи — это более чем приемлемо.

Сказать, что вода была, и правда, нетеплая, значило не кисло так преуменьшить. От нее сначала перехватывало дыхание, саднило рубцы и ожоги, а потом как-то привык, ничего. Бывало куда хуже. Нейдовская одежда висела на Жаворонке как флаг в безветренную погоду, но это ерунда, можно нарезать гибких молодых прутьев и сплести подобие пояса. Зато шелковая камиза не царапала поврежденную спину, а в рубашке из тонкого дорогого сукна не будет холодно спать. Когда вернулся, между деревьями горел костерок, вельможа ловко стругал кинжалом какие-то ветки и насаживал на них неизвестно где взятые куски мяса.

– Надеюсь, зайцы тут не ядовитые?.. – пробормотал он, пристраивая над огнем импровизированные вертелы.

Рик тоже надеялся. Очень-очень надеялся, потому что при мысли о жареном мясе он едва не подавился слюной. А этот, значит, еще и охотиться неплохо умеет... Проклятье, не будь Нейд черно-серебряным, Рик признал бы, что со спутником ему повезло. Придвинулся к огню, чтобы хоть как-то согреться и просушить мокрые волосы.

– Помочь? – предложил он, стараясь не стучать зубами.

– Да нет, скоро уже готово будет. Только я не рассчитывал, что удастся развести костер. Там, – он неопределенно махнул рукой вверх, – я бы не рискнул внимание привлечь и даже котелка не брал... Кто ж знал, что тут такое место? Его и на карте нет.

Еще б оно там было! Не пришлось бы потом жалеть, что показал его альвировскому приближенному. А тот, спохватившись, протянул Рику фляжку, не ту, в которой носил воду, а плоскую, серебряную. Жаворонок, не глядя, отхлебнул и чуть не задохнулся. Слово крутого кипятка хватил.

– Отравить хочешь?! – осипшим голосом выдохнул каторжанин. – Что за дрянь?..

– Переживешь. Альдорская огненная вода. Зато ты сразу перестал походить на окоченевшего покойника!

– Чокнутые альдорцы!.. И ты это... пьешь? – с ноткой суеверного ужаса уточнил Жаворонок, безуспешно пытаясь отдышаться.

Тот покачал головой.

– Редко. Обычно я с ее помощью развожу костер, если растопка мокрая, – она прекрасно горит. Или царапины промываю.

По телу быстро распространялось приятное тепло, сведенные холодом мышцы начинали расслабляться. Ладно, оно того стоило... Жаворонок, зажмурившись, сделал еще пару глотков и только потом закрыл крышку и вернул владельцу.

– Кстати, насчет царапин. Покажи, что там у тебя.

– Где? – не сразу сообразил преступник. Внезапно он поймал себя на том, что соображать вообще расхотелось. Хотелось улечься на траве и смотреть в медленно темнеющее небо. А, д-демон!.. Похоже, с непривычки хватило нескольких глотков, чтоб его повело.

Собеседник придиричиво оглядел их будущий ужин, повертел, сдвинул так, чтобы не подгорело, и, поднявшись на ноги, подошел.

– Брось, тебя же перекашивает при половине движений. Давай, посмотрю. Воспалиться может...

Рик отшатнулся, даже сквозь накатившую после огненной воды расслабленность прорезалась паника. И не потому, что он так уж боялся боли. Промыть поврежденную кожу действительно стоило. Просто вдруг вспомнилось, как именно вычисляют колдунов.

Жестокостью ныне регентствующий граф Ивьен славился на весь континент, поговаривали, что он – земное воплощение верховного демона, и Рик вполне готов был в это поверить. Только идиотом он не был, понимал, что начнется, если обвинять в магии будут бездоказательно. Это же каждая завистливая баба станет тыкать в привлекательных соседок и кричать, что они ведьмы. Такого регент не допустил: за донос на колдуна действительно платили неплохие деньги, некоторые только так и зарабатывали... Уроды. Но, если донос оказывался ложным, тот, кто его написал, отправлялся под суд. А определить, является ли человек одаренным, если он сам не желает продемонстрировать свою силу, вполне возможно. Если волшебнику причинить очень сильную боль, такую, от которой напрочь теряется самообладание, магия стремится защитить своего владельца, она выплескивается помимо воли, и удержать ее уже невозможно. Насколько знал Жаворонок, подозреваемых не калечили. Есть умельцы довести человека до предела, не нанося ему особых увечий. Вот они этим и занимались. И что, если сейчас?..

Нет, сомнительно, что его, Рика, царапины принесут ему подобные ощущения. А все равно стало страшно. Он же совсем не умеет обращаться со своей новоприобретенной силой! Кто знает, как она себя поведет, когда жгучая огненная вода польется на разодранную спину?

– Не на что там смотреть, – отмахнулся он, делая еще один шаг назад.

Широкая ладонь перехватила за плечо, попав точно по тому месту, где тянулась одна из вздувшихся красных полос. Жаворонок сдавленно зашипел. Нейд тут же отдернул руку, но виноватое выражение его лица быстро сменилось укором.

– Вот и я об этом. Не дури! Думаешь, мне улыбается снова таскать тебя на себе, если свалишься в горячке? Ты, конечно, легкий, но костлявый, неудобно, знаешь ли.

– Можно подумать, тебя кто-то просил! И вообще, хочешь сказать, что ты хороший лекарь? – огрызнулся беглец, впрочем, уже понимая, что придется рискнуть. Хотя бы потому, что, если и правда воспалится, больно все равно будет. И неизвестно, как тогда поведет себя проклятая магия.

– Лекарь из меня никудышный. Но, определенно, лучший из всех, что тебе сейчас светят, – резонно отозвался Нейд. – Знаешь, как говорит один мой новый знакомый?.. У тебя негусто с вариантами, так что придется довериться мне.

– А, чтоб тебя!

Рик вяло махнул рукой, мол, делайте, что хотите. Опустился на уже знакомый плащ, расстеленный возле костра. Зашуршали под ним пушистые сосновые ветки, которые Нейд неизвестно когда успел наломать.

Зря беспокоился. Действия самопровозглашенного лекаря – не слишком умелые, но занимался подобным он явно не впервые – подарили Жаворонку несколько достаточно паскудных минут, но и только. Сдержанность рвущиеся с языка ругательства он не сумел (впрочем, не очень-то и старался), а вот магию сдерживать не пришлось: она осталась неподвижной. Ну что ж, так и должно быть, потому что то, о чем говорили – или, вернее, не говорили – те, кто прошел проверку на магию, явно было чем-то куда более страшным. Во всяком случае, от нескольких царапин, пусть и неприятных, человек не поседет до срока, не начнет заикаться или кричать по ночам. А с подсудимыми, доказавшими свою непричастность к колдовству таким способом, нередко потом происходило что-то подобное. Кое-кто, говорят, и вовсе терял рассудок. Да уж, упасите боги от такой участи.

Только в самом конце, когда Нейд оставил в покое спину и плечи и занялся незажившим клеймом, а перед глазами от боли заплясали пестрые пятна, засевавшая под сердцем сила слегка всколыхнулась. Осторожно, ненавязчиво. Словно сторожевой пес, который при появлении незнакомого гостя оскаливает зубы и поднимает глаза на хозяина, как бы спрашивая

разрешения напасть. Рик прогнал неожиданную ассоциацию и, стиснув зубы, подождал, пока немного отпустит.

– Эй-эй, живой? Все нормально?

Да как сказать... В том, что в груди пульсирует магия, а прислужник эверранских волков держит его за локоть и протягивает уже знакомую серебряную фляжку, ничего нормального не было и в помине. Не так все должно быть! Ну да бес с ним.

– Лучше не бывает! – фыркнул каторжанин, медленно приходя в себя. Ох, да от одного запаха этого пошла хочешь не хочешь, а очухаешься...

Черно-серебряный хмыкнул и отошел к ручью ополоснуть ладони. Вернулся он быстро.

– Рик? – Нейд перехватил еще мутноватый взгляд Жаворонка. – За что это все? Плеть, каторга...

– Понятия не имею. Рожей, наверно, не вышел! – ухмыльнулся Рик, не имевший желания обсуждать свои просчеты. И вообще, этому-то какое дело?

– Рик! – Ого, какую он, оказывается, грозную рожу кроить умеет. Жаворонка это не впечатлило, но, подумав, он махнул рукой. Препираться было откровенно лень.

– За что, за что... Кошельком ошибся, бывает.

– Вот как?.. А те, старые, тоже за кражу? У тебя же там шрамы есть, которым лет пять... – не успокоился вельможа. И вот охота ему?..

– Года три им, на мне заживает быстро. Нет, те по дурости!

– Надо же, самокритика... Я за тобой не замечал.

– Чего? Да при чем тут твоя... самокритика? Не по моей же дурости! Хотя и по моей тоже. Просто не поладил с одним уродом, сказал, чего о нем думаю. Почему мне было знать, что он чей-то там родственник? А хоть бы и знал, какая разница! Меньшим уродом он бы от этого не стал. – Надо же, а язык-то заплетается...

Нейд окинул собеседника странным взглядом, спросил задумчиво:

– И оно того стоило?

Хороший вопрос. Просветить того козла относительно его уродской сути тогда очень хотелось, это да. Сложно сказать, сильно ли он жалел потом, когда кнут раздирал кожу.

– Да откуда мне знать? Пес его разберет, что и сколько на самом деле стоит! – честно ответил преступник.

– Действительно... – Нейд вернулся к костру. – Фениксовы перья! Кажется, все-таки подгорело.

Рик укоризненно поцокал языком. А не хрен было с глупыми вопросами приставать. Впрочем, ему, откровенно говоря, было без разницы, подгорело или нет. Он вообще сомневался, что почувствует вкус: есть хотелось до невероятного, и от запаха жареной зайчатины можно было свихнуться.

Небо в просветах между кронами все больше наполнялось чернильной теменью, густело. Почему-то не было никаких сил оторвать от него взгляд. В руках как-то сами собой оказались ломоть хлеба, пересыпанный солью, и прутик с кусками мяса. Оно истекало соком, который впитывался в хлебную мякоть, и это было потрясающе... Так, главное, не заглывать разом, а то непременно стошнит с непривычки.

– Знаешь, если на твой изысканный вкус подгоревшее мясо неприемлемо, я готов взять на себя заботу о твоей порции, – не отрываясь от еды, заявил каторжанин. – Мне нравится! По-моему, у тебя талант.

– А иди ты, – беззлобно отмахнулся Нейд.

Какое-то время обоим занимал только заяц, а потом завязался разговор. Вельможа спрашивал о Разломе, и Рик, сам не зная зачем, принялся рассказывать ему ту легенду о непобедимых демонах и отважных степных фиорах. Подробно, в лицах, стараясь не упускать деталей, а кое-где, пожалуй, и приукрашивая.

– И боги степи откликнулись на зов одиннадцати фиоров, и разверзлась земля! И Разлом поглотил чудовищ, но и сами защитники Орбеса не смогли спастись. С той поры и до конца времен отважные фиоры обречены биться с бессмертными демонами где-то в недрах Разлома Проклятых, чтобы не дать тем вернуться на землю... – Рик картинно выдержал паузу и продолжил театральным шепотом. – Иногда по ночам путники слышат здесь вой демонов и звон мечей. Многие из тех, кто осмелился спуститься сюда, никогда уже не вернутся на поверхность. Говорят, они попали в когтистые лапы древних чудовищ. Может, и сейчас на нас смотрят откуда-то из темноты хищные желтые глаза. Выбирают момент, чтобы напасть и утянуть за собой...

Рик не выдержал и все-таки засмеялся, глядя, как вельможа зябко передергивает плечами.

– Жуть, правда? – радостно закончил он.

– Кошмар, – не стал спорить собеседник, потом посерьезнел. – Слушай, и «лошадники» действительно боятся сюда ходить? Но место опасно в основном из-за ядовитого растения. Неужели они этого не поняли?

– Да что они, глупее нас, что ли? Все они знают! А легенда нужна для того, чтобы сохранить обычай. Это же одно из испытаний, которое проходят те, кто хочет стать фиором. Нужно пройти по дну Разлома, причем не так, как мы с тобой, а в середине лета, когда от хольты вообще деваться некуда – для нее это самый сезон. И брать с собой ничего нельзя: ни ножа, ни фляги.

– И многие проходят? – заинтересовался черно-серебряный.

Жаворонок неопределенно развел руками.

– Понятия не имею. Если хорошо пошаришь здесь по кустам, человеческих костей ты найдешь немало. Но обычай-то правильный! Во всяком случае, полный кретин фиором уже не станет. Тут же и знания нужны, и терпение, и внимательность. Смекалка, сила воли... А что еще толковому правителю надо?..

– Правителю много чего надо. Но то, что ты перечислил, – уже неплохое начало, – согласился Нейд.

– Еще, чтобы пройти Разлом, удача какая-никакая нужна. Тоже важная штука! А если ты даже богам противен, то какой из тебя правитель?

Собеседник нахмурился и отвел глаза.

– Видать, не так уж и противен, – очень тихо пробормотал он, ни к кому, кажется, не обращаясь. Но Рик услышал.

– Ну, это пока! – философски отозвался он. – А как станешь таким, как все ваши, богов от тебя тошнить начнет...

Проклятье, что он делает?.. Отличная была идея надраться в присутствии черно-серебряного! И ведь выпил всего-то пару глотков. А впрочем, Рик и в нормальном состоянии порой не успевал ухватить себя за язык.

Добродушное лицо Нейда исказилось гримасой почти болезненного гнева. Появилось в нем что-то хищное, вызвав невольную ассоциацию с серебряным зверем на черном гербовом поле. Ладонь, кажется, метнулась к рукоятке, но замерла в воздухе, сжавшись в кулак. Еще бы! Сейчас Жаворонок нужен ему живым!

– Мы пока в Орбесе, и ты пьян, так что я не стану уточнять, что ты сейчас имел в виду, – отчеканил он свистящим шепотом. – Но если ты подобное повторишь на территории Эверрана. Скажешь хоть что-то оскорбительное в адрес законной власти, я сам прослежу, чтобы тебя вздернули, ясно?

Законной власти? Очень смешно! И с каких пор узурпация престола стала законной?.. Однако под немигающим взглядом прищуренных серых глаз Рик все-таки не рискнул озвучить это.

– Расслабься, речи на площадях толкать не стану, – буркнул он.

Нейд помолчал, остывая, покрутил в пальцах опустевший деревянный пруттик, переломил пополам и отбросил в сторону. Потом снова заговорил с лихорадочными, какими-то фанатичными нотками в голосе.

– Ирган Альвир был великим человеком! Он погиб, чтобы спасти континент. Предотвратить то, о чем говорилось в пророчестве Отступника! – без запинки, по-заученному. Кажется, эти слова были наглухо вколочены в белобрысую голову эверранского вельможи. Никакими доводами не вытравить... Вот только сам он ни на секунду в них не верил!

Рик невесело рассмеялся.

– Спаситель, мать его... Да в гробу мы все такое спасение видели! В хорошо заколоченном и очень глубоко зарытом! Не было никакого проклятия Феникса, понимаешь?! Это же просто выдумка, вроде демонов Разлома!

Широкие плечи Нейда поникли.

– А вот тут ты ошибаешься. Проклятие Феникса – это не сказка.

Жаворонок с удивлением отметил, как изменился тон собеседника. Надо же... Вот сейчас он действительно верит в собственные слова. Нет, даже не так. Не просто верит – знает. Или думает, что знает. Интересно! А еще подумалось, что у парня на редкость выразительная физиономия. У него же все чувства на лбу пишутся крупным, размашистым почерком. Да что там, они видны в позе, в повороте головы. И как он такой прямодушный умудрился выжить при дворе? Действительно, можно только посочувствовать.

Впрочем, ломать голову, пытаюсь разобраться в загадочной черно-серебряной душе Нейда, Рiku сейчас не хотелось. Лучше просто закрыть слипающиеся глаза и, наконец, поспать. Собеседник тоже замолчал, о чем-то задумавшись.

Реальность скользкой рыбиной выворачивалась из рук, норвила уплыть. Нейд обогнул костер и тоже устроился на прикрытом плащом колючем лапнике, снял и расшнуровал куртку, чтобы импровизированного одеяла хватило обоим. Надо бы отказаться, сказать, что ему и так хорошо, кстати, это чистая правда, но говорить что-либо было лень. Станный он вообще – Нейд. Руку преступнику не пожал, когда знакомились, – зазорно. А под одной курткой с висельником спать, значит, не зазорно?... Вот и пойми его!..

Рик поймал себя на том, что улыбается. Не Нейду, естественно: то, что он думает о черно-серебряных, он не забудет ни пьяный, ни мертвый. А просто так. И вообще, хорошо все складывается!.. Да, долго он не протянет, таскаясь по Эверрану с каторжным клеймом, а уж его внезапная магия – и вовсе верный путь на тот свет... Но это все потом, а сейчас – хорошо. Как бы там ни сложилось дальше, своим побегом Рик уже отыграл немало. Еще побарахтаемся, пока силы есть, а там будь, что будет.

В просветах между кронами одна за другой зажигались искорки звезд. Показалось, или одна из них сорвалась со своего места и ринулась вниз?... До звездопада еще несколько месяцев, так что, скорее всего, померещилось, но желание Рик все равно загадал. На всякий случай.

Чтобы он все-таки вернулся... Последний из Фениксов.

***Граф Вальд Гарта, командир
охраны эверрской крепости. Эверран, столица***

Казалось, время играет с графом. Медленно, небо, до чего же медленно плыли по обеим сторонам дороги бесконечные предместья Эверры! Словно приходилось продирается сквозь клейкую камедь или смолу. В сгустившейся темени стоило бы придержать лошадей, но граф Гарта знал каждый изгиб дороги, каждую выбоину, пожалуй, он мог позволить себе гнать Венге резвой рысью. А хоть бы и не знал, все равно бы несся вперед так, словно за ним гонится отряд фиорских головорезов. И все равно ему казалось, что они едва плетутся.

Белые траурные флаги, вывешенные на воротах эверранской столицы, Вальд видел даже отсюда, они трепыхались в потоках ночного ветра, заставляя все внутри сворачиваться в тугой ком. Впрочем, даже до того, как ненавистные белые тряпки возникли в поле зрения, граф уже знал, что за несколько недель его отсутствия дома успело произойти что-то скверное. Слухи, которыми охотно делились трактирщики и встреченные по дороге патрульные, звучали невысказанно и отчаянно противоречили друг другу, Вальд в них не верил. Только знал, что на пустом месте сплетни не рождаются. Что-то произошло в королевском замке Эверрана, и как бы граф Гарта ни гнал вороную Венге, он уже опоздал.

За спиной придушенно охнул Ричард – наверно, тоже разглядел.

– Господин...

– Вижу! – не оборачиваясь, бросил он.

И каким чудом Ричард умудрился не отстать? Наездник из него весьма посредственный, на чистом упрямстве держится, вот уж чего мальчику не занимать. Путь, который обычно отнимал почти две недели, они преодолели куда быстрее, едва ли он завтра вообще сможет подняться. Что ж, Вальд предлагал слуге остаться на постоялом дворе...

Наконец надвинулась подсвеченная факелами городская стена, вытянулись во фронт часовые. Можно расспросить этих, но Вальд предпочитал получать информацию из первых рук. Нужно скорее добраться до замка и найти Реату. А лучше сразу направиться к регенту.

Мост опущен, значит, все-таки не война. Что ж, и на том спасибо.

Город встретил тяжелой тишиной и усиленными постами стражи, кое-где даже мелькала черно-серебряная форма гвардейцев. Звонко ударили о брусчатку главной улицы подковы, разбили это гнетущее онемение. Еще быстрее... Ну же, еще немного! Венге выдержит, она никогда не подводила. Винтовая резьба дороги, ведущая на вершину холма, к воротам неприступного замка... И здесь на деревянных створках, окованных металлом, полоскались флаги. Снова белое... Ненавистный цвет! От него пахнет кровью, лазаретными бинтами и той жуткой зимой, которая едва не погубила их всех в четыреста одиннадцатом.

Вальда не останавливали: узнавали и, отсалютовав, отступали в сторону. У конюшни он бросил поводья подскочившему конюху и, крикнув Ричарду короткое «свободен», двинулся к центральному входу. Ладно, с сестрой он поговорит завтра, а сейчас необходимо предстать перед его светлостью графом Ивьеном. Несмотря на то, что время давно перевалило за полночь, Гарта не сомневался, что регента он найдет в кабинете.

Не ошибся. Стоило ударить дверным кольцом по медной пластине, как внутри загрохотал тяжелый засов. Личный секретарь его светлости с поклоном отступил вглубь приемной. Вальд мельком удивился тому, что секретарь у Сэйграна прежний. Долго он держится, почти полгода. Обычно регент менял их куда чаще. Вообще, вся прислуга, приближенная к нему, как правило, или успевала сбежать, или заканчивала в тюремных подвалах... Вальд ответил холодным кивком, к молодому человеку он испытывал некоторую долю неприязни: Адалан Этер был младшим сыном мелкого провинциального землевладельца и титула, конечно, не наследовал, вот и пробивался в столичную жизнь самостоятельно. Трое его братьев служили в эверранской гвардии, а этот стал бумажной крысой, предпочтя пачкать руки не кровью, а чернилами.

Этер снова поклонился, отчего вихры невнятно-мышинного цвета упали на глаза, и запахнул дверь, пропуская Гарту вперед. Вальд едва удержался от того, чтобы зажмуриться: после ночных улиц и полутемных коридоров освещение показалось нестерпимо ярким. Светильников здесь всегда горело больше, чем в парадном зале. Его светлость граф Ивьен поднял голову от лежащих на столе бумаг, взгляд льдисто-голубых глаз скользнул, казалось, прямо под кожу.

В грудь привычно толкнула ненависть – застарелая, выдержанная, будто дорогое вино... Опостылевшая и бессмысленная. Гарта давно оставил мысли о том, как однажды собственноручно избавит Эверран от Сэйграна Ивьена. С ним бесполезно бороться, он как та жуткая, тра-

урно-белая зима – оставляет за собой тысячи трупов, вырезает целые города... Можно ненавидеть, можно презирать, но в этом нет смысла. Его нельзя остановить. А можно только выстоять самому, спасти хоть тех, кого можешь, не опускать головы и ждать, ждать... Пока закончится. Пережили ведь они Траурную зиму? Вот и правлению Сэйграна скоро придет конец, осталось каких-то полгода!

И только один вопрос не давал покоя эверранскому графу: станет ли лучше? Когда на престол вместо жестокого и умного Сэйграна взойдет Лиар Альвир, станет ли?.. Сын Эверранского Волка – великолепный боец, хороший командир, прирожденный тактик... Гарта дорого бы дал, чтобы иметь в своем отряде хоть одного такого. И это, не говоря уже о личной привязанности и благодарности, которые Вальд испытывал к принцу. Вот только представить Лиара Нейда королем Эверрана у него упорно не получалось. Как многие по-настоящему сильные физически люди принц был человеком невероятно добродушным, даже мягким. Хотя в некоторых вопросах он приобретал поистине пугающее сходство с альдорской осадной башней – сооружением мощным, но напрочь лишенным какой-либо маневренности...

Впрочем, как бы там ни было, а одно Вальд знал наверняка: он, граф Гарта, до конца будет верен. Не Лиару Альвиру и, тем более, не Сэйграну – присяге. А что он при этом думает... какое это имеет значение?

Он привычно перешагнул через свое отвращение и поклонился сидящему за столом человеку. Впрочем, человеку ли? Если регент когда-то и являлся таковым, то это было давно. До Холмов, до Агальта... Когда по слову этого выродка два города были сожжены дотла вместе со всеми жителями. Там никого не щадили, там жгли даже скот!.. Словно города были чумными... Из-за горстки заговорщиков, недовольных сменой власти, там были убиты тысячи невинных! Тысячи... А граф Ивьен стоял и смотрел на это. Вальд тоже смотрел. И ничего, совсем ничего не мог сделать...

– Ваша светлость!..

– Здравствуйте, граф. Рад, что вы вернулись. – Никакой радости на лице регента, конечно, не отразилось, впрочем, как и каких-либо других чувств. Острые на язык придворные поговаривали, что конец времен начнется не с сошествия богов, как утверждают святые книги, и не с возвращения последнего Феникса, как предрекал Отступник. Он наступит тогда, когда *улыбнется* эверранский регент. Вальду эта идея нравилась, ведь кто знает, когда то сошествие грянет? Может, уже завтра! А если правы эверранские придворные, то миру ничего не грозит – Сэйгран не улыбался никогда.

– Этер, принесите нам твеля, – это уже секретарю. Плохо, если хочет остаться наедине, значит, разговор будет неприятный. Впрочем, приятных разговоров с эверранским регентом не бывает.

Небо, да что же случилось за те несколько недель, что командир замковой охраны, Вальд Гарта, пробыл в отъезде?

– Убит наш гость, посол Диона, и двое гвардейцев, что его сопровождали.

Единственное качество, которое нравилось Гарте в этом человеке, – умение сразу переходить к делу.

Вот как, посланник Диона убит в эверранском замке? Проклятье!.. Плохо, хуже не придумаешь... Подобные инциденты нередко дают повод к войне.

– Могу я узнать подробности?

Короткий кивок.

– Покои господина посла подожгли. Все, кто находился в помещении, погибли, их тела в данный момент везут в Дион. Граница перекрыта, но войны нам пока не объявили. Убийца не найден.

Что за демон? Кто-то вот так запросто приходит сюда и устраивает поджог?! Чушь! Вальд сам выбирал места для дежурных постов, пройти мимо них незамеченным невозможно. И почему не подняли тревогу?!

– Другие жертвы были? – выдохнул он, очень боясь услышать ответ. Небо, пока он решал проблемы графства, его люди защищали замок. И если они не выполнили свой долг, значит...

– Да. Одиннадцать гвардейцев, которые несли дежурство у западной калитки и на этаже. А также виконт Риам, исполнявший обязанности командира охраны в ваше отсутствие.

Грудь сдавило так, что не вздохнуть, ладони безвольно упали на колени. Они были здесь, они выполняли свой долг, пока могли, а он... Его с ними не было.

– Боги, если б я только... – он не хотел ничего говорить, это было глупо и неуместно. Слова сорвались с губ помимо воли. Но регент ответил...

– Если б вы были здесь? Сомневаюсь, что это могло что-то изменить, граф. Разве что вместо тела господина Риамы мы получили бы ваше. Гвардейцы не удержали бы убийцу ни под вашим командованием, ни под чьим-то еще, вы скоро поймете, почему.

От злости потемнело в глазах. Конечно, для Сэйграна нет разницы! Ему что один покойник, что другой... Количество трупов он привык исчислять сотнями тысяч. Ему неоткуда знать, как улыбалась хорошенькая рыжая Лина, когда Риам таскал ей букеты полевых цветов, какими глазами смотрел Ричард, когда виконт показывал ему, как обращаться с мечом... Демон, да при виде немолодого, но неизменно веселого виконта у всех на душе теплело! Даже строгая Анатэ смеялась его шуткам, и морщины на рано постаревшем лице слегка разглаживались... Небо... Почему же именно он?!

Хотя... А кого Вальд предпочел бы видеть на его месте?.. Себя? Асталья, Сола, Герара?..

Когда теряешь кого-то из своих, всегда больно. Тем более вот так, не на войне, где к этому готов. А Риам был почти другом. И ведь есть еще и одиннадцать гвардейцев. И посол, смерть которого грозит Эверрану разрывом торговых соглашений, и это в самом лучшем случае. Демон, да как же это все?!..

В кабинет бесшумно вошел секретарь, поставил поднос и снова исчез из поля зрения. Запах жареных корней твеля слегка прояснил рассудок. Надо же, а ведь дорога вымотала Вальда куда сильнее, чем ему казалось. Он отхлебнул немного бодрящего напитка, отчетливая горчинка пробивалась даже сквозь мед и привкус молока. И как сам регент может пить его чистым?..

Сэйгран некоторое время сидел молча, потом отодвинул со лба каштановые пряди, в которых отчетливо виднелась одна-единственная седая полоска. Поднялся, кивком показывая Вальду, что нужно идти за ним.

И снова полутемные коридоры, напряженные лица гвардейцев, лестницы... Наконец тонкая, неестественно прямая фигура регента замерла перед дверью в северное крыло второго этажа. Здесь несли службу четверо часовых.

– Пропустите графа, – громко приказал Сэйгран. Надо же, то есть ребята могли не пропустить собственного командира?.. Что же там такого за этой треклятой дверью?

Звякнули скидываемые с крючков цепи, Гарта проследовал за регентом, который успел взять у охраны факел. Здесь было холодно, не спасала даже дорожная куртка, которую граф так и не снял, похоже, давно не протапливали. Вальд ходил по этому коридору тысячи раз, а сейчас едва узнавал его: здесь всегда было светло илюдно, а теперь весь коридор оказался полностью перекрыт...

– Официально после пожара здесь стало небезопасно находиться из-за возможного обрушения колонн, – равнодушно прокомментировал Ив'ен, останавливаясь у нужных комнат, где обычно располагались почетные гости. – Имейте в виду, граф, я счел нужным поставить в известность вас... Но никто больше не должен узнать о том, что вы увидите. Это ясно?

Гарта молча поклонился, демонстрируя, что приказ ему понятен. Регент сделал шаг в сторону и протянул ему ключ и факел. Сам заходить не стал, оставшись стоять в коридоре. Отгоняя от себя неприятные предчувствия, Вальд отпер дверь и шагнул внутрь, а как только сумел в неверном свете пламени хоть что-то разглядеть, невольно отпрянул. Граф уже видел подобное...

Возле дверей, там, где он стоял, на стенах сохранились куски обивки, сама дверь тоже не пострадала ни изнутри, ни снаружи. И все. Больше в просторной комнате ничего не было.

Только оплавленные, спекшиеся камни.

Вальд Гарта неоднократно видел последствия самых разных пожаров, вот только они всегда оставляли за собой обгорелое дерево, человеческие тела, оконные рамы, в конце концов! Проклятье, да никакое пламя не в состоянии плавить камень!.. Обычное пламя, во всяком случае.

Выругался враз перехваченным горлом, прошелся по комнате, заглянул в соседнюю. Все то же. Искать тут нечего, тот, кто это сделал, следов не оставлял... Вот почему убийцу не схватили в набитом гвардейцами замке Эверры, вот с чем столкнулись ребята...

Риам, прости, прости, пожалуйста!.. Я должен был встретиться с ним, не ты...

Бесшумно подошел Сэйгран.

– Полагаю, вы увидели достаточно?

– Да, господин. Я... – голос позорно сорвался на какой-то невразумительный сип. Гарта откашлялся. – Вы полагаете, это сделал Эйверик Аритен?

Глупый вопрос, лишний. Что-то сегодня Вальд паршиво владеет собой. Не стоило заявляться к регенту после многочасовой скачки, усталость развязывает язык. Чтобы ни ответил Сэйгран Ивьен, правда была ясна.

Подобную картину Вальд видел только в тронном зале Аритенов, ныне наглухо заколоченном. Именно там последний из рода Фениксов заживо сжег несколько десятков лучших солдат Иргана Альвира. Гарта бывал там однажды. Там стены и пол гладкие, будто стекло... Потому что камни оплавливались, вскипал металл... Как здесь.

– Нет, граф, – безучастно откликнулся регент. – Эйверика Феникса я полагаю мертвым. Подобное, насколько мне известно, мог совершить любой сильный маг. Однако многие могут разделить вашу точку зрения, а это, как вы понимаете, недопустимо.

Еще бы... Каким чудом мы еще держимся у власти – одним богам ведомо! А если пойдет слух, что Феникс жив и вернулся... Нет, такого ты, конечно, не допустишь!

– Господин, вы сказали, что тело посла доставят в Дион... – Гарта замолчал, наткнувшись на взгляд голубых глаз Ивьена. Отчего-то, когда Вальд в них смотрел, ему всегда мерещился холодный металлический отблеск змеиной чешуи.

– Поверьте, граф, вам не обязательно знать, где я взял подходящие трупы.

– Да, ваша светлость. Приказ молчать о том, что я увидел, относится и к его высочеству? Принцу я тоже не должен говорить?

Демон, а ведь Лиар спросит! Он всегда обо всем спрашивает и не имеет привычки успокаиваться, пока не получит ответа...

– Особенно принцу. Идемте, граф, здесь нечего делать. Вероятно, сегодня вам лучше отдохнуть. Завтра я жду вас. Необходимо внести некоторые изменения в схему обороны замка.

Необходимо... О да, несомненно. Только что, что, раздери их демоны, они смогут противопоставить такой силе?! Схемы, планы... Неужели пророчество Отступника, сделанное задолго до падения дома Аритенов, было верным?.. Если колдун такой силы пришел, чтобы отомстить, кто уцелеет на пепелище?

– Как вам угодно.

Есть у них шансы или нет, а защищать замок Эверры он будет до конца. Так не сидеть же сложа руки, не ждать, пока обезумевший маг снова явится за чьей-то жизнью... Они сделают все, что можно, а дальше – как сложится.

По дороге в свои комнаты Гарта все-таки перекинулся парой слов с часовыми. От них и узнал, что сопровождать тела погибших гостей в Дион была направлена Реата. Бесы! Неужели мало было гибели его людей, неужели теперь еще и это?

Вальд бессильно стискивал зубы, от ненависти и тревоги темнело в глазах. А может, это просто усталость?.. Но почему именно она? Сэйгран не мог отослать в оцетинившийся Дион кого-то другого? Чушь! Да, Реата Гарта, сестра Вальда и с некоторых пор родственница Лиара Альвира, хорошо справлялась с посольскими миссиями, но сейчас дело обстояло несколько иначе. Интересно, Рита вообще знает правду о гибели посла? Сомнительно... Скорее всего, ее в курс дела не вводили. А если Севель или кто-то еще поймет, что тела не настоящие? Или просто решит расплатиться за смерть дионского маркиза убийством эверранской графини? Проклятье! Если сестра не вернется, то...

Так, не смей! Хватит. Нельзя позволять себе об этом думать – утром навалятся дела, требующие от графа спокойствия и сосредоточенности. Значит, о Реате думать нельзя вовсе. Он не деревенская баба, чтобы причитать, он – хозяин гартарского графства и командир замковой охраны. И все-таки, почему Рита?..

В спальне, какого-то беса, обнаружился Ричард. Принес воду и расправил кровать. Как будто Вальд сам бы с этим не справился. На столе уже стояла тарелка с сыром и какой-то выпечкой. Есть не хотелось, кого-то видеть – тем более. Слуга обернулся на звук открываемой двери, глаза у мальчика заметно покраснели, веки припухли. Ясно, значит, уже знает о Риаме и остальных.

– Я тебе сказал, свободен! Что не ясно? – с неожиданной для самого себя злостью отчеканил граф. Парень испуганно вздрогнул, на секунду Вальду показалось, что тот все-таки не удержит всхлип, но Ричард стиснул зубы и поклонился.

– Как угодно вашей светлости. – В большущих темных глазах мальчишки читались непонимание и обида, которые он старательно пытался скрыть.

Гарта смотрел на осторожно притворенную Ричардом дверь и чувствовал себя последним скотом. Вымещать свой страх, свое бессилие на тех, кто не может ответить, – до чего подлая привычка! Срываться на слугах, любовницах, лошадях... Даже если они не держат за это зла. Особенно, если не держат! Иногда Вальд замечал подобное за отцом и мысленно клялся, что никогда не позволит себе этого. Ладно, извиняться перед слугой немыслимо, но нужно будет взять его с собой на следующую тренировку, показать пару простых приемов. У Ричарда от этого глаза горят таким невероятным счастьем... Риам часто ему что-нибудь показывал.

Гарта кое-как смыл с себя дорожную грязь и рухнул на постель, подавив острое желание открыть бутылку ирейского. Если сейчас начнет пить, то уже не остановится на одной. А если б Вальд надирался каждый раз, как все катится в преисподнюю, давно бы уже в седло не смог сесть без посторонней помощи. К демонам. Все к демонам! Завтра нужно будет перепланировать посты. Может, запросить у регента для ребят щиты из аспида? Предметы из этой грязно-черной породы частично поглощали потоки магии, может, и получится отбиться? Хотя, если речь действительно идет о Фениксе...

Чем больше Гарта об этом думал, тем меньше понимал. Для чего наследник Аритенов явился в Эверру, почему открыто не заявил о себе? Если хотел отомстить, то почему убил дионца, а не регента, не кого-то из кровных родственников Иргана?! Почему именно дионец?..

Ладно же. Размышлять, строить предположения... Пусть этим занимается Сэйгран! А у гартарского графа обязанности другие – защищать замок. Хоть от Феникса, хоть от кого еще. Об этом и надо думать. И ведь справился как-то Эверранский Волк с Сивером Аритеном! Без всякой магии. Если придется, сумеет и Вальд. Должен суметь!

Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Орбес

Лиар еще толком не проснулся, пребывал где-то между сном и явью. И с удовольствием провел бы так еще пару часов, потому что толком выспаться не довелось: его сомнительный спутник всю ночь заходилась кашлем, вертелся, вскидывался. То ли пытался найти хоть сколь-нибудь удобное положение, в котором не будут болеть многочисленные ушибы и ссадины, то ли опять кошмары снились... Сам Рик при этом не просыпался, а потому страдал в большей степени эверранский принц. Да, он с удовольствием подремал бы еще, только вышло все иначе.

Альвир не услышал ни звука, не почувствовал прикосновения, но отчетливо осознал, что с пояса только что забрали кинжал. Чисто сработано, даже обоймица не звякнула! Только Рик все равно просчитался. Забери он кошель или еще что-нибудь, Лиар мог и не заметить, но вот оружие он чувствовал всегда, любое оружие. Спящий, пьяный – без разницы. Будь то кинжал на поясе, меч в своих руках или даже в руках противника... Оттого и не провести было эверранского принца обманными выпадами – в бою он всегда предугадывал движение чужого клинка за пару вдохов. В этом вопросе чутье принца работало безотказно. Жаль, в других подкачало – от Рика он подвоха почему-то не ждал. Выходит, зря.

Лиар не дернулся, не подал виду, что проснулся. Замер, ожидая, когда рука с кинжалом окажется у его горла. Он не был в опасности: с оружием или без, тщедушного каторжанина он убить сможет. Какие у мальчишки шансы против одного из лучших мечников Эверрана? Вот только делать этого он отчаянно не хотел... Не хотел, а теперь придется. Отчего-то было до беса обидно, что Сэйгран в очередной раз оказался прав: доверять никому нельзя. Он всегда прав, есть у дяди такая неприятная особенность. У него все особенности неприятные...

И почему мальчишка выбрал кинжал?.. Отравил бы по-тихому этой своей хольтой, и дело с концом! А он прирезать собрался... И чего медлит? Примеривается, решается?..

Прошло не меньше минуты, но преступник не напал. Затем откуда-то справа послышались его сдавленная ругань и какая-то возня. Альвир плюнул на свою маскировку и огляделся. Одно стало понятно сразу же: резать его не собирались. Рик крутился у не разгоревшегося толком костра, безуспешно пытаясь распилить лиаровским кинжалом внушительной толщины ветку. Занятие само по себе бестолковое до крайности, а уж при таком-то исполнении... Еще немного, и кое-кто останется без пальцев, а сам Лиар Нейд – без проводника.

– Это ты мне сейчас наглядно демонстрируешь, как жилы зубочисткой расковыривать? – едко осведомился принц. Демоны бы драли такие вот подъемы, он же себе невесть чего представить успел!

– А? – мальчишка развернулся на голос, неловко взмахнув клинком. Фениксовы перья, он хоть сам догадывается, что сейчас едва не полоснул себе по кисти?..

– Кинжал положи, дурень! Заточку испортишь!.. – не дождавшись реакции, Лиар подошел ближе и, перехватив тонкое запястье, легонько сдавил. Подобрал оружие, выпавшее из разжавшихся пальцев каторжанина, вернул в ножны. Потом, подумав, переломил многострадальную ветку о колено. И чего было с ней столько возиться?..

– Эй, а чего сразу руки-то распускать?! – возмутился мальчишка.

– А нечего без спросу чужие вещи хватать. Мог бы спросить! – буркнул Альвир.

Собеседник пожал плечами и слегка поморщился. Наверно, надо будет еще раз посмотреть его спину.

– Извини, привычка, – расслышать в его тоне хотя бы тень раскаяния при всем желании было невозможно.

– Завязывай с этим! Я не хочу ходить и гадать, в какой момент ты срежешь у меня с пояса кошелек!

Сердитый взгляд Альвира в очередной раз разбился о невозмутимую ухмылку.

– Ну, вот опять! – фыркнул парень. – Зачем мне твой кошелек? Что я в Орбесе куплю на эверранское золото?

– В Орбесе не знаю, но когда мы перейдем границу...

– Вот когда перейдем, тогда и срежу, – жизнерадостно подытожил Рик. – А пока сам свой кошелек таскай, он, небось, тяжелый!

Начавший закипать Альвир хотел было ответить. На языке крутилось множество недостоинных дворянина выражений, некогда слышанных им в казармах. Одно цветистее другого... Но плюнул и пошел к ручью умываться. Ну его, от греха подальше... Пока не пришиб к бесовой бабушке!

Вчера, когда обрабатывал отметины на худых плечах беглеца, аж в глазах темнело от бешенства. Особенно, когда смотрел на те, старые, которым, по словам Рика, уже три года. Он и сейчас совсем мальчишка, а сколько ему было тогда?! Двенадцать? Тринадцать? Принц смотрел на застарелые рубцы, которые вряд ли когда-нибудь сгладятся, стискивал зубы и задавался вопросом, какой же надо быть сволочью, чтобы сотворить подобное с тринадцатилетним мальчиком, в чем бы тот ни был виноват?

Сейчас Лиара интересовал еще один вопрос... Да как это недоразумение вообще еще никто не прикончил?! При таком-то сочетании острого ума с длинным языком и полным отсутствием инстинкта самосохранения... Невероятно!

Солнце едва поднялось, роса не высохла. Из-под ног в разные стороны расползались крохотные зеленоватые змейки, наверно, где-то рядом у них было гнездо. И правда, не наступить бы... К резкому аромату сныти и аира потихоньку примешивался запах дыма. И чего ради Рик вообще приспичило жечь костер?.. Прохладно, конечно, но скоро должно разгуляться, судя по чистому небу. Да и ветра здесь, на дне Разлома, куда меньше, чем наверху. К слову, не так это и хорошо: там мошкару и прочую летающую дрянь хоть ветром сносит, а здесь от нее особо не спрячешься. Ладно, не привыкать, доводилось бывать и в худших условиях.

Спросонок чуть не зачерпнул воды ниже по течению, в последний момент спохватился, вспомнил о предупреждении каторжанина. Любопытно все-таки, откуда Рик столько знает о растениях? И ведь не только о них, парень вообще на удивление неплохо образован... Из бывших аристократов? Ох, не похоже!.. Ладно, узнать о нем больше еще успеется, им теперь недели две бок о бок тащиться.

Принц подумал об этом и сам удивился: отчего-то досады по этому поводу он не испытывал. И вообще, удивительное дело... Здесь ходить спокойно нельзя из-за ядовитых змей, водой того и гляди отравишься, наверху все кишит «лошадниками», а в довершение совсем рядом жжет костер беглый преступник. Но ему, Альвиру, спокойно, как никогда. Змеи, ядовитые растения – что это в сравнении с эверранским двором?

Он ополоснул лицо, покосился осуждающе на свою помятую физиономию с наметившейся за последние сутки щетиной.

Да, ваше высочество... А еще будущий король!..

Впрочем, бес с ним. Он не бегал от своих обязанностей в Эверре, но раз уж довелось оказаться здесь, то почему бы не насладиться этим странным и неуместным чувством легкости? Как будто свинцовые утяжелители снял после тренировки...

Когда вернулся, Рик просушивал у костра отяжелевший от росы плащ. Альвир остановился поодаль и принялся рассматривать нового знакомого. Отчего-то почудилось, будто до вчерашнего дня они уже где-то встречались. Хотя сомнительно: все же такого человека, как Рик, он вряд ли сумел забыть... Наверно, просто похож на кого-нибудь, внешность у парня вполне обычная для центральной части континента. Давно, еще до того, как Эверран появился на картах, сюда пришли гальданы – народ, живший у западного побережья. То ли вытеснили их оттуда, то ли условия жизни изменились из-за каких-то погодных неурядиц. За девять с лиш-

ним веков немногочисленный народ полностью растворился, смешался с местными, но гальданская кровь то здесь, то там проявляется в чьей-нибудь внешности по сей день. У эверранцев, альдорцев, адельцев, порой даже у эльверго. Вот и у Рика она была заметна: неожиданно густые, темные ресницы и брови при достаточно светлых глазах и русом цвете волос. Красивое сочетание. Вернее, у нормальных людей оно было бы красивым, но у Рика это смотрелось так же, как и все остальное, – не пойми как. Он весь был какой-то нескладный, даже забавный. А уж для того, чтобы настолько несуразно смотреться в добротной, дорогой одежде, отданной ему Нейдом, нужно иметь особый талант... Ну, он же не придворная дама, ему до этого вряд ли есть дело.

И все-таки, на кого-то парень неуловимо похож, вспомнить бы. А, впрочем, ладно, какая разница?

– И кстати, пилить дрова кинжалом – идиотизм, – заметил принц, подходя ближе.

– Я же не виноват, что у тебя топора или хотя бы ножа с собой нет! Кто вообще без ножа в поход идет?.. – развел руками мальчишка.

– А я не предполагал, что у меня будет возможность охотиться и жечь костры. И вообще, кто бы говорил! У самого-то и кресала при себе не было.

– У меня и выбора не было.

– Думаешь, у меня был? – примирительно вздохнул Альвир и полез в сумку. Пора уже позавтракать и идти дальше.

– Что, настолько спешишь, без тебя в столице не обойдутся? Не мог через Дион? Всего-то в пару недель разница... – на лице собеседника появилось любопытство.

– А беса лысого через него теперь пройдешь, – помрачнел Лиар. – Границу перекрыли.

Рик удивленно присвистнул.

– Кажется, я что-то пропустил! И давно?

– Два дня назад. Сам ничего толком не знаю. Вот, пришлось рискнуть и сунуться сюда.

– Тогда понятно, – кивнул парень. – А то из-за пары недель лезть в Орбес с такой-то подготовкой... Я думал, ты совсем дурной.

Спасибо за откровенность, чего уж.

Рик поворошил угли и принялся выгребать из кострища какие-то почерневшие корешки.

– Угощайся!

Альвир с подозрением посмотрел на дымящийся предмет.

– А это едят?

– Смотря какие альтернативы, – серьезно откликнулся собеседник. – Твоих запасов до границы не хватит и тебе одному. Так что предлагаю доесть хлеб, потому что он, один бес, скоро заплесневеет, и до конца Разлома обходиться тем, что найдем. Здесь хоть приготовить что-то можно, а наверху такой возможности не будет.

Что правда, то правда, больших запасов с собой принц не потащил. Он вообще брал только самое необходимое: не хотелось бегать по степи груженным, как тяжеловоз. Рассудил, что, если придется, сможет несколько дней обойтись и вовсе без еды. Альвир действительно мог, крепкое, здоровое тело позволяло. А вот Рик определенно не выдержит, его и так ветром сносит...

– Идет, – он потянулся к сомнительному лакомству и принялся стряхивать золу.

– И не делай такое лицо, это просто луковица тюльпана, – Рик вгрызся в свою порцию на удивление белыми, ровными зубами. Правда, один из передних был заметно сколот, что несколько портило впечатление.

Лиар тоже попробовал. Вполне терпимо! Если б еще песок не скрипел на зубах, пожалуй, было бы даже вкусно.

Ладно, ничего, продержимся как-нибудь.

Принц снова перевел взгляд на своего спутника, тот, не переставая жевать, задумчиво смотрел куда-то ввысь и почему-то улыбался. Он вообще часто улыбается... С чего бы, ведь дела его не особенно радостны.

– Слушай, Рик, а чего ты довольный такой? – не удержался Альвир.

Тот удивленно захолопал глазами и честно задумался.

– Довольный? Да нет, я вроде, как всегда...

То, что Рик, которого неизвестные Лиару приятели когда-то прозвали Жаворонком, не соврал, принц вскоре убедился. Преступник действительно всегда был таким. Когда он не кривился от боли и не строил ехидную мину, на его лице неизменно появлялась улыбка. Легкая, едва заметная, но на диво заразительная.

Он был таким и когда через пару дней совместного путешествия умудрился сверзиться в овраг с крапивой и какими-то колючками, и когда им целый день пришлось обходиться без воды. Даже, когда выбравшись из Разлома Проклятых, они угодили под внезапно начавшийся град...

Враз отяжелевшее небо сыпало льдинками – крупными, с горошину каждая. Несмотря на то, что время только перевалило за полдень, темень стояла вечерняя. Пришлось остановиться и наспех соорудить подобие палатки из многострадального плаща и связанного в пучки сухостоя. А что делать, здесь даже колышки нарезать было не из чего – уже несколько дней путников окружало бесконечное поле. Похолодало мгновенно и беспощадно, их сомнительное укрытие продувалось разбушевавшимся ветром и, того и гляди, собиралось рухнуть. Язычок пламени в походном фонаре сильно подрагивал, света от него было мало, тепла не было вовсе. Чтобы совсем не заоченеть, пили вино. Ну, то есть как – вино? Вообще-то оно почти закончилось, так что в кубок наливали воду, добавляли несколько капель красного, а после этого напиток условно признавался вином и соответственно должен был согревать. Для усиления эффекта в кубок еще опускали нагретый над свечой кинжал, тогда «вино» начинало считаться еще и теплым.

Толку во всем этом, конечно, не было никакого. Зато процесс здорово помогал отвлечься от продирающего до костей холода. В тусклом освещении можно было разглядеть легкую улыбку на губах Жаворонка, который вдохновенно травил байки из своего сомнительного прошлого. То есть собственное участие в описываемых авантюрах он категорически отрицал, но Альвир все-таки идиотом не был. Вообще-то, подобные истории не должны веселить наследника эверранского престола, но Лиар ничего не мог с собой поделаться и трясся от плохо скрываемого смеха. Сомнительная конструкция над головой тоже тряслась: не то от бивших по ней градин, не то из чувства солидарности. Небо оставалось насыщенно серым, просветов пока не намечалось. Где-то поблизости, наверное, разбивали шатры орбесские дозорные... А на душе – и какого, спрашивается, демона? – было легко и спокойно.

Реата Гарта, графиня Альен. Северо-восточная граница Эверрана

Погода в месяц желтых цветов всегда переменчива, и чем ближе к предгорьям, тем более удивительны ее причуды. Пару дней назад был град, сегодня какой-то совсем ненормальный зной... Реата еще раз оглядела небольшую поляну, с трех сторон обрамленную деревьями. Да, меньше всего она ждала, что увидит это место вновь настолько быстро. Покидая Эверру, госпожа Гарта отлично понимала, что теплой встречи его величество Севель не окажет – дионец имел полное право гневаться. Инцидент с убитым маркизом Аварром грозил Эверрану определенными неудобствами. Но серьезных осложнений Рита не ждала: дионский король был, по ее мнению, слишком умен для этого. Слишком умен и слишком зависим от Эверрана. Да, этот конфликт не выгоден Сэйграну, но Севелю он нужен и того меньше. А потому графиня была уверена, что перекрытая граница и отказ от торговых соглашений – это не что иное, как попытка взвинтить цену. Увеличить сумму компенсации, иначе говоря. Выходит, ошибалась?..

На дионскую территорию ее попросту не пропустили, в аудиенции эверранскому посланнику Севель отказал. Их встретили на узкой полоске нейтральной земли: небольшая делегация в траурных накидках поверх сине-бордовой форменной одежды. Рита смотрела, как гвардейцы с вежливо-скорбными лицами переносят гробы в повозку с гербом Севеля, и остро чувствовала собственную беспомощность. Безупречно выверенные, продуманные до мельчайших деталей слова оказались бесполезны... От лица дионского правителя с ней говорил барон Тейgrim, которого госпожа Гарта никогда прежде не видела. Невысокий молодой мужчина с широким шрамом на подбородке был безукоризненно вежлив и отвратительно холоден. Он говорил, что его государь сейчас убит горем. Что решение о возобновлении союзнических отношений между их государствами будет принято позднее. Что потеря маркиза Аварра – страшная утрата для них всех. Он много чего говорил, но слова были не так уж важны – отказ в аудиенции, как и тот факт, что эверранскую графиню встречает человек, обладающий баронским титулом, означал куда больше.

Гарта поморщилась, вспоминая неприятный разговор, окинула взглядом лагерь: сопровождавшие ее гвардейцы уже ставили шатры и собирали мебель, у костра солнечным зайчиком крутилась Лина. Реата всегда поражалась, с какой легкостью девушка ворочает большие пузатые котлы. Впрочем, долго этим заниматься служанке никогда не приходилось: кто-нибудь из мужчин обязательно предложит ей помощь, тогда Лина смущенно улыбнется и не станет возражать.

– Я немного пройдуся, – предупредила графиня, окликнув служанку. – Не ищите, через пару часов вернусь.

Развернулась и зашагала в сторону леса, нужно было еще раз все обдумать.

История с убийством Аварра еще грязней, чем кажется, в этом Гарта не сомневалась с самого начала. И, как бы она ни ломала голову, мозаика не складывалась. Что-то она упускает... До чего же сомнительно все выглядит! Замок Эверры – не придорожный кабак, куда может ввалиться всякий желающий и устроить там демон знает что. Попыток добраться до регента или принца хватало, особенно поначалу. Но, проклятье, часовые там поставлены не для красоты! Гвардейцы Вальда знают свое дело, а потому ни одно нападение не было успешным! А тут вдруг поджог... Рита видела тела дионцев: чтобы те так обгорели, какой же силы должен быть пожар?.. Выходит, нападавший использовал масло или огненную воду, очень много огненной воды. Одному человеку на себе столько не пронести. Значит, убийц было несколько, они были нагружены. Как же они прошли незамеченными? Да, часовые на этаже убиты, но

тревогу они должны были поднять! И почему убийц не увидели со стен?.. Все демоны преисподней, это даже звучит глупо!..

Впрочем, Реата еще готова была допустить, что кто-то сумел проникнуть в эверранскую крепость без ведома людей Вальда, а вот в неведение регента поверить было куда сложнее. Сэйгран Ивьен всегда контролировал даже то, что другие считали случайностями, неподвластными человеческой воле!..

Поначалу графиня предположила, что этот проклятый поджог – одна из его интриг. Прочитать все нюансы Гарта бы не взялась – замыслы регента всегда были многоуровневыми, имели второе дно и преследовали сразу несколько целей. Не Рите с ним тягаться... Но можно предположить, что граф Ивьен все-таки решил расчистить себе дорогу к престолу.

А что? Лиар Альвир, находящийся в это время в Айхане, окажется почти отрезан от столицы и вполне может погибнуть по пути домой. Учитывая, сколько развелось на дорогах лихих людей, – весьма вероятно, особенно если Ивьен тому поспособствует. Сам он при таком раскладе останется вне любых подозрений.

Гартарская графиня, пожалуй, признала бы такой вариант наиболее возможным, если бы не одно «но». Если бы его светлость приказал сопровождать тело посла Анхейру, Орган или Эйлен Альвир, он мог рассчитывать избавиться от них руками Диона. Но регент отправил ее, Реату Гарта, вот уж кто точно не представлял для графа никакой угрозы! Реата и Вальд вообще не являлись кровными родственниками Альвиров, к королевской семье они имели весьма косвенное отношение: их отец, будучи вдовцом, женился на Орган Альвир – родной сестре Эверранского Волка. Нет, если умрет Лиар, на престол в первую очередь будут претендовать Эйлен Альвир, младшая сестра Лиара, и Анхейр Гарта. Далее, вероятно, сама Орган.

Сэйгран Ивьен же приходился покойному королю Иргану лишь троюродным братом, так что, пожелай он оставить себе корону, избавляться ему придется, по крайней мере, от четверых...

Нет, кажется, регент посла не убивал. Тогда кто? Кому нужно ссорить Эверран с Дионом, графиня не понимала, но была уверена, что целью поджога был именно конфликт с Севелем. Потому что, имей кто-то счеты к самому Аварру, прикончил бы маркиза еще по пути в Эверру – это куда проще. А убили дионца именно в крепости, когда его ножны были опечатаны сургучной пломбой с оттиснутой на ней волчьей головой. Когда он был их гостем и находился под защитой эверранской короны. Так что Аварру просто не посчастливилось стать разменной монетой, сам он вряд ли интересовал убийц. Но, все демоны преисподней, кому это понадобилось?!

Графиня стиснула ладонями виски, от подобных раздумий быстро начинала болеть голова. Слишком сложно, слишком грязно... Остановилась и, прислонившись спиной к дереву, глубоко вдохнула лесной воздух, пропитанный ароматом прелых листьев и мокрой древесной коры. Скоро она вернется в столицу, там и это удовольствие станет редкостью...

Говорят, что при Фениксах королевский двор не напоминал гнездо ядовитых гадюк. Тихо, конечно, говорят, шепотом: для высшей знати такие разговоры не предназначены... Но для того, чтобы жить в эверранском замке и совсем уж не быть в курсе местных сплетен или не оказаться втянутым хотя бы в одну, самую заваливающую интригу, нужно быть... нет, не полным дурнем, – принцем Лиаром тут нужно быть. Вот уж чья неисчерпаемая наивность вызывала у Реаты то ужас, то смесь восхищения с откровенной завистью. Жить со змеями и думать при этом, что имеешь дело с людьми... Что ж, наверное, в неведении есть своя прелесть.

Только Гарта, в отличие от Альвира, иллюзий не питала, а потому за сплетнями следила очень внимательно. В данном случае даже была склонна верить, что королевский двор превратился в такую выгребную яму лишь после Войны Огня. И не оттого, что она полагала Арите-нов святыми! Просто подобная грязь – вполне закономерный итог случившегося. Кто занимает сейчас все хоть сколь-нибудь значимые посты, имеет чины и титулы?.. Предатели, присягавшие

Сиверу Аритену и сговорившиеся за его спиной с Эверранским Волком. Труссы, воевавшие за Фениксов, но, поняв, чем кончится дело, переметнувшись к черно-серебряным. Или совсем уж гнилой народ – падальщики, которым вообще плевать, кто у власти. Те, кто вовсе не воевал, сидел тихо... А потом, когда все полетело к демонам, пользуясь общей бедой, урвали себе кусок пожирнее. Последнюю категорию Гарта особенно люто ненавидела. Первые годы после Войны Огня были страшным временем, многие тогда еще не смирились с падением Феникса. Одно за другим вскипали восстания, кто-то стрелял с крыш, кто-то выходил на площади, размахивая янтарно-золотыми флагами. Они платили за это своими жизнями, но все равно шли!.. А кто-то в это время писал доносы, лебезил перед новой знатью, выслуживая себе местечко потеплее.

Хотя были, конечно, исключения: достойных людей, имеющих некоторую власть, Рита тоже знала. Только мало их было. Что ж, если когда-нибудь соотношение между людьми и падалью среди эверранской знати изменится в пользу первых, у страны будет шанс выжить. Если нет – итог может быть только один.

Она задумчиво посмотрела ввысь, туда, где сквозь резную дубовую листву проглядывало небо. А ведь темнеет, пора возвращаться. От лагеря она ушла не так далеко, но в потемках плутать между древесных корней не хотелось. Опустила взгляд и с досадой отметила, что умудрилась зазеленить подол белого платья, которое так и не успела сменить после встречи с дионцами. Жаль. Что-то подсказывало Реате, что в ближайшее время траурный наряд ей не раз еще понадобится, а интуиции графиня Альен привыкла доверять. Нужно будет сказать Лине, чтобы застирала...

Короткий шорох за спиной заставил Риту остановиться. Заросли лещины мешали что-либо рассмотреть, но эверранка не сомневалась, что между кустов мелькнула человеческая фигура.

Закричать? А стоит ли?.. Даже если ее услышат, гвардейцам все равно понадобится несколько минут, чтобы сюда добраться. Хвататься за лезвие, спрятанное в складках одежды, тоже бесполезно: толком им пользоваться Гарта так и не научилась. Она не рассчитывала на него, носила скорей ради приличия. В самом деле, кто же сейчас, вращаясь при дворе, выходит в люди без кинжала за пазухой или склянки с ядом в рукаве? Не солидно, честное слово.

Наверное, графиня все же закричала бы, но человек, больше не таясь, вышел на тропинку, выставив перед собой открытые ладони. На одной из них горел массивный перстень – гранат и синяя эмаль, Гарта не раз видела его на руке короля Севеля. Самого мужчину Реата узнала не сразу, очень уж переменялся дионский барон за те несколько часов, что они не виделись. Широкоскулое лицо со шрамом во время их утренней беседы напоминало каменную маску, теперь же от былой холодности мало что осталось. Сейчас оно выглядело доброжелательным и, пожалуй, немного виноватым. Примечательно, что при их первой встрече королевского перстня на руке барона не было. Интересно...

– Господин Тейgrim? Это так неожиданно, видеть вас здесь. Чем я обязана столь приятной встрече? – Рита не сомневалась, что несмотря на ее учтивый тон, вопрос будет истолкован верно. По какому праву Дион нарушил границу, которую сам же и объявил закрытой?

Тейgrim отвесил глубокий поклон и коснулся гербового перстня.

– Ах, госпожа графиня, я, несомненно, повинен в том, что миновал эверранские посты, – он позволил себе легкую улыбку. – Однако вы же понимаете, я лишь выполняю приказы...

Гарта молча ждала продолжения, не забывая следить за руками дионца. Если тот все же схватится за оружие, которое при нем, несомненно, есть, она поднимет тревогу. Самой графине это вряд ли поможет, но задержать барона гвардейцы успеют. Впрочем, Реата сомневалась, что Тейgrimу нужна ее жизнь.

– Знаете, обстановка здесь как-то не располагает к придворным уверткам, – барон окинул выразительным взглядом заросли лещины. – А потому, если прекрасная госпожа не станет возражать, я позволю себе нарушить все законы дипломатии и сразу перейду к делу.

Госпожа возражать не стала, хотя предпочла бы, чтобы он говорил дольше: это дало бы ей время сориентироваться.

– Я уполномочен от лица своего государя принести извинения за утреннее представление. Как и за временные неудобства, причиненные Эверрану.

Гарта не ответила, смотрела на собеседника, чуть прищурившись. Собьется или нет?

– Его величество заверяет вас, что он полностью уверен в непричастности регента Эверрана к гибели маркиза Аварра. Он крайне заинтересован в сохранении добрых отношений с его светлостью графом Ивьеном... Только вот какая сложность: семья маркиза в последнее время имеет в Дионе большую власть, его родственники требуют мести. У моего господина связаны руки, его позиции сейчас несколько шатки.

Вот как? Если на секунду допустить, что сказанное Тейгримом – правда, то подобную откровенность можно позволить себе лишь в двух случаях. Если ты полностью уверен в своем превосходстве или если ты зажат в угол, и терять уже нечего. В данном случае Гарта поставила бы на второе.

– А потому его величество надеется на понимание со стороны эверранской короны. Он же, в свою очередь, постарается уладить внутренние разногласия Диона как можно скорей.

Внутренние разногласия? Да, судя по всему, там дело идет к междоусобице! Интересно, не жалеет ли Севель, что двенадцать лет назад под шумок урвал для Диона суверенитет? Подобные проблемы – высокая цена за право называться королем. Впрочем, если бы люди всегда просчитывали наперед последствия своих поступков, мир вообще был бы лучше. Вряд ли Эверранский Волк поднял бы восстание против Феникса, если б знал, к чему приведут его амбиции...

– Что ж, я передам ваши слова его светлости, – медленно кивнула Гарта, поняв, что Тейгрим не собирается продолжать. Хм, неужели Сэйграну прежде не докладывали о трудностях Севеля? Его разведчики должны были знать о подобном! Хотя стоит признать, что Дион неплохо скрывал ситуацию... – Это все, что вы хотели мне сказать?

Собеседник на секунду задумался, смерил Риту внимательным взглядом, в его темных глазах на секунду отразилось сомнение.

– От лица дионского короля – да. А от себя лично могу только выразить надежду на скорейшее разрешение конфликта между нашими государствами. И попросить позволить мне беспрепятственно покинуть Эверран.

Кликнуть гвардейцев и арестовать барона за нарушение границы? Придумать что-то глупее было бы сложно. Правду он говорил или нет, но еще больше обострять отношения двух держав ни в коем случае нельзя. Тейгрим мог и не просить, она дала бы ему уйти в любом случае.

– Что ж, передавайте его величеству мои наилучшие пожелания.

Гарта уже сделала несколько быстрых шагов в сторону лагеря, когда дионец окликнул ее снова.

– Госпожа графиня, еще одно...

Она развернулась, вопросительно вскинув брови.

– Возможно, вам это будет интересно... Восемь дней назад в Айхане было совершено покушение на эверранского принца.

Тейгрим выдержал паузу, наблюдая за выражением лица Реаты. Оно не изменилось. Графиня давно научилась держать свои чувства при себе. Случаев поупражняться выпадало достаточно...

– Могу ли я узнать, чем это кончилось для принца? – ровным тоном осведомилась эверранка.

– Лиара Альвира на месте не оказалось. Вечером он со своим эскортом остановился на постоялом дворе близ границы. Ночью во время нападения его там уже не было, наши люди

потеряли его из виду. В любом случае, на территории Диона его высочество не появился, в Айхане, насколько мне известно, его тоже нет. Делать какие-то предположения на этот счет с моей стороны, вероятно, будет бестактным...

– А что с нападавшими?

– Нападавшими? Насколько мне известно, он был один. Сумел уйти... – с отлично поставленным сожалением в голосе откликнулся барон. – О нем мне ничего не известно. Поисками занимались несколько айханских патрулей, даже собак задействовали, но безрезультатно. Кстати, в ту же ночь сумел сбежать один из каторжников, конвоируемых в каменоломню. Возможно, эти события связаны...

Рита выждала несколько секунд, но, кажется, Тейгрим больше ничего говорить не собирался. Либо сам не знал, либо из каких-то соображений не считал нужным рассказывать. Что ж...

– Благодарю, господин барон. Уверена, регент Эверрана оценит ваш любезный жест.

На случай, если дионец за ней все-таки следит, Рита отошла почти к самому лагерю. Сюда он вряд ли рискнет сунуться. Только теперь остановилась и позволила себе опуститься прямо на ржавый пласт слежавшихся прошлогодних листьев. Разгребла небольшой участок земли и принялась веткой рисовать на нем схемы.

Значит, и на Лиара нацелились... Сбежавшего каторжанина графиня отмела сразу: сомнительно, что он может быть причастен. Даже пожелай сбежавший из-под конвоя преступник отомстить одному из ненавистных черно-серебряных, он вряд ли мог знать, на каком постоялом дворе остановился его высочество.

Нет, здесь не обезумевший на каторге разбойник, здесь кто-то другой, куда более опасный. И до чего все скверно складывается... Одно к одному! Смерть посла, возможная смута в Дионе, покушение на эверранского принца... Совпадения? Скорее всего! Но если представить, что все это детали одного замысла, становится жутко.

Прутик в руках графини вычерчивал на земле кружки и стрелки, большую часть которых она вскоре зачеркнула. Нет, регент все-таки непричастен... Несостоявшееся нападение? Абсурд! Если б Сэйгран Ивьен решил убить принца, тот был бы уже мертв. И уж наверняка Эйлен здесь ни при чем, принцессе просто не хватило бы ума. Ирейцы? Возможно, но слишком уж легко убийца Аварра ориентировался в эверранском замке. Больше похоже на кого-то из своих...

Имена зачеркивались, вписывались опять, вновь зачеркивались... А потом она нарисовала еще один кружок и подписала его «Э.А.». И многое сразу стало понятно и объяснимо...

Выругалась сквозь зубы и стерла в каком-то суеверном страхе. Нет уж, все, что угодно, лишь бы не такое объяснение! Уж лучше паутина придворных интриг, лучше грызня за трон между родней Эверранского Волка, лучше ирейские козни... Все это ерунда, мышьяная возня в сравнении с... Если Эйверик Аритен действительно жив, то все. Конец – и им, и Эверрану...

Окончательно свечерело, густые синие сумерки стирали очертания имен на земле. Со стороны лагеря показались огоньки фонарей – все-таки ищут?.. Что ж, понятно, ее ведь не было куда дольше двух часов. Поднявшись на ноги, Реата стерла подошвой башмака свои рассуждения, толку от них все равно не было. Отряхнула подол белого платья и двинулась навстречу своим гвардейцам.

Глава 3

Арко Сигвальд (баронет Орвик Анней). Эверран, Анней

В окрестности замка вернулись ближе к вечеру. Начинал накрапывать мелкий дождь, однако чувствовалось, что это ненадолго: небо едва-едва подернулось тучами, сквозь них то здесь, то там проглядывала ослепительная весенняя лазурь. Вообще, месяц выдался теплым, несмотря ни на какие приметы. Говорят, когда зацветает черемуха, стоит ждать холодов. Какое там! Весь Анней уже который день утопает в бело-розовой душистой пене, а жара как стояла, так и стоит.

Поездка в лагерь, где тренировали новобранцев для аннейского гарнизона, оставила у Арко весьма противоречивые впечатления. С одной стороны, тренируют их толково и даже выделяемых денег не разворовывают. А с другой – да сколько их, денег-то? Откуда в крохотном и не слишком удачно расположенном баронстве взяться средствами, чтобы достойно содержать такое количество солдат?! Твою светлость, отец расширил гарнизон уже до такой степени, что иным графствам не снилось! Но обеспечить ребятам хоть сколь-нибудь приличное снаряжение, нормальную еду, жалование не представлялось возможным... Проведя там несколько дней и посидев на общем пайке, Арко начал склоняться к мысли, что при таком подходе они рано или поздно получают в гарнизоне бунт... Кажется, Аамат думал примерно так же.

– Слушай, ну, доложим мы отцу... А что делать-то будем? Хоть опять налоги поднимай!.. – пробормотал брат, когда, не доезжая до замка, остановились в знакомом до последнего бревнышка трактире. Не то чтобы сильно устали, вполне можно было дотянуть до дома. Просто заходить сюда стало для близнецов чем-то вроде традиции. Пить неплохое здешнее вино и разговаривать.

Если честно, Арко боялся, что брат на этот раз не предложит сюда свернуть. Они мало общались после того случая. Оба отчаянно делали вид, что ничего не произошло, и к разговору о восстании не возвращались. Но чувствовалась теперь в их дружбе какая-то трещина. Неприятно это было, да что уж теперь? С Ааматом хоть трещина... С отцом – пропасть.

– Да ты что, куда еще поднимать? – ужаснулся Арко. – Сам же знаешь, что крестьяне и так недовольны.

Разговор велся вполголоса: помещение было почти пустым, да и стол они выбрали в самом углу, но все-таки беседа была не для посторонних. Аамат откинулся спиной на бревенчатую стену, помолчал задумчиво.

– И правда, у них тоже жизнь не мед. Но всем не угодишь! Тут или одни недовольны, или другие... – с досадой откликнулся он.

И ведь не поспоришь...

Подшел трактирщик, и пришлось прервать беседу. Аамат заказал красного, Арко соответственно белого. Предпочтения в вопросе выпивки у обоих все время менялись и почему-то никогда не совпадали.

– Значит, вам, господин Орвик, «Рубиновую лозу», а вам, господин Тэйм, «Гроздь черемухи»?

Близнецы переглянулись и кивнули. Имена мужчины, правда, назвал наоборот, но какая, в пекло, разница? Все равно не настоящие. А путали их постоянно, даже Рене Сигвальд не всегда мог сразу различить сыновей.

– По мне, так надо гарнизон уменьшать, – буркнул Арко, проводив взглядом хозяина заведения. – Не тянем мы содержание такого войска!

Собеседник помрачнел, замылся. Ясно... Отцу в ближайшее время понадобятся солдаты, но обсуждать это с Арко он запретил.

Не желая ставить брата в неприятное положение, махнул рукой и перевел разговор на доспехи. Оттуда он как-то сам собой перекинулся на недавний турнир в Коэре, а после первой кружки перешел на дочь виконта Орила, в которую Арко был влюблен еще с позапрошлых осенних празднеств.

– Вик, да чего ты жмешься? Заговорил бы с ней разок после турнира! А теперь когда еще увидите?

Заговорил... А толку?! Так и отдал виконт единственную дочь за наследника баронства, которое и на карте-то без увеличительного стекла не разглядишь!.. Да и сама она... Красивая, как вершины Небесных гор, изящная, образованная. Дался ей Орвик Анней? Ей, наверное, какого-нибудь графа ирейского хочется!

В голове шевельнулась предательская мысль: знай девушка, кем он является на самом деле, может, и не смотрела бы сквозь него... Твою светлость, а выдай он себя за принца Эйверика и выиграй войну?.. Да на весь Эверран, наверно, не нашлось бы женщины, не пожелавшей отдать ему руку и сердце! Не прятал бы глаза брат, не молчал бы отец... Проклятье!.. Может, прав был Амаг тогда, говоря о долге перед страной, перед друзьями, бившимися вместе с ним в Асавеле?..

Снова сдавило горло, показалось, что перерубленная некогда ключица начинает ныть. Одурачивший запах черемухи, ухитрившийся просочиться даже в здание трактира, вдруг перестал ощущаться. Вместо этого повеяло терпкой горечью сосен. Амаг еще что-то говорил, только голос его звучал теперь словно издали, сливался в бессмысленный шелест. Арко видел перед собой их лица, такие, какими они были в ту самую, последнюю ночь перед битвой в долине.

Когда восстание только началось, войско Рене Сигвальда насчитывало почти тысячу человек, Арко даже не со всеми успел познакомиться. Теперь их осталось меньше двух сотен... За минувшие полтора месяца они стали для него семьей. Арко помнил каждого по имени, узнавал по голосу, по звуку шагов... Алый отсвет костров выхватывал из безлунной темени их лица, добавлял меди эмблемам на одежде. Над лагерем клубился едва уловимый шелест струн, и тихий голос Таялы заставлял что-то в душе трепетать. Колдунья пела о чести и верности, которых не в силах отнять ни один враг. О победе, за которую не жалко отдать жизни...

*Кружат вороны сотнями
Над разбитой дорогой...
Что могли, у нас отняли,
Остальное – не смогут!
Не отнимешь достоинство,
Честь и право сражаться.
Тут бессильно их воинство...
Так чего нам бояться?..*

К мелодичному женскому голосу примешивались другие. Хрипло, не в лад, путаясь в словах... Только какое это вообще имело значение? Стихи, сложенные кем-то еще во время войны с Отступником, были известны всем, затерты, как старая монета. Но именно сейчас Арко Сигвальд по-настоящему начинал понимать их суть. И эти люди, каждый из тех, кто был рядом той ночью, понимали, о чем шепчут струны. Понимали, чувствовали, верили...

Небо, неужели они хотели бы, чтоб один из них спустя восемь лет обманом присвоил себе венец Фениксов?! Теперь не спросишь... Почти все участники восстания магов погибли, а тех, кто выжил, раскидало по всему континенту, и об их судьбе Арко ничего не знал.

Он заставил себя вынырнуть из воспоминаний. Надолго ли это у него получится?.. Запах вековых сосен и пение труб в последние дни так и преследовали наследника Сигвальдов. Стоило задуматься, отвлечься от повседневных проблем, и накатывало, накатывало...

Кажется, Амаат замолчал уже давно. Сидел, уставясь куда-то поверх плеча Арко, судорожно сжимал ручку глиняного кувшина. Будущий граф даже оглянулся, пытаясь понять, что примечательного брат мог там заметить. Ничего не обнаружил, конечно, и вновь посмотрел на Амаата. Что-то изменилось в его лице, губы были сомкнуты в тонкую бледную линию, отчетливой проступили скулы. Твою светлость, что это с ним?

– Тэйм? Эй, ты что?

Амаат моргнул и перевел глаза на собеседника, словно лишь теперь заметил его присутствие.

– Что?.. Нет... Все в порядке, – отрывисто бросил он и залпом допил содержимое кружки. Налил по новой, едва не опрокинув кувшин. Остекленевший взгляд бессмысленно обшаривал полупустой обеденный зал.

– Тэйм! Да демон... Что происходит?!

Вздрыгнул, подобрался. Вперился глазами в Арко, и такая вдруг в них злоба отразилась! Да что же это с ним, а?!

– Не зови меня так. Ненавижу это имя, – отдельно и внятно произнес он звенящим шепотом. – И тебя тоже ненавижу! Я Амаат Сигвальд, виконт Агнара. Ты мог вернуть мне все это! Но ты нас предал.

Арко в ужасе оглянулся назад. Слава богам, никто не обернулся: Амаат говорил тихо. Хотя чувствовалось, что вот-вот сорвется на крик. Будущий граф ничего не понимал, но разобраться можно и после! Сейчас главное, чтобы блажь, пришедшая в голову Амаату, не погубила их всех. Никогда брат не позволял себе озвучить вслух их настоящие имена, если был хотя бы малейший риск, что их могут услышать. Бесы, что же с ним такое?.. На секунду пришла в голову мысль незаметно использовать заклятие тишины, но он сразу же отверг ее: отец был бы в ярости, узнав, что Арко прибегнул к магии в присутствии посторонних.

А брат снова выпил и с грохотом опустил на стол кружку. Компания охотников в противоположном углу начала оглядываться. Проклятье... Арко опять взглянул на близнеца: твою светлость, да он же пьян! С кувшина красного?..

– Тэйм, послушай...

– Хватит! – откуда же столько злобы? Откуда?!

– Я прошу тебя, обсудим это в замке. Нужно ехать, отец нас ждет, – осторожно начал Арко. Если сейчас его отсюда не увести, последствия могут быть любыми... То, что люди видят, как один из баронских сыновей перебрал с выпивкой, – погано, но отнюдь не самое страшное. Со всеми бывает. То есть с Амаатом ни разу не бывало, но посетителям трактира об этом знать неоткуда. А вот если кто-то услышит, что он тут несет...

Арко поднялся, бросил на небеленую скатерть пару монет и, обойдя стол, стиснул запястье брата.

– Мы все обсудим, обещаю. Только не здесь, ладно? Давай, пошли отсюда...

К счастью, Амаат не сопротивлялся. Арко чувствовал, как тот напряжен – вот-вот сорвется! – но пока он молча шел к выходу, даже руку вырвать не пытался. Только надолго ли его хватит?..

Лошадей отвязал сам, слуг дожидаться не хотелось. Волшебник был уверен, что Амаат и в нынешнем состоянии удержится в седле, значит, уже через пару часов они будут в аннейской крепости, и все закончится. Брошенные братом слова жгли и разъедали что-то внутри, но сейчас было не до этого: нужно увезти его отсюда, а там пусть говорит все, что хочет!.. Хотя внезапное преображение миролюбивого, пусть и вспыльчивого Амаата пугало.

Пару аттов проехали молча, младший сын Рене Сигвальда бессмысленно смотрел вперед, пальцы, сжимавшие повод, подрагивали, скрючились, будто когти хищной птицы. На траурно-белом лице выступили крупные капли пота. Демоны!.. Вот-вот или в обморок грянется, или – того хуже! – опять чудить начнет. Эх, не ко времени дождь кончился, сейчас вода была бы кстати. Оставалось не так уж далеко, но Арко все-таки решил завернуть к колодцу, кажется, был где-то поблизости. Если Амата не привести в нормальное состояние, кто знает, что он успеет наговорить, когда покажется деревня?..

Колодец со стареньким, местами рассохшимся оголовком, в самом деле, оказался совсем рядом, ничего юноша не перепутал, хотя и не пользовался им прежде. Вообще сложно сказать, зачем его здесь вырыли: до ближайших построек довольно далеко. Арко уже свернул на едва заметную тропинку, Дан – конь брата – привычно последовал за ним. И только теперь юноша заметил, что возле колодца кто-то стоит. Твою светлость, до чего же некстати!

Арко придержал повод в замешательстве: то ли дожидаться, пока прохожий отойдет, то ли просто вернуться на дорогу. Но человек, до этого частично скрытый оголовком, слегка сместился в сторону, ставя на ровный участок полное ведро. Арко разглядел девушку лет двадцати, кажется, ее лицо было магу знакомо. Ничего удивительного: учитывая, сколько в Аннее жителей, всех их знаешь если не по именам, то, по крайней мере, в лицо. Крестьянка тоже увидела замерших поблизости всадников. На загорелом лице отразились растерянность и смущение – узнала, конечно. Поклонилась, опустив глаза. Арко обернулся к брату и заолодел. Тот уже соскочил с коня и теперь стоял, в упор глядя на девушку. И лицо у него при этом было... Демон раздери!..

Брат всегда являлся большим охотником по части женщин, Арко давно к этому привык. Вернее, те сами неизменно льнули к Амату, а он не возражал, напротив, охотно отвечал взаимностью. И, кажется, крестьянка была полностью в его вкусе: крепкая, смуглая, заплетенные в толстенную косу волосы отчетливо отливали медью. Наверное, и правда, красиво, хотя сам Арко предпочитал более утонченных женщин. Вернее, всего одну: госпожу Орил. Не было ничего удивительного в том, что крестьянка привлекла внимание виконта Агнара, но никогда – демоны, действительно никогда! – он не смотрел так на женщину. Он вообще ни на кого так не смотрел! Будто на вещь.

Арко словно приморозило. Он отупело наблюдал, как его брат подходит к испуганно замершей девушке, неторопливо, уверенно.

– Надо же, какая!.. – протянул Аमत, властно опуская ладони ей на плечи. Крестьянка шарахнулась прочь, словно прикосновение обжигало. Сделала несколько шагов назад, вжалась спиной в старые доски. Все, дальше отступать ей было некуда, и крепкие пальцы Амата сомкнулись на ворота синего платья.

– Господин, я... Что вы... – голос сорвался.

Арко сквозь накотившее оцепенение видел ее застывшее лицо с распахнутыми от ужаса темными глазами. Показалось, что она сейчас просто лишится чувств, но девушка вдруг извернулась и ударила. Неумело, беспомощно, но настолько неожиданно, что Аमत пошатнулся. Изумленно, молча провел кончиками пальцев по скуле, и лицо его потемнело от ярости.

Негромко лязгнул выхватываемый из ножен меч.

Арко слетел с коня, словно его ударом выбили из седла. В несколько мгновений он оказался между братом и его жертвой, которая, кажется, вовсе перестала дышать. Каким-то чудом получилось перехватить запястье близнеца и не остаться при этом без пальцев. Впрочем, руку Арко тот сразу же стряхнул и попробовал оттолкнуть досадное препятствие.

– Уймись! В самом деле, да какого беса с тобой творится?!

– Не лезь, – как всегда, когда Аमत приходил в бешенство, голос его стал совершенно спокойным. – Я предупредил.

В голове что-то шелкнуло, как арбалетный «орех», и волшебник понял, что тоже взбешен. Ни демона он не понимал в происходящем, но недоумение и растерянность враз отступили перед обжигающей волной гнева.

– А иначе? – через силу вытолкнул он. – Если буду лезть, что ты сделаешь? Убьешь меня? Амаг не ответил, просто выбросил вперед руку.

А ведь оружие не турнирное! Боевое и отлично отточенное. И защиты никакой: кольчуги и той не надевали... Проклятье, сам-то он это понимает?!

Арко отпрыгнул назад, тоже обнажая клинок. Прямая рукоять с обмоткой из свиной кожи привычно легла в ладонь.

Небесные горы, что ж они делают?.. Будто во сне волшебник отбил простой рубящий удар, инстинктивно нанес ответный... В самую последнюю секунду пришел ужас: а если противник не успеет парировать?! Но Амаг, конечно, успел. А дальше времени на сомнения у мага не осталось: теперь все, что он мог, – это уворачиваться от выпадов.

Твою светлость! Сколько лет подряд Арко Сигвальд, выходя на тренировку, мечтал победить этого человека! Только тогда речь шла о трех касаниях учебного клинка, а сейчас... Сейчас победа одного из них будет означать смерть второго... Чтобы взять противника живым, нужен колоссальный перевес в умениях и силе. А если такового нет, бой неизбежно заканчивается чьей-то гибелью.

Впервые в жизни в поединке с братом Арко был готов на все, чтобы не остаться победителем.

Но, демон, проигрывать он тоже не хотел! Великие боги, как же все это вообще могло с ними случиться?! Друг против друга... Зачем это, ради чего?.. Что им делить?!

Клинок мелькнул так близко, что будущему графу померещилось, будто исходящий от него холодок коснулся щеки. Противник без перерыва провел еще одну комбинацию. Арко смотрел в изуродованное злобой лицо и не узнавал этого человека. Пожалуй, он решил бы, что перед ним кто-то другой, враг, принявший личину виконта Агнара. Боги, да сколько бы наследник Сигвальдов отдал, чтоб так оно и было!.. Только обманываться глупо. И не оттого, что для подобного нужно обладать невероятно сильным магическим даром, да и врагов среди волшебников у них нет. Об этом Арко даже не думал, дело было в другом. Лицо можно похитить, это сложно, это маловероятно, но это реально! Но манеру вести бой – нет. Каждый шаг, каждое движение противника было бесовски узнаваемым, знакомым с детства. Арко слишком много раз проигрывал брату, чтобы не изучить его тактику в мельчайших подробностях. Сомнений не было: именно с этим человеком он раз за разом скрещивал мечи в учебных поединках. А вот во всем остальном волшебник, оказывается, совсем не знал собственного брата.

Надо же, как бывает... Все атаки близнеца Арко прекрасно знал, только отвечать на них так и не научился. Едва успев отпрыгнуть от восходящего удара, он уже понимал, что случится после: Амаг с невероятной скоростью перейдет к одной из верхних атак, и уклониться волшебник уже не успеет.

«Твою светлость, как же глупо!» – эта мысль царапнула абразивной крошкой, ударила в виски. Не страшно, не горько. Именно глупо! В Асавеле, когда четырнадцатилетний Арко сквозь наплывающую дурноту смотрел на острие завязшего в теле меча, было совсем иначе. Тогда он знал, ради чего это, а сейчас... Демоны, да что угодно, только не так!..

Арко отпрянул в бессмысленной попытке уклониться – пустая трата сил: момент, когда еще можно было закрыться или разорвать дистанцию, он уже упустил, а теперь исход один. Полмгновения на осознание, блик вечернего солнца на отполированной стали...

Однако удара за этим не последовало. Крестьянка, о которой маг успел напрочь забыть, как выяснилось, все это время была здесь, наблюдала за ходом сражения. Ненормальная! На что, твою светлость, она надеялась, прыгнув сзади и со всей силы вцепившись в руку Амата?! Да его и мужчина не удержал бы, а она куда лезет?!

Юноша почти уже видел, как виконт Агнара слегка разворачивает клинок, и лезвие проходит точно на уровне ее горла. Бесы, да так бы оно и было!.. Только будто по какому-то наитию Арко, пользуясь секундным замешательством брата, отбросил оружие и сократил дистанцию. Ударил кулаком в голову. Сомнительно, чтобы из этого что-то получилось; только стремясь остановить неизбежное, будущий граф сделал то, на что попросту не имел права. В каком-то безумном порыве он вложил в удар и магическую силу. Осторожно, так чтобы никто из случайных свидетелей, не приведи небо, ничего не заподозрил. И, тем не менее, это было немислимо. Надо же, нарушить накрепко вбитый в голову запрет оказалось куда проще, чем он думал...

Удивленный вздох Амата, и выпавший из разжавшейся ладони меч глухо ударяется о землю. Медленно, невероятно медленно противник падает, бессмысленно закатываются зелено-голубые глаза.

Некоторое время Арко в полном оцепенении смотрел на бесчувственное тело брата. То ли не мог поверить, что сам все еще жив, то ли изумлялся своей решимости. Мир трещал по швам и упрямо не хотел собраться в единое целое. Демоны... Только что он, Арко Сигвальд, обратил оружие и магический дар против родного брата. Только что его брат пытался снести ему голову. Немислимо, несправедливо, безумно... И ведь иначе было нельзя! Проклятье, как Агат мог, зачем?.. Взять женщину силой... В голове не укладывается! До того это грязно. Он же никогда прежде не поднимал руку на тех, кто не может ему ответить! Да и зачем ему силой, если девки сами выются вокруг него, как пчелы вокруг кружки с медовухой?

Сигвальд перевел ошарашенный взгляд на девушку, та все еще неподвижно стояла рядом. Всмотрелся.

– Эй... ты как? С тобой все в порядке? – неловко спросил он.

Кажется, его даже не услышали. Лицо крестьянки застыло, только губы чуть заметно дрожали. Смуглая кожа, казалось, приобрела благородную бледность. Глаза – совсем огромные от пережитого ужаса – в упор смотрели на Арко. И вид у нее при этом был, словно она видит перед собой не дурня, который, если б не ее самоубийственная выходка, только что лишился бы головы, а одного из богов, вдруг сошедшего с храмовой гравюры. Такое благоговение при-мешивалось к страху, такая благодарность... Твою светлость!.. На Арко никто и никогда так не смотрел.

Он понял, что краснеет.

– Послушай, все уже кончилось... – Вот демон, чего он никогда не умел, так это успокаивать женщин. Не приходилось как-то. Он вообще нечасто имел с ними дело, разве что тогда, во время восстания. Но то были боевые товарищи, а это совсем другое!

Попробовал представить, что на его месте сейчас делал бы Сольгре, вот уж кто точно справился бы с этой непосильной задачей. Арко осторожно коснулся затянутого в синий лен плеча, и девушка не отстранилась.

– Как тебя зовут?

Темно-зеленые глаза, наконец, стали осмысленными.

– Антара, господин Орвик. – Ого, и как она их различить смогла?.. – Меня повесят?

Последний вопрос был произнесен совершенно спокойно, словно ответ ее не так уж интересует.

Вообще-то, сложились все иначе, этим бы и закончилось. Поднять руку на господина – это же безумие! Но Арко ничего и никому не скажет. Да и Агат, если он хоть чем-то похож на того, кем волшебник его считал, – тоже. Впрочем, он и не вспомнит, наверное, судя по тому, насколько умудрился набраться!

– Нет, – Сигвальд решительно качнул головой. – Все с тобой будет хорошо, обещаю. В конце концов, ты только защищалась. Послушай, Антара, тебе сейчас лучше пойти домой. Это рядом?

Она нерешительно кивнула и махнула рукой в сторону деревни, выбившиеся пряди упали на лицо.

– Господин, я... Я не знаю, как благодарить, вы...

– Вик. Благодарить должен я, ты мне жизнь спасла! – голос прозвучал неожиданно резко.

Слова Антары обожгли.

Твою светлость, да что вообще случилось с Эверраном?! Попробовал бы какой-нибудь аристократ изнасиловать женщину при Аритенах! Мигом бы головы лишился... А теперь такое сплошь и рядом. А она еще благодарит...

– Вик... – зачарованно повторила девушка, словно пробуя имя на вкус. Арко стало окончательно неловко, и он присел рядом с Аматом, коснулся шеи, проверяя, не переборщил ли. С тем, кажется, все было в порядке, насколько это возможно в сложившейся ситуации. Проклятье, его же до замка как-то дотащить еще надо... Хорошо, кони обученные: стоят, листву с кустов жуют. Если бы их отлавливать пришлось, совсем бы весело получилось...

– Вам помочь? – тихо спросила Антара. На Амата она старалась не смотреть.

– Нет, все нормально. И... знаешь, ты не думай о нем плохо. Он никогда раньше... – запнулся, перевел дыхание. Горло саднило, будто Арко только что хлебнул альдорской воды. Но он все-таки заставил себя продолжить: отчего-то это вдруг показалось ему важным. – Не знаю, что на него нашло, но, поверь, он хороший человек!

– Я верю, – просто ответила девушка, и Арко вдруг понял, что она поверит во что угодно, если он попросит. Странное чувство.

– Спасибо, – растерянно выдохнул будущий граф. Потом тихо добавил: – Ты все-таки иди домой. Темнеет уже.

Волшебнику не хотелось, чтобы она видела, как он будет пытаться поднять в седло бесчувственное тело Амата. По правде говоря, он вообще не был уверен, что легко с этим справится.

Антара хотела еще что-то сказать, но не решилась. Поклонилась и, подобрав чудом не опрокинутое ведро, двинулась прочь. Арко еще долго смотрел на опустевшую тропинку. На душе было тоскливо и скверно, но вместе с тем откуда-то из самой глубины пробивалось щемяще светлое чувство. Словно встретил старого друга. Какая-то идиотская радость от того, что они еще есть: люди, у кого можно отнять жизнь, но не забрать чести. Аamat мог убить Антару – он и убил бы, не вмешайся его брат! – но ничего больше он не мог...

А хорошо, что Арко ее увидел, хотя и при таких скверных обстоятельствах. Он не станет искать новых встреч с девушкой – ни к чему это. Она просто есть, и от этого осознания ему было тепло.

С такими странными мыслями юноша забрался в седло, посадив перед собой Амата, который потихоньку приходил в себя, но все еще ни демона не соображал. Дана Арко решил вести в поводу. В итоге до замка они добрались ближе к ночи, у ворот их уже ждали.

Бесы, еще ведь с отцом надо объясняться, а юноша устал, как собака. Может, переждать? Аamat очухается, пусть сам как хочет, так и выкручивается! А что, дельная мысль! Прикидывая, как бы поскорей оказаться в своей комнате, Арко спешил и повел коней под уздцы. До ворот оставалась пара шагов, когда двое солдат из охраны замка вдруг оказались у него за спиной.

– Именем барона Аннея, вы находитесь под арестом. Сдайте оружие!

Арко непонимающе обернулся к стражникам. Спятели они здесь все, что ли?! Часовые отводили глаза, на знакомых лицах застыла омерзительная смесь вины и страха.

– Мне кто-нибудь объяснит, что тут происходит?!

– Господин Орвик, у нас приказ... – в голосе молодого стражника звучало что-то очень похожее на просьбу. – Ваш меч.

Твою светлость! А ведь они действительно готовы забрать оружие силой, хоть им того и не хочется... Что ж, пусть попробуют! Это не Алат, с этими у Арко могут быть шансы! Здесь явно какое-то недоразумение... Бесы, да что за день сегодня?!

Он подобрался, напрягнулся, готовясь снова принять бой. Ладонь метнулась к эфесу, но замерла на середине пути, потому что человек, до этого стоявший поодаль, шагнул под свет факелов. Волшебник разглядел профиль отца.

– Орвик Анней, тебе было приказано сдать оружие, – граф говорил тихо и властно, так, как умел он один.

Непослушными пальцами Арко отстегнул ножны и, ни на кого не глядя, протянул их солдатам.

Лиар Нейд Альвир, наследный принц Эверрана. Орбес

Ночь выдалась до того ясная, что при желании можно было разглядеть, как в воздухе клубится комарье и прочая кровососущая мелочь. Впрочем, у Альвира такого желания не было, принц задумчиво смотрел вдаль, туда, где угадывался сизый язычок дыма. Расстояние до костра явно было приличным, но вид расплывающегося светлого пятнышка все равно порождал в душе неясное чувство тревоги. Демон знает почему. Вообще-то, костры в степи они видели каждую ночь, с тех пор как поднялись из Разлома. Еще бы, степнякам-то чего стесняться? Они на своей земле... Может, готовят что-то, может, просто греются, все-таки какая бы жара днем ни стояла, а ночи пока прохладные. Да Лиар бы и сам с радостью развел огонь, будь у него такая возможность.

Уже пятый день пошел, как они с Жаворонком выбрались из Разлома Проклятых. Ложиться одновременно теперь не рисковали, спали по очереди, охотиться тоже не получалось: во-первых, зверья на поверхности было куда меньше, во-вторых не сырым же его есть, даже если поймашь. Впрочем, Лиар к подобным сложностям был, в общем-то, привычен, а про Рика и говорить нечего. Принц поначалу опасался, что мальчишка не выдержит долгих переходов по жаре, да еще впроголодь, но тот, кажется, вовсе не испытывал неудобств. Во всяком случае, несмотря на тени под глазами и худобу, выглядел беглый каторжанин куда лучше, чем полторы недели назад, когда Альвир впервые его увидел. Сейчас преступник спал, заматавшись в плащ в несколько слоев, на манер гусеницы. Наверно, уже шла его смена, но принцу пока спать, один бес, не хотелось, так зачем будить? Альвир всегда брал первое дежурство, так обоим было удобней: рано ложиться Лиар Нейд не привык, а Рик и в Разломе вскакивал ни свет, ни заря, полностью оправдывая данное ему кем-то прозвище.

Альвир опять покосился на смутно белеющий столбик дыма и плотнее запахнул куртку. Все горит, зараза... Что ж им не спится? Тоже, что ли, часового выставляют? А на кой демон? Им-то он зачем?

Рядом завозился Жаворонок. Дернулся и, толком еще не проснувшись, попытался вскочить, но запутался в плаще. Лиар вздохнул и вполне уже отработанным движением помог преступнику освободиться из суконного плена. Несколько секунд глаза у Рика были круглыми и ошалевшими, потом, сообразив, где находится, он успокоился. Старательно пряча смущение, заговорил хриплым спросонок голосом:

– С добрым утром. Моя смена-то еще не началась?

Зря он стесняется... В том, что парень иногда просыпается от кошмаров, ничего постыдного нет. Лиару ли не знать? Сам нормально спать начал не так давно. Время такое паскудное: сейчас у всех свои кошмары. Это не слабость, это что-то другое... Да хоть того же Вальда взять! Уж насколько парень крепкий, а по ночам его уже который год окружают полыхающие огнем стены Агальта, и ничего тут не поделаешь. Альвир понял это, когда они с графом застряли в одной деревушке во время Траурной зимы. Принц, ясное дело, тогда виду не подал... Вот и сейчас он ни о чем не спрашивал.

– Понятия не имею, – пожал плечами наследник эверранского престола. – Но мне пока ложиться неохота, так что можешь спать дальше.

Собеседник, подумав, помотал головой. Видимо, перспектива опять провалиться в свои тревожные сновидения его не прельщала.

– Не, выспался уже. Слушай, может, перекусим тогда?

А это можно! Лиар и сам об этом думал, только предлагать было неловко: запасов и так почти не осталось. Даже заготовленные в Разломе тюльпановые луковицы вчера кончились.

– Давай, – принц встал и полез в изрядно похудевшую сумку. Вытащил жесткие, как подошва, полоски вяленой говядины, остатки изюма и слегка подсохший щавель, который неизвестно как умудрился углядеть в траве Жаворонок. Эх, какой все-таки следопыт в парне пропадает. А то и разведчик! На местности ориентируется прекрасно, любую мелочь замечает... Сам Альвир в жизни не разглядел бы среди десятков разных растений что-то съедобное. Принц вообще начинал остро ощущать степень собственного идиотизма: надо же, притащился в Орбес, самым умным себя возомнил. И где бы он сейчас был, если б не случай?

– Стой! – словно подтверждая его мысли, громким шепотом потребовал Рик, когда Лиар намеревался устроиться на плаще.

– Ну, чего опять?

– Не «чего», а «кто», – поправил каторжанин. – Паук. Ты б смотрел, куда садишься! А то я начинаю думать, что жизнь тебе не очень-то дорога. – Он скептически изогнул широкие брови и принялся осторожно стряхивать с плаща зловредное насекомое.

– Ну, прямо сразу жизнь... – смущенно отмахнулся Альвир. Пару дней назад на укус одной из этих тварей он все-таки нарвался: неприятно, но не смертельно. Примерно, как пчела, ну, может, чуть хуже... А попробуй, не нарвись, если эти хитрые сволочи охотятся по ночам, когда ни беса не видно! – Если помнишь, меня уже один укусил, и что-то я пока живой.

– Так это тебя мелкий коричневый кусал, – снисходительно пояснил Рик, закидывая в рот мясо, отчего речь его сразу стала невнятной. – А этот был большой и пятнистый. Если такой цапнет, запросто можно окочуриться!

Ну, вот опять... Нет, конечно, здорово, что его, Лиара, спутник столько всего знает, иначе оба уже могли бы быть на том свете... Однако возникало впечатление, что Жаворонка это развлекает: демонстрировать столичному вельможе его дремучее невежество. Временами это раздражало. А еще больше нервировал тот факт, что выяснить, откуда у беглого преступника такие познания в самых разных областях, упорно не получалось. Удивительное дело, они путешествовали вместе уже больше недели, и все это время Рик трещал без умолку... И, тем не менее, Нейд знал о нем не больше, чем в первый день их сомнительного знакомства. Стоило принцу задать какой-нибудь безобидный вопрос, на который мальчишка почему-то не хотел отвечать, и разговор как-то сам собой перетекал в совершенно другое русло. При чем происходило это столь ненавязчиво, что Лиар не сразу понимал: его в который раз обвели вокруг пальца. Нет, определенно, в Жаворонке пропадает не только отличный разведчик, но и толковый дипломат!

Однако Лиар был человеком упрямым, а потому попыток не оставлял. Попробовал и теперь.

– С чего ты взял? – изобразив недоверие, осведомился он.

Жаворонок ненадолго задумался, почесал комариный укус на щеке и в очередной раз ухмыльнулся. При здешнем освещении расцарапанная физиономия преступника выглядела особенно ехидно.

– Ты у нас человек занятой... – протянул он, изучающе глядя на собеседника. – Уйма важных дел, наверно! То турнир, то охота, то пьянка какая-нибудь официальная... А у нас, простых смертных, сам понимаешь, свободного времени хоть отбавляй! Можно и книжки почитать, умных людей послушать...

Ну не зараза?! Пьянки официальные!.. Да сколько б Лиар отдал, чтобы не торчать на этих демоновых приемах!

– Ты нос-то особо не задирай! И так курносый... То, что ты в сорняках и букашках разбираешься, еще не значит, что все остальные идиоты! Посмотрю я, как ты про тактические маневры или про оружие будешь рассказывать... – не выдержал Альвир и тут же мысленно хлопнул себя по лбу. Фениксовы перья! Вот опять он до обидного легко поддался на простенькую провокацию Рика, позволив тому перевести тему разговора. И так все время!

– Могу и про оружие... – не растерялся каторжанин, и Лиару, несмотря ни на что, стало интересно. Он прекрасно понимал, что Жаворонок на то и рассчитывает... Ну да бес с ним!

– Ладно, давай, умник! – он вытащил из ножен кинжал и кинул на плащ между ними. – Что расскажешь?

Жаворонок покрутил в пальцах хорошо знакомое ему оружие и небрежно махнул рукой.

– Да что о нем говорить? Эльвергская работа, тем все и сказано! Хрен затупишь, хрен сломаешь. Почти не ржавеет, стоит, наверное, как хорошая лошадь.

Ага... Негусто, чего и следовало ожидать. Сам Альвир мог бы описывать характеристики такого клинка минут сорок. И все равно интересно, как Жаворонок распознал эльвергскую работу, все-таки эта форма гарды для них нехарактерна. Неужели мальчишка действительно способен отличить знаменитую эльвергскую сталь, секрет которой так никому и не удалось разгадать? Надо же... Внешне-то она почти ничем не отличается от многих других разновидностей!

– Уверен? – Лиар пристально взгляделся в лицо каторжанина. – А с чего ты взял, что кинжал не эверранской ковки?

– Да ладно, я ведь угадал? – азартно вскинулся собеседник.

– Ну, угадал. И все-таки?

– Ладно, в оружии я действительно не разбираюсь, – неожиданно признался Жаворонок.

– Догадался просто. Ну, смотри, плохой кинжал ты бы с собой таскать не стал, верно?

– Ясное дело!

– Вот! Значит, зубочистка толковая. В новом Эверране стоящего оружия почти не изготавливают. И не делай такое лицо, сам знаешь! Почти вся знать ходит с ирейскими клинками, но ирейцы дорогое оружие всегда украшают завитушками и прочей никому не нужной ерундой, а этот простой, как доска. Еще у особо состоятельных встречаются клинки времен старого Эверрана, только их, как правило, покрывали золотом, не целиком, так хоть рукоять или гарду. Здесь, в Орбесе, кстати, тоже в оружии толк знают, но у «лошадников» клинок всегда посеребренный. Альдора? Опять не стыкуется: у этих рукоятки деревянные. Вот и получается, что кинжал эльвергский!

Альвир дожевал горьковато-кислый щавелевый листок и озадаченно почесал затылок. Рик сильно упрощал, но поспорить с его доводами было сложно. Действительно, пожалуй, только эльверго почти никогда не украшают оружие другими материалами. Хотя принц узнавал их работу скорее по узкой треугольной форме клинка и характерному углу заточки.

– А говоришь, в оружии не разбираешься, – упрекнул он.

– Так и есть. Просто эти особенности не только к оружию относятся! – Рик помолчал, очевидно, задумавшись, стоит ли продолжать разговор, но потом все-таки решил. – Нейд, это же не для красоты все! Просто многие вещи, в том числе клинки, раньше заколдовывали. Я не про настоящие артефакты, а просто от ржавчины или поломки... Да у нас до сих пор люди ходят с колдовскими цацками и сами об этом не знают! Вот и получается. В центральной части старой империи магам чаще всего покровительствовал Огонь, как тем же Фениксам. А огненная магия, говорят, лучше всего липнет к золоту! Тоже и с остальными. Ну, разве что ирейцы ничего не заговаривали, у них и магов почти не было. А у эльверго, как правило, стихия – Гроза, она любит чистую сталь. Магию запретили, но традиции-то за один день не меняются.

Рик замолчал и вернулся к поеданию изюма. Оторопелой физиономии собеседника он словно не замечал.

– Ты осторожней с такими размышлениями! – придушенно выдохнул Лиар, когда к нему вернулся дар речи. Проклятье, слушать Жаворонка было действительно интересно: о колдунах принц знал не так уж много, а про взаимосвязь металла и магии вообще слышал впервые. Но говорить на подобные темы?.. Донесет кто-нибудь, половину, как водится, переврав, – беса

лысого ты потом докажешь! – И вообще, откуда такие познания, Рик, я серьезно: откуда?! Не заставляй меня думать, что ты знаешься с колдунами! Ты в курсе, что за это полагается?..

Тот досадливо отмахнулся.

– А что я такого сказал? Это просто наблюдения, причем не мои. Говорю же, книжки читал.

Ага, книжки... Хотелось бы знать, где он их откопал? Вообще-то до Войны Огня ничего сложного в том не было: какая-никакая библиотека имелаась при каждом храме. Но после падения Аритенов слишком многие книги были признаны запрещенными. Их свозили в королевский замок, где они пока и хранились, что с ними делать дальше, регент очевидно, еще не решил. Впрочем, иногда с запрещенными предметами не возились и попросту жгли, подобное тоже допускалось. По мнению Лиара, кощунство, но кто его спрашивал? А хотя бы даже и спросили... Какой бы варварской ни казалась эта мера, она была необходима.

Принц не раз пытался выбить у Сэйграна разрешение восстановить хотя бы часть библиотек, выбелив в старых рукописях упоминания колдовства, но на это в казне вечно не находилось средств.

– И где же у нас о таком пишут? – в упор спросил он, почти желая, чтобы Жаворонок не ответил. Бесы, до чего идиотское положение...

– В записях Сольгре Сигвальда, – как ни в чем не бывало откликнулся мальчишка.

Фениксовы перья, да с ним свихнуться можно! Самые простые вещи спрашиваешь: сколько лет, где родился, и Рик уже вертится, как червяк на рыбацком крючке, чтобы от ответа уйти! А потом запросто признается, что читал дневники человека, имя которого вообще произносить страшно!.. Легендарный Сольгре Сигвальд, колдун и последний странствующий король Эверрана.

Раньше помимо правящего монарха в государстве был еще монарх странствующий. Этот человек путешествовал по континенту, делился опытом и умениями своей страны, смотрел, как живут в чужих землях, занимался внешней политикой и имел почти неограниченные полномочия. Для того чтобы стать правящим монархом, достаточно родиться старшим ребенком в августейшей семье. Получить титул странствующего было куда сложнее, для этого много чего требовалось. Альвир в подробности не вдавался, помнил только, что они обязаны изучить основы самых разных ремесел и отслужить несколько лет в войске союзного государства. Как правило, странствующим становился кто-то из королевской семьи, но история знала немало исключений. Как бы там ни было, принимая корону странствий – узкий обруч с четырьмя камнями, человек отрекался от всего остального: земли, титула и обязался никогда не принимать новых.

Пройти непростые испытания, отказаться от всего, что имеешь, чтобы потом всю жизнь таскаться по континенту, хотели немногие. А из тех, кто все же хотел, – большая часть не могла. Потихоньку держав, имеющих странствующего правителя, становилось все меньше, к концу прошлого столетия их осталось всего две. Последним странствующим королем Эверрана стал наследник Сигвальдского графства, отказавшийся от родового титула в пользу младшего брата. Он носил корону восемнадцать лет, обошел едва ли не весь континент и даже посетил несколько близлежащих островов. Незадолго до того, как разгорелась Война Огня, господин Сольгре сложил с себя полномочия странствующего монарха и стал лекарем в войске Великого Феникса. Говорят, он и Сивер Аритен были близкими друзьями, Феникс во многом прислушивался к бывшему графу. Сложно сказать, почему Сигвальд во время обороны столицы оказался отослан в Тавское ущелье, а не погиб вместе с королевской семьей в Эверре... И никто не знает, где скрывался колдун после войны. Когда его племянник, граф Рене, поднял восстание, среди мятежников Сольгре не оказалось. Только когда войско повстанцев было почти перебито в Асавеле, а сын их предводителя, которого тот за каким-то бесом потащил на войну, смертельно ранен, бывший странствующий все-таки пришел на помощь колдунам.

То, что рассказывали о нем немногие выжившие солдаты, не слишком походило на правду. Во всяком случае, Лиару не верилось, что кто-то, кроме Феникса, способен на подобное. Но, как бы ни преувеличивали могущество Сигвальда, оставшимся в живых мятежникам удалось покинуть долину, что в тех условиях было почти невероятно. Некоторых потом разыскали и предали суду, но кое-кому удалось скрыться. О самом колдуне с тех пор ничего известно не было, однако Сэйгран назначил за его голову такую награду, что Лиару становилось не по себе. Регент мало кого боится, но, кажется, Сольгре Сигвальд все-таки вызывает в душе эверранского правителя чувство страха...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.